

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Институт гуманитарных наук и искусств
Департамент «Филологический факультет»
Кафедра риторики и стилистики русского языка

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Сборник трудов молодых ученых

ВЫПУСК 3

2014

ББК Ш 141.12
УДК 811. 161. 1'06
М75

**Издается по решению
кафедры риторики
и стилистики русского языка
Уральского федерального университета**

Научный редактор
И. В. Шалина – доктор филологических наук,
профессор кафедры риторики и стилистики русского языка

М75 Молодые голоса: сб. тр. / Под ред. И. В. Шалиной. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2014. 156 с.

ISBN 978-5-91256-205-1

В третий выпуск сборника научных трудов «Молодые голоса» вошли статьи студентов разных курсов ИГНИ и ИСПН, а также магистрантов и аспирантов кафедры риторики и стилистики русского языка и кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Работы молодых исследователей отражают широкий круг актуальных проблем современной русистики: лингвокультурологии, когнитивистики, жанроведения, коммуникативной прагматики, стилистики, риторики, лексической семантики, лексикографии.

Издание адресовано специалистам по русистике, аспирантам, магистрантам, студентам высших учебных заведения.

**ББК Ш 141.12
УДК 811. 161. 1'06**

ISBN 978-5-91256-205-1

Предисловие

В третьем выпуске сборника научных трудов «Молодые голоса» представлены статьи студентов разных курсов ИГНИ и ИСПН, а также магистрантов и аспирантов кафедры риторики и стилистики русского языка и кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Работы молодых исследователей отражают свежий взгляд на актуальные проблемы лингвокультурологии, когнитивистики, лексической семантики, лексикографии, жанроведения, коммуникативной прагматики, стилистики, риторики; определяют перспективные направления научных исследований, осуществляемых на кафедре риторики и стилистики русского языка. В статьях проводится сопоставительный анализ прецедентных выражений, концептов, стереотипов и ценностных представлений, релевантных для национальных лингвокультур; осуществляется категориальный, стилистический и литературоведческий анализ текста; выявляются аспекты речевого поведения личности, а также жанрообразующие признаки некоторых жанров СМИ.

Статьи Дао Динь Хао, Заяц С. С., Ли Чанг, Лысенко М. А., Петкау А. Ю, Шань Цзян, Уонг Минь Туана, Чжао И характеризуются лингвокультурологической направленностью, описывают ментально значимые объекты русской, китайской, вьетнамской лингвокультур, выявляют культурные константы и отличительные особенности, свойственные данным культурам.

Статьи Бортникова В. И., Кругликовой Е. А., Гоголевой И. О., Деркач В. В., Егоровой Е. М., Лёвиной Е. С., Савченко В. В., Степановой М. А. посвящены тексту – оригинальному или переводному, который рассматривается в категориальном, креативном, структурном, поэтическом и других аспектах. Выявляются функции текстовых единиц и категорий, описываются их типы.

В статьях Берсеновой А. А., Караваевой Е. В., Мальцевой Т. В., Пестеревой Е. Д., Харитоновой Ю. С. объектом исследования предстает языковая личность, рассматриваемая в коммуникативно-прагматическом аспекте: описываются имидж и речевая манера блогера, участника

ток-шоу, телеведущей, выявляются языковые и речевые особенности, характеризующие личность, причины имиджевых коммуникативных неудач, маркеры конфликтного типа речевого поведения, возможности воздействия на аудиторию, обусловленные владением технико-речевыми навыками, фиксируются сигналы зон социального огрубления речи. Статьи Исаковой Е. А. и Огоновской А. И. посвящены стилистическим и лингвокультурологическим особенностям жанров радиорепортажа и самопрезентации («визитки»).

Актуальная проблематика статей, внимательное отношение авторов к различным сферам языка и речи, владение современными фундаментальными и прикладными методами лингвистических исследований, функциональный подход к изучаемому материалу – надежное свидетельство того, что голоса молодых ученых-филологов будут услышаны.

Профессор каф. риторики и стилистики русского языка,
доктор филол.наук **Шалина И. В.**

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дао Динь Тхао
УрФУ

магистрант кафедры риторики
и стилистики русского языка УрФУ

Основные типы фразеологических единиц в русском и вьетнамском языках

Фразеологические единицы национального языка разнообразны по своему составу, по выражаемым ими значениям, по степени семантической нерасчленённости, функциям в речи. В связи с этим вопрос о классификации фразеологизмов является достаточно трудным и вызывает подчас противоречивые суждения.

Родоначальником учения о фразеологизмах считают швейцарского лингвиста Шарля Балли, который выделил специфические признаки фразеологизмов, разграничил свободные и связанные сочетания слов, поставил вопрос о классификации несвободных сочетаний [Балли 2009].

Большую роль в изучении фразеологии сыграли работы В. В. Виноградова, который сформулировал предмет и задачи фразеологии, дал лексико-семантическую характеристику фразеологизмов и предложил их классификацию.

В. В. Виноградов выделил классы фразеологизмов в зависимости от степени семантической связанности и грамматической отдельности компонентов [Виноградов 1977: 141-161]. На этих основаниях им были выделены три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения – это семантически неделимые и грамматически неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не соответствует сумме значений слов, их составляющих. В. В. Виноградов пишет: «Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словообразований абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака. Фразеологические еди-

© Дао Динь Тхао

ницы этого рода навываются фразеологическими сращениями. Они немотивированны и непроеизводны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то их соотношение чисто омонимическое» [Там же: 145]. Примером данного типа фразеологических единиц может служить сочетание *пойти по языкам* – «получить широкую огласку, стать предметом сплетен» [СО: 825]. Проверим алгоритм, предложенный ученым на двух примерах: *Не хочу, чтоб такая мерзость положения моего пошла по языкам* (Ф. Достоевский).

1. Извлечем из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова значения глагола *пойти* и существительного *язык*:

пойти: 1) начать идти; 2) приступить к какой-л. деятельности, службе; вступить куда-л., стать кем-л.; 3) *на что* решиться на что-л., согласиться; 4) *во что, на что, подо что* употребляться, использоваться для чего-л.; 5) *кому-чему, к кому-чему* стать подходящим, соответствующим; 6) *за кого* вступить в брак; 7) *чем, с чего* сделать ход в игре; 8) *в, на* указывает на подверженность действию, выраженному существительным [СО: 447].

язык: 1) орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий её вкусовые свойства; орган некоторых животных, используемый в пищу; кушанье из него; 2) орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи; 3) система словесного выражения мыслей, обладающая определённым звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей; способность говорить, выражать словесно свои мысли; 4) разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; стиль; способ словесного выражения, свойственный кому- чему-л.; индивидуальный стиль, слог; 5) система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию; то, что выражает, объясняет собой что-л.; 6) народ, народность; 7) пленный, от которого можно узнать нужные сведения; 8) металлический стержень в колоколе или колокольчике, который, ударяясь о стенку, производит звон; 9) о том, что имеет удлинённую, вытянутую форму [СО: 734].

Как видим, ни одно из самостоятельных значений слов *пойти*, *язык* не реализуется в сочетании *пойти по языкам*, т. е. словосочетание нельзя разложить на составляющие.

2. С грамматической точки зрения, словосочетание *пойти по языкам* также не подлежит разложению.

3. Данное сочетание, с точки зрения современного языкового сознания, нельзя назвать образным, мотивированным.

4. В предложении двусловное сочетание выполняет роль сказуемого.

Аналогичная единица из вьетнамского языка: *pì quốc trong bụng* (дословный перевод: *идти башмаком (у кого-либо) в животе*), значение – «hiếu h, hiếu thảo suy nghĩ, э pồ thâm kпn của người khбс» («хорошо понимать, хорошо знать мысли, скрытые замыслы других») [9]¹. Это сочетание следует отнести к сращениям, т. к. слова в его составе потеряли самостоятельное значение и их нельзя заменить другими словами. Данное сращение активно употребляется как в разговорной, так и в художественной речи, хотя с точки зрения носителя вьетнамского языка оно является немотивированным; в предложении оно занимает позицию сказуемого. Приведем конкретный пример:

«*Nhưng một số người đã đi quốc trong bụng bọn cường hào, biết là dọa già dọa non thế thôi*» (Nguyễn Công Hoan). Дословный перевод: *Однако некоторые даже идут башмаком у местных чиновников в животе, зная, что чиновники просто так угрожают.*

Следует согласиться с В. В. Виноградова в том, что «основным признаком сращения является семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно – химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [Виноградов 1977: 147].

Сращение *пойти по языкам* синонимично глаголу *распространиться*. Синонимия слов и фразеологизмов – свидетельство богатства и выразительности языка.

Потеря самостоятельности значений слов в составе фразеологических сращений подтверждается тем, что в них нередко встречаются устаревшие, подчас совсем непонятные слова и грамматические формы, например: *попасть впросак* – «попасть в неловкое положение», *точить балясы* – «пустословить», *бить баклуши* – «бездельничать», *ничтоже сумняшеся* – «ничуть не сомневаясь, не задумываясь»; в выражении

¹ Здесь и далее перевод с вьетнамского языка словарных толкований автора.

притча во языцех – «предмет постоянных разговоров» – употребляется старая форма местного падежа существительного и др. Ср. во вьетнамском языке:

đui bể (тутовое море) – «изменение, поворот ситуации»;

тви thuấn (ника щит) – «противоречие».

Это варианты китайско-вьетнамских фразеологизмов, т. е. тех фразеологизмов, которые являются кальками с китайского языка. Носители вьетнамского языка активно употребляют данные сочетания, но их происхождение далеко не все понимают: сочетание *đui bể* (тутовое море) – это упрощенный вариант сочетания *thợng hải vì tang điền* – «bri bể thành ruộng đui» («морской берег стал тутовым полем»); а сочетание *тви thuấn* (ника щит) – сокращение сочетания *từ tằng mui thuấn* – «xung khắc với nhau như mui/giבו với thuấn/khiкn» («противоречить друг другу как ника щиту») [3].

Фразеологические сращения уподобляются непрямому немотивированному словам.

К числу фразеологических сращений относят сочетания, все компоненты которых понятны, соответствуют морфологическому строю современного языка; в то же время синтаксические связи между компонентами этих структур не соответствуют грамматическим нормам. Например: синтаксически аномальными являются сращения *шутка сказать* (выражение удивления), *как тить дать* – «обязательно».

Сращения называют также идиомами (греч. *idioma* – своеобразное выражение), их неразложимость и немотивированность создают трудность при переводе на другой язык. Дословный перевод, как правило, является неадекватным. Следует, как представляется, опираться в таких ситуациях на явление межъязыковой синонимии.

Фразеологические единства – это такие семантически неделимые устойчивые сочетания, общее значение которых является результатом образного переосмысления всего словосочетания и может быть мотивировано семантикой составляющих его компонентов, т. е. общее значение фразеологических единств в какой-то мере вытекает из совокупности значений составляющих их слов. Такие фразеологические единицы, по В. В. Виноградову, «обладают свойством потенциальной образности. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует из действительной этимологии. По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску» [Там же: 152-153]. Так, сочетание

мозолить язык – «болтать» воспринимается как переносное от прямых значений заключённых в нем слов *мозолить* и *язык*.

В значении «изменчивость, непоследовательность в речи» во вьетнамском языке употребляется фразеологизм *lǎi khǎng hǎng* (язык без костей) – «về ngời nay nui thể này, mai lại nui thể khác một bích rất dễ dàng» («о человеке, который сейчас говорит одно, а завтра, не задумываясь, говорит другое») [СВФиП]. Вьетнамцы, как и русские, замечают, что у языка нет костей, язык гибкий. У человека язык без костей, значит, можно говорить то одно, то другое. Фразеологизм во вьетнамском языке имеет неодобрительную окраску. Если во вьетнамском языке фразеологизм *lǎi khǎng hǎng* (язык без костей) имеет указанное выше значение, то в русском языке фразеологизм *язык без костей* имеет значение «о чрезмерной болтливости» и скорее шутливо-уничжительную окраску. А в значении «изменчивость, непоследовательность в речи» в русском языке употребляется пословица *Мели, Емеля, твоя неделя* [СД].

Следует отметить, что фразеологические единства составляют большую часть фразеологических единиц вьетнамского языка. Подтвердим это положение примерами:

muối bỏ biển (бросать соль в море) – «quá ít ỏi, không tác dụng gì» («слишком мало, не приносить пользу») [СВФиП].

chở củi về rừng (возить дрова в лес) – «việc làm thừa, chỉ tốn công vô ích» («о лишнем деле, бесполезном усилии») [СВФиП].

Воспроизводятся парадоксальные ситуации: в соленое море человек бросает горсть соли; в лес, откуда берут дрова, человек возит дрова. Подобные действия расцениваются как бесполезные.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов с живой внутренней формой. Сближаясь с фразеологическими сращениями по признаку семантической неразложимости, они отличаются от сращений образностью и потенциальной выводимостью общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по своей внешней форме могут совпадать со свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярное выражение *намылить голову* в значении «сильно побранить, пожурить, сделать строгий выговор» и омонимическое свободное словосочетание, включающее прямые значения слов: *намылить голову* (шампунем).

Особенность фразеологических единств в их образности, метафоричности, которая, например, отчётливо воспринимается в выражениях *заговаривать зубы* – «отвлекать внимание», *грош цена* – «ничего не сто-

ит», *высосать из пальца* – «выдумать, сказать без всяких оснований», *плыть по течению* – «поступать пассивно, подчиняясь господствующим взглядам, мнениям и т.п.».

Многие фразеологические единства, в отличие от фразеологических сращений, не являются совершенно застывшими по своему составу: в них могут быть части, допускающие лексические замены: *оборотная сторона медали* и *другая сторона медали*; *медведь на ухо наступил* и *слон на ухо наступил* и др.

Ср. во вьетнамском языке:

ao sủi pẻ́c sả (*пруды глубокие, воды широкие*) и *ao liẻn pẻ́c sả* (*пруды слитные, воды широкие*);

Возможно и изменение порядка слов:

pẻng khẻn sủa tẻi (*поднимать платок, поправлять карман*) – *sủa tẻi pẻng khẻn* (*поправлять карман, поднимать платок*) – «заботиться о муже – обязанность жены в древние времена» [СВФиП].

Перевод с русского языка на вьетнамский и с вьетнамского языка на русский требует тщательного анализа фразеологических единств, предусматривает поиск межъязыковых синонимических соответствий. Важным является объяснение основ переноса, специфической мотивированности, отражающей особый взгляд народа на мир.

Фразеологические сочетания – это такие устойчивые сочетания, общее значение которых складывается из отдельных значений компонентов, т. е. фразеологические сочетания по смыслу членимы; общее значение сочетания складывается из суммы значений слов, входящих в их состав. В. В. Виноградов пишет: «Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего называть фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах» [Там же: 159]. Эти фразеологизмы отличаются от сращений и единств прежде всего тем, что в их составе имеются слова, обладающие несвободным (фразеологически связанным) значением, которое реализуется только в условиях определённого лексического окружения. Например, только в сочетании со словами *дело*, *вопрос*, *обстоятельство*, *положение* становится понятным значение слова *щекотливый* – «требующий большой осмотрительности, осторожного

и тактичного окружения; деликатный» [СО: 723]; со словами *кипеть, пылать, терзаться*, раскрывается значение слова *досада* – «особо сильно недовольствоваться, злиться, мучиться и др.» [СО: 153].

Фразеологические сочетания почти не имеют омонимичных свободных сочетаний. В то же время отдельные компоненты могут заменяться синонимами. Например: *скоропостижная смерть* – *внезапная смерть*, *расквасить нос* – *разбить нос*, *трескучий мороз* – *сильный мороз*, *ноль внимания* – *никакого внимания* и др.

Так же, как в русском языке, во вьетнамском языке слово *té nhĩ* (*щекотливый*) – «*сư những tmnh tiết tình tế, sủi knn thởong khi nưi ra hoặc khfng tiện nưi ra* рэс» («имеющий тактические, скрытые детали, о которых трудно или неудобно говорить») – проявляет свое значение только в сочетании со словами *vấn đề* (*проблема*), *sủi hỏi* (*вопрос*), *hoàn cảnh* (*обстоятельство*), *tmnh hiếng* (*ситуация, положение*), *việс* (*дело*). Однако следует отметить, что во вьетнамском языке данный тип словосочетаний, хотя действительно существует, но до настоящего времени не фиксируется словарями как особый тип фразеологических единиц.

Принимая точку зрения В. В. Виноградова, некоторые русисты считают возможным расширить состав фразеологии и наряду с рассмотренными выше типами собственно фразеологизмов выделяют так называемые фразеологические выражения, «которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [Шанский 1985: 62]. Например, *Любови все возрасты покорны*; *Человек в футляре*; *Неправдою свет пройдёшь, да назад не воротиться*; *Семь раз отмерь – один раз отрежь* и др. Как видно из примеров, к числу фразеологических выражений отнесены авторские афоризмы, а также пословицы и поговорки.

Фразеологические выражения отличаются от выделенных В.В. Виноградовым единиц тем, что они выполняют не номинативную, а коммуникативную функцию, т. е. являются законченными единицами общения – предложениями, например: *Все пройдет, как с белых яблонь дым* (С. Есенин); *Да, жалок тот, в ком совесть нечиста* (А. Пушкин); *Подписано, так с плеч долой!* (А. Грибоедов).

Фразеологические выражения, как было отмечено, обычно представляют собой высказывания афористического типа, а также морально-этические назидания, взятые из художественной литературы или фольклора, например: *Есть порох в пороховницах* (Н. Гоголь); *Да только воз и ныне там* (И. Крылов); *Любишь кататься – люби и саночки возить* (пословица).

Во вьетнамском языке такие выражения также распространены:

An cư lạc nghiệp (Наладил жилище – охотно работаешь) – «*Chỉ ở có yên thì việc làm mới ổn định*» («Если не нужно беспокоиться о доме/месте проживания, тогда можно и карьерой заняться») [СВФиП].

Ăn có nhai, nói có nghĩ (Когда едят – жуют, когда говорят – думают) – «*Ăn nói phải suy nghĩ thận trọng*» («Быть осторожным в речи») [СВФиП].

Ср. выражения, взятые из художественной литературы:

Thức đêm mới biết đêm dài (Nam Cao). Дословный перевод: Когда не спим, понимаем, как длинна ночь;

Nước nổi thì bèo nổi (Ma Văng Kháng). Дословный перевод: Вода поднимается, поднимается и вода-напоротник.

В синтаксическом плане устойчивые выражения представляют собой обычные предложения самых различных типов и подвергаются синтаксическому анализу по общим правилам выделения и оценки их филологических примет и структурных частей.

По вопросу о возможности включения устойчивых выражений в состав фразеологии у лингвистов нет единого мнения. Ряд учёных [Ожегов 1957; Амосова 1963; Калинин 1978 и др.], исходя из того, что пословицы, поговорки, крылатые выражения представляют собой коммуникативные единицы, равные предложению, предлагают не включать их в состав фразеологии. Другие, например [Шанский 1985], считают возможным включить данные единицы в состав фразеологии. Основанием для отнесения пословиц и поговорок к фразеологии является общность их характеристик: устойчивость компонентного состава, структуры и значения, воспроизводимость в речи в готовом виде, общеупотребительность.

Классификация фразеологических единиц, предложенная В. В. Виноградовым, не является исчерпывающей, не охватывает всего многообразия явлений фразеологии. Кроме того, довольно часто нелегко установить, к какому из рассмотренных типов фразеологизмов относится то или иное устойчивое сочетание. Тем не менее, данная классификация фразеологизмов, исходящая из их структурно-семантических особенностей и учитывающая степень грамматической и смысловой слитности слов, входящих в состав устойчивых сочетаний, представляется строгой, т. к. она разработана на едином основании. Установление основных типов фразеологических единиц в соответствии с классификацией В. В. Виноградова в настоящее время представляется научно обоснованным, непротиворечивым.

В то же время инофону, который стремится в совершенстве изучить язык, составить представление о его национальных особенностях, а через них – и о менталитете народа, – необходимо знать и понимать прецедентные выражения, отражающие специфику национального взгляда на мир. Следовательно, широкий взгляд на фразеологию, с прагматической точки зрения, следует считать оправданным.

Литература

Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1963. – 216 с.

Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с фр. Изд. 3. – М.: УРСС, 2009. – 384 с.

Буй Хань Кан, 5000 употребительных китайско-вьетнамских фразеологизмов. – Ханой: Образование, 1993. – 158 с.

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. – М.: «Наука», 1977. – С. 141-161.

Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/. Дата обращения: 15.03.2014

Калинин А. В. Лексика русского языка. – М.: МГУ, 1978. – 231 с.

Ожегов С. И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: АН СССР, 1957. С. 38-46.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Словари

СО – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2011. – 376 с.

СВФил – Словарь вьетнамских фразеологизмов и пословиц [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tudienthanhngu.com/>.

Словарь вьетнамского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tratu.soha.vn/>.

Тихонова А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка/под ред. проф. А.Н. Тихонова: в 2 т. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

Хоанг Фэ. Словарь вьетнамского языка/ под ред. проф. Хоанг Фэ. – Ханой: Изд-во Гуманитарных наук, 1988. 1208 с.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Заяц С.С.
магистрант кафедры риторики
и стилистики УрФУ

Энциклопедический компонент концепта *мёд*

В современной лингвистике установилась антропоцентрическая парадигма, согласно которой фокус внимания переносится с языка как объекта на язык во взаимосвязи с его субъектом – человеком. Поэтому сейчас актуальными стали лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы к исследованию языка. Предмет когнитивной лингвистики – соотношение языка и сознания, где язык представляется как средство доступа к мыслительным процессам, к механизмам сознания. Лингвокогнитивный подход предполагает анализ структур мышления индивида через язык (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин).

Предмет лингвокультурологии – соотношение языка и культуры. Для лингвокультурологического подхода интересно отношение язык-народ, язык-этнос, которое предполагает исследование культурного осмысления явления (Е. Бартминьский, Е.Л. Березович, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.М. Толстая, Н.И. Толстой).

Основной единицей исследования для обоих направлений является концепт.

В когнитивной лингвистике важным является изучение не только содержания концепта, но и его структуры. Существуют различные понимания структуры концепта, высказываются различные мнения об основных компонентах концептов. Например, Ю.С. Степанов в концепте выделяет общеизвестную информацию и историческую, этимологическую [Степанов 2004: 48], С.Г. Воркачев – понятийную составляющую, образную и значимостную [Воркачев 2004: 7], В.И. Карасик вычленяет образно-перцептивный компонент, понятийный и ценностную составляющую [Карасик 2004: 118], Г.Г. Слышкин различает в структуре концепта четыре зоны – интразону и экстразону (основные), а также квазизону и квазиэкстразону (дополнительные) [Слышкин 2004: 17-18].

Мы опираемся на работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина и принимаем определение концепта как «дискретного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека, обладающего относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющего собой результат познавательной деятельности лич-

ности и общества и несущего комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24]. В структуре концепта, согласно этой теории, можно выделить три макрокомпонента: образный, энциклопедический и интерпретационный.

Образный компонент – это «базовый образ универсального предметного кода» [Стернин 2008: 173]. Данный компонент состоит из перцептивной и когнитивной частей. Перцептивный образ – это результат восприятия концепта органами чувств. Например, для концепта *мёд* это такие когнитивные признаки: вкус – сладкий, цвет – желтый, консистенция – густой и липкий, запах – особый аромат.

Когнитивный образ отражает связи содержания концепта с другими концептами. В когнитивный образ концепта *мёд* входят взаимоотношения мёда и пчёл, мёда и растений...

Энциклопедическое поле «включает в себя когнитивные признаки, отражающие осмысление собственных, онтологических признаков концептуализируемого явления» [Стернин 2008: 173]. Когнитивные признаки концепта *мёд*, относящиеся к энциклопедическому полю концепта и являющиеся предметом данной статьи, будут подробно рассмотрены далее.

Интерпретационное поле – это «совокупность когнитивных признаков, так или иначе интерпретирующих образ и энциклопедическое содержание концепта» [Стернин 2008: 176]. Интерпретационное поле концепта *мёд* представлено оценками мёда (приятный, хороший, вкусный) и символизацией, например, мёд – это символ достатка.

В энциклопедическое поле концепта *мёд* входят когнитивные признаки, появившиеся в результате анализа человеком объективных свойств мёда, их применения. Мёд – это съедобное вещество, обладающее определенным вкусом и составом, вследствие чего мёд – пищевой продукт, то, что мы едим. Химический состав мёда обуславливает также его полезные свойства. Таким образом, мы выделяем два когнитивных признака в энциклопедическом поле концепта *мёд* – «пищевой продукт» и «полезный продукт».

Согласно Толковому словарю Т.Ф. Ефремовой (далее – ТСЕ) лексема *мёд* имеет два значения мёда как пищевого продукта: «1) Сладкое сиропобразное вещество, вырабатываемое пчелами из нектара некоторых растений. 2) Легкий хмельной напиток, приготавливаемый из такого

вещества, вырабатываемого пчелами». Мёд в контекстах, следовательно, может актуализироваться как напиток или как продукт (в этом случае мёд либо самостоятельный продукт, либо часть блюда).

Существование и актуальность когнитивных признаков выявляются и подтверждаются на материале высказываний. Для экспликации когнитивного признака «пищевой продукт» исследуются контекстные партнеры лексики *мёд* в высказывании. И.А. Стернин указывает, что «контекст, активно влияя на семантическую реализацию единицы, сам при этом выступает как своеобразная семантическая единица» [Стернин 1985: 105]. Ст. Ульман говорил, что именно контекст является «основной гарантией против неясности значения» [Ульман 1962]. Сочетаемость – это способность элементов сочетаться друг с другом в речи. В.Г. Гак, изучая семантическую сочетаемость, исходит из того, что в значении соединенных между собой слов должен присутствовать общий компонент¹ (В.Г. Гак называет его синтагмой). Другими словами, сочетаемость слова А можно определить как «информацию о требованиях, которые предъявляет слово А к слову В, синтаксически связанному со словом А» [Кобозева 2007]. Таким образом, сочетаемость – это не просто способность слова, это также определенные требования слова к окружающему контексту.

В качестве контекстных партнеров, поддерживающих семантические признаки энциклопедического поля концепта *мёд*, выступает, прежде всего, лексика пищевой сферы. К данной сфере относятся лексемы, означающие: 1) еду как физиологический процесс; 2) процесс питья; 3) процесс приготовления пищи 4) пищевые продукты; 5) кушанья; 6) напитки; 7) свойства объекта еды или питья; 5) характеристику человека по отношению к еде и питью [Словарь синонимов русского языка 2011].

Мёд как пищевой продукт, употребляемый самостоятельно, реализуется в высказываниях, где присутствуют контекстные партнеры, описывающие еду как физиологический процесс, например: *На крыше есть даже своя пчелка, мёд которой можно попробовать в ресторане центра* [Самые зеленые здания мира. Commercial Real Estate / Коммерческая Недвижимость ; 31.05.2013; 10 (208)]. *Попробовать* – «от-

¹ Без общих компонентов даже грамматически правильно построенное высказывание не может функционировать в речи: *Медовая береза поет научно* (мы не пользуемся хрестоматийным примером Щербы, потому что в нем у слов в принципе есть только грамматические признаки, которые влекут за собой появление общей семантики).

ведывать – есть, пить немного для определения вкуса чего-л.» (здесь и далее толкования значений даются по ТСЕ). Общий семантический признак – «вкус пищевого продукта». Также возможны контекстные партнеры, обозначающие место приема пищи – *в ресторане* – «предприятие общественного питания.... где можно заказать блюда, закуски, напитки».

В высказывании может описываться ситуация приема пищи: *Лужков привозит мёд в детский приют и торжественно проводит там публичное чаепитие* [Т. Миронова. Человек голосующий (2004) // «Наш современник», 2004.01.15].

Чаще всего контекстными партнерами лексемы мёд являются слова, в значениях которых содержится семантический компонент «пищевой продукт», а также само слово-классификатор *продукт*: *Первым грузинским продуктом, который вернется на российский рынок после снятия запрета, станет мёд.* [Метро (г. Москва); 06.05.]; ... *на стол я поставила перед ним молоко и мёд.* [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)]; *Для варенья, мёда, сладостей или сыпучих продуктов подойдут банки с завинчивающимися крышками.* [Метро (г. Москва); 11.09.2013], ... *Мы с собой берем копчености, латышский хлеб, самогон, мёд, сыр.* [Метро (г. Москва); 08.04.2013] *Для сладкоежек в меню – ... тирамису с ягодным соусом, медовик, а также мёд, варенье и сыр маскарпоне с розовым сиропом.* [Travel Trade Gazette Russia; 15.04.2013]; ...*включить в ежедневный рацион школьников мёд по предложению главы республики...* [Метро (г. Москва); 15.04.2013]. (ср.: молоко – «жидкость ... употребляемая в пищу», хлеб – «продукт, выпекаемый из муки», рацион – «количество и состав пищи или корма на определенный срок»).

В качестве контекстных партнеров может выступать лексика, характеризующая человека по отношению к еде: *Для сладкоежек в меню – шоколадные трюфели, тарталетки со свежей малиной, воздушные эклеры, макароны с различными ягодными и фруктовыми начинками, тирамису с ягодным соусом, медовик, а также мёд, варенье и сыр маскарпоне с розовым сиропом.* [Travel Trade Gazette Russia; 15.04.2013]. *Сладкоежка* – «тот, кто любит сладкое», т. е. общий семантический признак «сладкий вкус».

Для реализации значения «часть блюда, компонент кушаний» значимыми являются следующие лексемы и грамматические формы: *Затем процеживаем через крупное сито, добавляем соль, мёд и сливочное масло...* [О. Касаткина. Готовим новогоднего гуся // Комсомольская правда, 2007.12.28]; *Козюли ... пекли на основе мёда* [Новый год

в России: предсказания сюлюкюнов и вечер домовых // РИА Новости, 2007.12.29]; ...сочиво (постное блюдо, которое чаще всего готовится из пшеницы или риса с мёдом и фруктами)... [О. Липич. Православные россияне празднуют Рождество Христово // РИА Новости, 2008.01.07]. *Добавить* – «прибавлять к уже имеющемуся что-л. недостающее, дополнять до необходимого, нужного количества, объема и т.п.». *Основа* – «наиболее важная, наиболее существенная составная часть чего-л.», т. е. на основе мёда означает необходимость и важность данного продукта для блюда. Конструкция с + творительный падеж (с мёдом) означает «предмет, содержащийся, наличествующий в другом предмете». Таким образом, фиксируются различные варианты для реализации значения «часть блюда, компонент кушаний».

Контекстные партнеры могут называть блюдо, в которое входит мёд как один из продуктов: Для клюквенного соуса: сахар 100 г, мёд 1 ч. ложка.... Затем процеживаем через крупное сито, добавляем соль, мёд и сливочное масло... [О. Касаткина. Готовим новогоднего гуся // Комсомольская правда, 2007.12.28], Горячее блюдо «Цыпленок в меду» Рецепт... Ингредиенты • 1 целый цыпленок • оливковое масло • соль Соус: • 125 мл яблочного уксуса • 85 мл мёда... [Метро (г. Москва) ; 12.04.2013]; Во времена фараона Рамзеса II стали популярны десерты и сладкая выпечка, например, с мёдом. [Метро (г. Москва) ; 29.03.2013]; ...можно отведать сочиво (постное блюдо, представляющее собой пшеничный или рисовый взвар с мёдом и фруктами). [Православные верующие готовятся к празднованию Рождества // РИА Новости, 2008.01.06]. Например, соус – «кушанье...», десерт – «сладкие блюда...», т. е. объединяющий семантический признак – «пища».

Мёд может быть компонентом не только блюда, но и напитка: ... Для приготовления лимонада ... добавить немного лимонного сока, мёд, всё это залить водой и взбить. [Метро (г. Москва); 05.07.2013]; Взяли каберне совиньон, цветочный мёд, коричневый сахар, портвейн тауну, выпарили, добавили немного ароматного темного ямайского рома, настояли все на ванили, цедре мандарина и лимона [Пробы вина. «HoReCa-magazine»; 15.07.2013]. Лимонад – «сладкий прохладительный безалкогольный напиток....», портвейн – «сорт крепкого виноградного вина», вино – «алкогольный напиток...», общий признак – «напиток».

Но мёд – это не только компонент напитков, но также и самостоятельный напиток. Актуализацию значения «напиток» обеспечивают контекстные партнеры, которые сами означают процессы питья, а также

разновидности напитков: . . . *Оливковое масло высшего сорта, вина, мёд и ракия – кому что больше по вкусу.* [Travel Trade Gazette Russia ; 15.03.2013]; *Вас ждут наливки, настойки, мёд и «спотыкач» на пире на уединенном «Пчелином хуторке...* [Загадочные Пещеры – Новый Год – 2005! (2005)]. *Ракія* – «сливовая или иная фруктовая водка», *водка* – «крепкий алкогольный напиток...», *наливка* – «спиртной напиток...». Общим компонентом значений также является компонент «напиток».

Интересно, что мёд – это чаще всего компонент блюда, как самостоятельный продукт мёд выступает в роли дополнительного вкусного продукта, т. е. это не насыщенный продукт (как, например, хлеб), а употребить его рекомендуется в определенных, дозированных, количествах (2-4 ложки).

Таким образом, мёд – самостоятельное блюдо, часть блюда и напиток; причем разнообразие контекстов указывает на то, что это востребованный продукт.

Теперь обратимся к когнитивному признаку концепта *мёд* «полезный продукт». При актуализации данного признака в качестве контекстных партнеров выступает лексика из сферы медицины, а также из сферы косметологии.

Полезность мёда делает возможным его использование как: а) профилактического продукта (я здоров, я употребляю мёд, чтобы оставаться здоровым и улучшить свое здоровье); б) лечебного продукта (я болею, и я употребляю мёд, чтобы вылечиться); в) косметического продукта (я здоров и использую мёд, чтобы лучше выглядеть).

Такие контекстные партнеры лексемы *мёд*, которые называют полезные пищевые продукты (но не лекарства), поддерживают актуализацию когнитивного признака «профилактическое средство»: *Наиболее распространенными полезными ингредиентами являются овощи, фрукты, соки, орехи, семечки и мёд* [Всё – в салат! «HoReCa-magazine» ; 15.11.2013]. Часто фиксируется лексема *полезный* (и ее синонимы) как объединяющая данные продукты (*полезный* – «приносящий пользу»).

Контекстными партнерами может выступать лексика (чаще – глаголы), обозначающая положительное влияние на процессы, протекающие в организме: (Мёд) *Активизирует обменные процессы в печени...* [Метро (г. Москва); 18.04.2013]; *Этот продукт (мёд) повышает защитные свойства организма...* [Метро (г. Москва) ; 19.09.2013]; *Мёд поможет лучше думать...* [Метро (г. Москва) ; 30.04.2013]. Контекстные партнеры могут прямо обозначать цель применения мёда: *Текст описывает*

... профилактику инфекций с помощью мёда... [VADEMECUM [Иди со мной]. *Профилактика* – «совокупность мероприятий, предупреждающих заболевания...»].

В контекстах, где мёд выступает как лечебный продукт, используется лексика влияния на негативные процессы в организме: (Мёд) *Активизирует обменные процессы в печени, устраняет воспаление в желчевыводящих путях*. [Метро (г. Москва) ; 18.04.2013]; *В народной медицине мёд издавна применяется как антисептик*. [Метро (г. Москва) ; 22.08.2013]; а также названия болезней или симптомов: *Если мучает сильный кашель, то следует принимать смесь сока черной смородины, мёда и сахара*. [Метро (г. Москва) ; 25.07.2013]; *При простудных заболеваниях, сопровождающихся ознобом, высокой температурой, кашлем, рекомендуется в горячий чай или молоко добавлять 1 ст. л. мёда* (рекомендация). [Метро (г. Москва) ; 19.09.2013]. Кроме того в качестве контекстных партнеров могут выступать лексемы со значением субъекта лечения: *Мёд по праву считается одним из самых мощных природных лекарей*... [Метро (г. Москва) ; 30.04.2013].

Мёд как косметическое средство актуализируется в контекстах, где есть лексика, называющая средства и процедуры для ухода за лицом и телом: *Актриса в качестве маски для волос использует мёд, разбавленный светлым пивом*. [Метро (г. Москва); 16.05.2013]; ... *всевозможные скрабы и обёртывания, в которых используют такие натуральные продукты, как кофе, чай, сахар, грязи и соль Карибского моря, кокосовая скорлупа, бамбуковые палочки, мёд и имбирь*. [Travel Trade Gazette Russia ; 15.04.2013].

В целом когнитивные признаки концепта мёд «пищевой продукт» и «полезный» оказываются важными для русского языкового сознания. Мёд исторически считается ценным и нужным продуктом. Еще в 996 г. князь Владимир, поставив церковь Преображения в г. Васильеве в память избавления от печенегов, приказал варить именно мёд: «*постави церковь и створи праздник велик варя 300 провар мёду ...*». Вследствие этого и пчеловодство считается значимой и полезной деятельностью. В частности, пчеловодство охранялось и охраняется законом: в «Русской Правде» сыновей великого князя Ярослава Мудрого за разорение борти был установлен большой штраф, а в 1910 г. В.И. Ленин издал постановление «Об охране пчеловодства». И в наши дни в разных регионах России действуют законы «О пчеловодстве» (в Архангельской, Нижегородской и Ивановской областях, республике

Башкортостан, Ставропольском крае, Краснодарском). Таким образом, именно на базе данных когнитивных признаков концепта («пищевой продукт», «полезный продукт») формируется ценностное отношение к мёду.

Литература

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 386 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : Учебник / И. М. Кобозева. – 3-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 352 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты / Г. Г. Слышкин. – Автореф. докт. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 67 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – [М.] : Академический Проект, 2004. – 992 с.

Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / Науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 596 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин; Науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология / Новое в лингвистике. – М., 1962. Вып. 2.

Словари

Словарь синонимов русского языка под ред. Л.Г. Бабенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1210669/>

Толковый словарь под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/>

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О.А. Михайловой

Ли Чанг

магистрант кафедры риторики и стилистики
русского языка УрФУ

Ситуация гостеприимства в русской и китайской лингвокультурах

Концепт *гостеприимство* – базовый концепт русской лингвокультуры, «культурная константа» [См.: Степанов 2001; Стернин 1999]. Этот концепт можно назвать базовым и для китайской лингвокультуры.

© Ли Чанг

Существующие в сознании носителей национальной лингвокультуры представления о гостеприимстве как особой ценности опираются на некий ментальный образец, стереотипы гостеприимного поведения, в соответствии с которыми люди строят свое поведение. Выделим некоторые стереотипные представления русских и китайцев, опираясь на тексты-разговоры, отражающие коммуникативно-речевое взаимодействие участников ситуации гостеприимства. Обратимся к представлениям русских людей (материалом анализа послужило коммуникативно-речевое взаимодействие носителей просторечной, а также литературной культур).

Поводы для встреч людей, связанных родственными / дружескими / соседскими отношениями, могут быть самыми разнообразными: личные или общественные праздники (день рождения, Новый год, Рождество), значимое для кого-либо из коммуникантов событие (сын знакомит родителей со своей девушкой, соседи рассказывают, как они отдохнули в санатории) и др., например:

А. Очень люблю / када ко мне приходят именно в день рождения // Не завтра / не накануне / а именно // Вот // Днем сестра пришла / Татьяна с Шурой пришли [соседки] // А вечером пришли Галка с это [Пауза] / тетушкина-то дочь с мужем // Да еще за внуком заезжали / привезли Федора // Потом племяшка пришла / Анина дочь / ага / прибежала с работы // Вот // Посидели и всё / это //

Русские могут прийти в гости и просто из желания увидеться, поговорить с человеком, узнать, как он живет и что нового происходит в его жизни. При этом особое приглашение или предварительная договоренность для людей, входящих в ближний круг, не требуется. Как правило, в этом случае «незванные» гости приносят с собой что-нибудь к столу (фрукты, сладости, спиртное), например:

Г₁. Привет / дорогая // Вот решили зайти к тебе без приглашения // Мимо шли // Как хоть у тебя дела? Как нога твоя? [Х. два месяца назад сделали операцию на ноге]

Х. О-о / привет! Молодцы какие // Давайте/ давайте раздевайтесь / проходите // Щас чаевничать будем // Я сегодня манник стряпала //

Г₂. Вот / возьми // мы тут купили бананов и шоколад // Костюшку угостишь [сын хозяйки] //

Русские действуют в соответствии с внутрикультурной установкой: *Надо видеться / встречаться / общаться* // Модальность долженствования данного высказывания свидетельствует о потребности общения, своеобразной «другоцентричности». Любопытно, что если глагол *видеться*

в приведенном высказывании указывает на случайность и быстротечность контактов, их формализованный характер, то глаголы *встречаться* и *общаться* могут содержать более емкие смысловые компоненты: 'заранее договариваться о встрече', 'собираться за общим столом на продолжительное время', 'делиться бедами и радостями', 'испытывать эмоциональный подъем от встреч'. По мнению А. А. Зализняка, слова *общаться*, *общение* можно признать лингвоспецифичными, поскольку они содержат в себе «идею очень неформального взаимодействия», «разговора», в том числе и о пустяках, и «получаемых от него удовольствия или радости», а также «ощущения общности» [Зализняк 2005: 280-281].

Указанная установка на «другоцентричность» и установка на кооперативное взаимодействие обуславливают радушное отношение к гостям, даже если они пришли без приглашения.

В персонологии русской культуры органично вписывается типаж гостеприимной, щедрой хозяйки, которая стремится организовать стол, накормить гостей и напоить их чаем, не оставить их без внимания:

А. Тетушка тут мне позвонила / «Приходи ко мне в гости» //
 Ну вот / наварила пюре / значит / и салат / капуста да огурцы // Она
 любит капусту квашеную есть // Я по дороге / к ней поехала / купила
 тоже колбасы / ну как бы грамм двести колбасы // Ну и выкладываю всё
 // Она / «Дак зачем ты выложила?» // Я грю / «Ну вот захотела и вы-
 ложила» // Она / «Нет / нет / нет // Ты меня обижаешь // Называется
 в гости пришла // Убирай / убирай / убирай // Вот садись ешь / а своё
 домой увезешь» //

Функционально-ролевая обязанность хозяйки во время застолья (трапезы и чаепития) – зорко следить за тем, чтобы тарелки и чашки гостей не были пустыми. Она активно предлагает попробовать то или иное блюдо, расхваливая его или делясь рецептом приготовления: *Давайте / дорогие гости / от тарелок не отрывайтесь / кушайте / ложьте салаты / закуски / в рюмки наливайте //*; *Давай / подружка / накладывай //* *Сама //* *С пирогом //*; *Так / ребята / что-то вы не все салаты пробуете //*; *Ну / налетай / нажимай //* *Слушай / а вот этих крабов ты пробовал?*

Гостеприимное общение зачастую не обходится без крепких напитков, поэтому хозяева или кто-либо из приглашенных берут на себя обязанность следить за наполнением рюмок, например: *Давайте допивайте шампанское / попробуем вот эту бомбочку //*; *Ира / чё-то шампанского захотелось //* В гостях принято произносить тосты, т.е. праздноречивые высказывания, обозначающие повод для принятия горячительного на-

питка, например: *За нашу встречу!; Давайте за наших женщин!* и др. Синтагматические развороты формул-тостов включают формулы благопожелания: *Ну / за тебя! Чтобы у тебя всё в жизни было хорошо! Чтобы не болела!*

Изучение живого диалогического и полилогического взаимодействия показывает, что русские люди в своем поведении опираются на ценностную установку: *Хозяин и гости за столом должны вести разговор по душам.* Тематика таких разговоров разнообразна: как правило, обсуждаются события личной и общественной жизни, жизни знакомых, коллег. Партнеры коммуникации доверительно делятся жизненными наблюдениями, рассказывают о сокровенном и наболевшем, например:

Т. У меня сын с тещей живет // Грит / «Хорошая у меня теща» //

В. Тещи-то разные бывают //

М. Со мной теща жить не сможет / сама уйдет//

А. Не скажи / Максим // Какая теща попадетя //

В. Вон я с тещей никуда не пойду//

А. У меня теща все делала // Она у нас гусей колола / кур колола сама // Валенки ребятам подшивала // Всё делала //

М. Ну такую тещу можно держать // Главное / чтоб рот не открывала //

Таким образом, общение в гостях допускает широкую политематичность и характеризуется прямооценочностью.

Обратимся к коммуникативно-речевому взаимодействию китайцев, приходящих в гости, для удобства анализа разбив полилог на диалогические фрагменты, характеризующиеся содержательно-смысловой и модальной целостностью. В анализируемом фрагменте члены семьи отец Лю Ли (Л.), мать Чжан Тин (Ч.) и сын Лю Бин (Л.Б.) 客人: 爸爸: 刘力(刘) 妈妈: 张婷(张) 儿子: 刘斌 пришли в гости к знакомым отца Ма Чао (хозяйка Х₁) и Хан Мы (хозяин Х₂) 男主人和女主人: 男, 马超 (马) 女, 韩梅 (韩) Л. и Х₁ – коллеги, другие партнеры коммуникации не знают друг друга, но при этом не знакомятся: 刘力和马超是同事, 但是其他的人是不认识的.

Л. Ма [имя хозяйки] / мы пришли //

Х₁. Да/ да // Проходите / пожалуйста // Давай / давай // Заходи-те быстренько // Только вас ждем //

О. 刘: 马, 我们来了.

М. 马: 来啦, 来啦, 快进来快进来.

Выбранное гостем обращение к хозяйке (Ма) свидетельствует о близких отношениях между ними. Х₁ настойчиво приглашает войти в дом, обращаясь сначала только к Л., а потом к остальным.

Л. *Это Чжан Тин / это мой сын Лю Бин //*

Л.Б. *Здравствуй дядя! Здравствуй тетя!*

Х₁. *Вы видите / видите / сяо Бин / какой умный и смелый мальчик //* Ну / не будем стоять у двери / пойдёмте ужинать //

刘: 这是你嫂子, 张婷, 这是我儿子刘斌

刘斌: 叔叔好, 阿姨好。

韩: 你看你看, 小斌多有礼貌。来来来, 我们别站门口说话, 进屋吃饭。

В китайской лингвокультуре в соответствии с этикетными традициями младший по возрасту не имеет права обращаться к старшему по имени, поэтому Л.Б. называет хозяина и хозяйку тетей и дядей. Ответная реплика Х₁ наполняется умильной тональностью, о чем свидетельствует выбранная ей номинация *сяо Бин* (буквально маленький Бин)

Л. *Мы не принесли ничего с собой / взяли только 2 бутылки вина //*

Х₁. *Если вы пришли / это лучший подарок //* И необязательно было приносить что-то еще //

刘: 我们也没拿什么, 就拿两瓶酒。

马: 来就行了, 拿什么拿。

Гости пришли не с пустыми руками, но китайский церемониальный этикет обязывает их к унижению себя и своего подарка (попутно заметим, что в подарок гость должен принести парное количество предметов). То же самое делает хозяйка, приготовившая вкусную обильную трапезу: скромность не позволяет ей заниматься восхвалением своих кулинарных способностей. Таким образом, скромность, самоуничижение являются культурными константами:

Ч. *О / сколько блюд вы приготовили! Зачем столько много? Нам очень неловко //*

Х₁. *Спасибо / вы так добры! На самом деле / я не очень хорошо готовлю //* Давайте / давайте лучше сядем за стол / если вы не против (букв. Если не презираете наш стол) //

张指着桌子说: 你看你, 做这么多菜, 我们多不好意思。

韩: 这么客气干什么, 来来, 做下吃饭。我也不会做饭, 你们别嫌弃啊。

В китайской лингвокультуре лучшим комплиментом хозяйке является указание на соответствие блюда некоторым важным эталонным

характеристикам, что должно актуализировать чувственные восприятия: визуальные, обонятельные и осязательные:

Ч. Нет / что вы // Смотрите / какой цвет / аромат и вкус // Выглядит аппетитно // 张: 什么啊, 你看, 这色香味俱全, 看着就有食欲。Давайте тост // Выпьем за Международный женский день // Мы с Лю Ли желаем вам счастья / радости // Оставайтесь такими же красивыми и милыми всегда!

妈: 来来, 今天是三八节, 我和刘力祝你们幸福快乐。永葆青春。

Л. Да-да // Давайте выпьем // Отмечать праздник с двумя милыми дамами здорово // Сяо Хан так много приготовила / ходя сегодня её праздник!

刘: 对对对, 让我们祝两位女士节日快乐。尤其是小韩, 自己过节还辛苦地给我们做饭。

Китайцы за праздничным столом так же, как и русские, произносят разнообразные тосты. В нашем примере содержание тоста обусловлено ситуативными обстоятельствами – праздником 8-е Марта. Обратим внимание на реализацию регулятивной стратегии: в обязанность хозяйки входит указание на пользу приготовленного блюда и регламентацию поведения младшего по статусу гостя:

Х₁. Сяо бин / съешь эту рыбу // Она богата кальцием и полезна для мозга // ты должен ее съесть!

Л.Б. Спасибо большое!

Далее гости и хозяева переходят на обсуждение важных для партнеров коммуникации тем: учебы Л.Б., его склонностей и характера, трудностей обучения за границей и др. Разговор эксплицирует некоторые важные ценностные представления и установки китайцев: обучение за границей сопряжено с немалыми трудностями; трудности формируют волевые качества личности; без преодоления трудностей не может сформироваться настоящий мужчина и др.

Х₂. Сяо Бин, где ты сейчас учишься? В школе или в университете?

Л.Б. Я учусь в университете // Может быть / вы знаете УРФУ? это университет в России //

韩给刘斌碗里夹了一块鱼肉: 小斌, 吃鱼吃鱼, 鱼钙丰富对脑子好, 你多吃点儿。

刘斌: 谢谢。

韩: 小斌, 现在哪儿学习? 读中学还是大学啊。

刘斌: 我在读大学, 可能你不知道, 乌拉尔联邦大学, 这是俄罗斯大学。

Х₂. Ты слышала?! Сяо Бин учится в заграничном университете / в России.

韩: 马超, 你听见没, 小超在国外读书, 在俄罗斯。

Х₁. Вот здорово! Я знаю УРФУ // Это федеральный университет / очень известный в России // Мой друг тоже там учился // Но раньше он назывался УРГУ / да?

妈: 这么好! 我知道乌拉尔联邦大学, 一所联邦大学。在俄罗斯非常出名。我朋友以前就在那上, 那是过去叫做乌拉尔国立大学对吧。

Л. Раньше Сяо Бин изучал русский язык в Китае, но я думаю / что если изучать русский язык / то надо это делать в России / а не в Китае //

刘: 原先小斌在中国学俄语, 但是我觉得, 学俄语就应该在俄罗斯学习, 而不是中国。

Х₁. Верно // Но учиться за границей трудно / можно хлебнуть много горя

马: 对, 但是去国外学习很苦吧。

Л. Но мальчику надо развивать волю смолоду / иначе невозможно стать отличником // 刘: 但是男孩子就应该年轻的时候锻炼, 要没法成才。

Х₁. Сяо Бин хороший // 韩: 最主要的还是小斌乖。

Ч. Нет-нет / ты не знаешь // Он ленивый и любит только поиграть // 张: 哪儿啊, 你可不知道, 他在家又懒又贪玩儿。

Х₁. (смеется) Наш Сяо Бин Самый хороший // Пожалуйста / угощайтесь!

马: 哈哈, 我们小斌最好了, 快吃快吃。

Обратим внимание, что объектом уничижения может стать как неодушевленный предмет или его характеристика, так и одушевленный. Своих детей в Китае хвалить не принято, а чужих следует хвалить обязательно. Эта ценностная установка не релевантна для русской лингвокультуры, допускающей амбивалентные речевые действия родителей в отношении собственных детей.

Праздничный ужин заканчивается ситуацией прощания, насыщенной церемониальными этикетными формулами благодарности, комплиментарности, извинения, прощания, приглашения и др.:

Л. Уже очень поздно / мы засиделись и забыли о времени // Вам давно уже пора отдыхать // 刘: 已经很晚了, 就顾着说话了, 都忘了时间了。你们也该休息了。

Х₁. *Ничего страшно / еще не поздно // Успеем отдохнуть //* 马: 没事儿, 我们平时也不那么在睡。

Ч. *Простите / простите за беспокойство //* 张: 打扰了打扰了。

Х₁. *Да что вы говорите! Почему вы так говорите? Для нас большая радость / что вы пришли!* 韩: 你们看你们说的。你们能来就最好了, 说着干什么。

Л.Б. *Большое спасибо за угощение и за заботу //* 刘斌: 太谢谢你们招待了, 给你们添麻烦了。

Х₁. *Не говорите так // Приходите к нам в гости еще //* 韩: 别这么说, 你有功夫你就来做客。

Гости. *До свидания!* 客人们: 再见。

Х₁. и **Х₂.** *До свидания! Почаще приходите к нам в гости!*

男主人和女主人: 再见, 经常过来玩儿啊。

Гости. *Хорошо! Хорошо! Пожалуйста! не беспокойтесь, не провожайте!*

客人说, 好好好。你们留步吧, 别送了。别送了。

Х₁. (обращается к мужу) *Проводи! Проводи! Доброго пути! До свидания!*

韩对丈夫说: 送送, 送送。路上安全啊。

Гости. *Хорошо! Хорошо! Пожалуйста / не беспокойтесь / не провожайте! Пожалуйста / не беспокойтесь / не провожайте! До свидания !!!*

客人说: 好好好, 你们别送了, 别送了, 再见。

Наши наблюдения за речевым поведением русских и китайцев в ситуации приема гостей и праздничного застолья позволяют сказать, что *гостеприимство* и *хлебосольство* – важнейшие универсальные культурные константы. Эти свойства характеризуются устойчивостью, неизменностью и имеют прямую связь с национально-культурными традициями. В гостеприимстве отражается такая особенность русских и китайцев, как любовь к моральным суждениям, моральная ориентация [См.: Мухина 2006: 208].

Гостеприимство и хлебосольство неотъемлемы от таких качеств, как *щедрость, широта души, открытость, радушие и общительность*. Отличительной особенностью китайской лингвокультуры является самоуничижение, нивелирование достоинств близких людей (детей) и предметов, входящих в личное пространство. Русские в оценке своих собственных качеств более искренни, они могут проявлять биполярность: как сдержанность, так и похвалю.

Гостеприимное поведение – это этнический стереотип, выражающий стандартные национально-культурные представления, сложившиеся у носителей лингвокультуры.

Литература

Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И.В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 360 с.

Мухина И. К. Русское гостеприимство в когнитивном аспекте: структура концептосферы // VERBUM: язык, словарь, текст. – Екатеринбург, 2006. – С. 198-215.

Зализняк Анна А. Заметки о словах: *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – М., 2005. – С. 280-289.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И.В. Шалиной

Лысенко М. А.
студентка 4-го к. УрФУ

Способы представления значений в наивных дефинициях (на базе индивидуальных толкований слова *счастье* в СМИ)

Проблема значения слова всегда была одной из сложнейших для философии, лингвистики, психологии. Необходимым является разграничение двух типов значений – значения, представленного в толковом словаре и значения, представленного в сознании носителя языка, которое иначе называется психолингвистическим, или психологически реальным значением слова. В семантику слова, кроме понятийных, входят и другие сведения, которые могут быть как межъязыковыми, так и национально-культурными. У каждого говорящего к словарному значению слова прибавляются личные наблюдения, ассоциации, личные коннотации, сведения, полученные из жизненного опыта. Именно эта сторона содержания знака с трудом поддается анализу, но она, несомненно, оказывает большое влияние на обыденное толкование значения слова.

Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка [Попова, Стернин

2007: 50]. Научное и психолингвистическое значение различаются, прежде всего, объемом включаемых в значение признаков. Необходимым является разграничение двух типов значений – значения, представленного в толковом словаре, и значения, представленного в сознании носителя языка. Значение, фиксируемое в словарях, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Разным оказывается также способ описания значений – наивные дефиниции не ограничены нормами научной лексикографии и дают говорящему возможность использовать не только прямые определения, но и образные средства языка. Существенным является и различие в подходах к определению значения слова. Задача лексикографов – дать описание словарного состава языка, отражающее объективное представление о слове. В обыденных же представлениях говорящий нередко склонен к субъективному толкованию, которое сопровождается эмоциональной реакцией на слово.

Как отмечает Н.В. Крючкова, словари разных типов, безусловно, отражают многие стороны содержания концепта, тем не менее часто важная для понимания содержания концепта информация эмоционального и оценочного плана остается за пределами словарной статьи [Крючкова 2007: 271]. Ситуации, в которых носитель языка выступает в роли наивного лексикографа и дает свое индивидуальное толкование слову, позволяют выявить психологически реальное значение слова, которое включает в себя не только набор понятийных признаков, но и внерациональную, эмоционально-оценочную и интерпретационную составляющую.

Объектом нашего исследования является современная наивная лексикография, а предметом – собранные из средств массовой информации субъективные толкования слова *счастье*. Задачей нашего исследования является соотнесение научного и наивного толкования слова *счастье* и нахождение тех отличительных непонятных признаков, которые маркируют наивные дефиниции, а также выделение способов, с помощью которых носитель языка формулирует психолингвистическое значение слова.

Алгоритм работы следующий: нами была произведена выборка контекстов из базы Integrum по запросу «счастье это» за 2012-2014 годы. По данному запросу в базе было найдено 3330 контекстов, 146 из которых стали предметом нашего исследования. Из общего количества мы выбирали те контексты, в которых носители языка прямым или

косвенным образом предлагали свое наивное толкование слова *счастье*. Самым частотным материалом явились интервью с публичными лицами, в ходе которых им предлагалось ответить на вопрос, что они понимают под словом *счастье*.

Частотность таких вопросов и количество собранного материала объясняется тем, что счастье является одним из ключевых понятий в ценностной картине мира. Представления человека о счастье многое могут сказать о его жизни и взглядах на мир, поэтому журналисты любят задавать этот вопрос, чтобы завершить образ публичной личности, который моделируется в интервью. Не стоит забывать и о воздействующей функции средств массовой информации: мнение известных людей для многих являются авторитетными, поэтому высказывания о таких ключевых понятиях способствуют формированию аксиологической картины мира читателей. На современном этапе развития СМИ становятся способом формирования социально-ценностных ориентаций общества и позволяют выявить мировоззренческую неоднородность носителя языка.

По результатам полученных нами данных, счастье чаще всего соотносится с такими компонентами как: *работа* (22); *семья* (19); *дети / детство* (16); *любовь* (11); *жить для других* (8); *гармония* (7); *дом, здоровье* (5); *радость* (4); *деньги, свобода, жизнь, природа, чистая совесть, успех, удовлетворенность* (3); *опыт, труд, понимание, комфорт, участие, бесстрашие, оставить след на земле* (2). Приведем также единичные реакции: *игра, наслаждение, смысл жизни, укол, смех, риск, молодость, покой, ситуация, чистота духа, Родина, уважение, благополучие, вера, доброта, сострадание, единство, принятие жизни*. Счастье характеризовалось как *связанное с несчастьем* (6), *индивидуальное / субъективное* (7), *мимолетное* (4).

Охарактеризуем те способы, с помощью которых создавались наивные дефиниции. Во-первых, как подмечалось многими исследователями, основной особенностью наивной лексикографии является толкование слов не через родовые идентификаторы, а через ситуативные описания с использованием союзов *когда, если* [Вепрева 2004: 62]. Наш материал подтвердил этот тезис: такой способ использовался в 44 из 146 толкований. Приведем некоторые примеры: *Счастье – когда рядом люди, которые тебя понимают и доверяют полностью и которым ты тоже доверяешь* (М. Аверин, Аргументы и факты, 13.11. 2013); *Знаете, счастье – это если ты можешь заработать деньги, получит удовольствие*

от жизни и при этом остаться нормальным человеком в собственных глазах (М. Шишханов, Аргументы и факты, 29.05.2013); *Счастье – это когда есть перспективы, когда работа интересная, и она приносит радость* (А.Иншаков, Российская газета, 07.06.2013); *Счастье – это когда ты перестаешь бояться* (М.Захаров, Собеседник, 20.03.2013); *Настоящее счастье – это когда самолет, который ты придумал, становится на заводской конвейер* (Г.Новожилов, Труд, 25.10.2013); *Счастье – это когда я что-то сделал, и вижу, что другому приятно* (М.Ефимов, Конкурент, 28.11.2012); *Счастье – это когда за пять минут до начала вечернего футбола идешь домой с бутылкой красненького в пакете. И в подъезде, доставая ключи, роняешь пакет с бутылкой, а она падает на каменные ступеньки – и не разбивается* (О.Федянина, Московские новости, 21.09.2012).

В некоторых случаях носители языка все же обращались к родовым идентификаторам, которые являются обязательным компонентом в словарных дефинициях: счастье определялось как *состояние* (12); *переживание* (7); *ощущение* (4); *чувство* (4); *понятие* (1). Однако гораздо более яркой была тенденция к утрате родового идентификатора и синонимичному толкованию, к примеру, говорилось, что *счастье – это удовлетворение*, а не состояние удовлетворения, как определяется в словаре.

Вторым способом создания наивных дефиниций явились «неопределения», то есть, дефиниции, построенные через отрицание признака: *Счастье – не вещь, не состояние, достигаемое с помощью алкоголя или наркотиков, а стратегия нашей жизни* (А. Лоргус, Эксперт, 16.12.2013); *Счастье не в обладании чем-то. Счастье – это категория состояния* (М. Веллер, Московский комсомолец, 06.02.2013); *Счастье – это отсутствие несчастья* (Д. Глуховский, Российская газета, 06.09.2013); *Счастье – это состояние, которое обычно не зависит ни от уровня доходов, ни от жизненных обстоятельств* (С. Шишкова, Аргументы и факты – Брянск, 25.12.2013); *Счастье – это не только когда тебя понимают, но и когда ты нужен* (П. Тазаева, Дагестанская правда, 27.12.2012); *Счастье – это не то, за что заплатил деньги, а то, что прочувствовал и чему удивился* (Л. Королева, Аргументы и факты – Удмуртия, 10.07.2013); *Счастье – это не цель, это путь, движение к цели* (И. Хлуденцов, Биржа, 30.10.2012); *Счастье – это когда не принимаешь, а отдаешь* (Л. Стеженская, Аргументы и факты в Ульяновске, 25.12.2013). Такой способ определений оказался до-

вольно частотным, встретился в 18 контекстах, т.е. в каждом восьмом толковании.

Третий способ создания толкований мы выделили в дефинициях, построенных с опорой на внутреннюю форму слова. И. Т. Вепрева называет важным признаком наивных дефиниций стремление говорящего к выявлению дополнительных способов структурирования информации при объяснении слова, которое «заставляет его обращаться к внутренней форме слова, опираться на морфемную сторону знака» [Вепрева 2004: 59]. Нами были найдены контексты, подтверждающие актуальность этого признака: *Счастье – это сокращение слова "соучастие", что значит "брать часть чего-то на себя", поэтому счастье навещает меня чаще всего в состоянии какого-то коллективного труда* (В.Полозкова, Знамя, 15.02.2013); *Счастье – это участие* (С.Хисамутдинова, Грани, 07.02.2013); *Ведь счастье – это быть "с частью" чего-либо или кого-либо* (День республики, 23.11.2013); *По-нашему, высшая степень счастья – это соучастие* (М.Задорнов, Иваново-Вознесенск, 02.04.2013).

Еще одним способом создания индивидуальных толкований явилось сужение значения слова, отнесение его к той или иной сфере жизнедеятельности. Этот признак связан с включением в толкование прагматических сведений и знаний, основанных на личном опыте носителя языка и сопровождается метаязыковыми рефлексивами: *А домашнее счастье – это, конечно, жена Оксана Дмитриева и сын* (И.Грачев, Парламентская газета, 17.05.2013); *Евгений Гришковец подчеркнул, что для него, как для мужчины, счастье – это короткие моменты прорывов в профессии* (VladivostokNews, 24.05.2013); *Наше профессиональное счастье – это счастливые глаза матери и отца, первый крик и улыбка ребенка* (сотрудники роддома, АиФ-Омск, 12.06.2013); *Мне казалось, что мое маленькое счастье – домик на берегу у речки* (В.Н.Изразцов, Звезда Алтая, 05.07.2013); *В духовном понимании счастье – это доброта и сострадание <...> в социальном смысле – счастье в труде на благо общества* (Л.Сенге, Информ Полис, 17.08.2013); *Думаю, что семейное счастье – это когда сидят за праздничным столом глава семейства, его жена, дети, внуки* (М.Найдов, Кемерово, 28.12.2012); *Женское счастье – это когда рядом сильный мужчина, способный защитить и от внезапного дождя, и от жизненных неурядиц* (Кемерово, 07.03.2012); *Мужское счастье – это когда ужин на плите, а жена всегда под рукой, – шутил Олег...* (Vladivostok News, 18.09.2012).

В качестве следующего способа построения дефиниции нами было выделено выстраивание дефиниции через образ. Образное толкование оказалось менее частотным, чем понятийное, однако представление смысла через чувственный образ встретилось в восьми контекстах: *Счастье – это непрекращающаяся дорога* (В. Цукерман, Российская газета, 19.02.2013); *дорога внутрь себя* (В. Никитенко, Континент Сибирь, 17.09.2013); *Дом с прудиком в мордовской деревне* (Ж. Депардьё, Комсомольская правда, 09.01.2013); *Небольшая дачка на берегу речки* (В. Изразцов, Звезда Алтая, 05.07.2013); 05.07.2013); *Укол* (О. Свиблова, Московский комсомолец, 06.06.2013); *Птица, которую если упустишь, то уже можно и потерять навсегда* (Время Ямала, 07.12.2012); *Птичка с неуловимым оперением, иногда почти невидимым, и крылышками она машет там, где вздумается, а уж песню поет при любых обстоятельствах* (Д. Рубина, Биробиджанерштерн, 18.09.2013). Несмотря на то, что образное содержание характеризуется высокой степенью субъективности, в приведенных контекстах мы видим повторяющиеся образы – дом, дорога, птица.

Во многих проанализированных нами наивных дефинициях толкование было построено через отсылку к какому-либо литературному произведению, афоризму, пословице или поговорке. К цитатам и паремиям, содержащим слово *счастье*, обратились 11 человек. Приведем примеры: *Горцы говорят: счастье – это умение избегать несчастья* (Вести республики, 03.09.2013); *«Счастье – это чистая совесть и здоровье», – писал Л. Н. Толстой* (Заря, 14.02.2013); *Как сказал Гайдар в финале повести «Чук и Гек», счастье каждый понимает по-своему* (М. Шевченко, Московские новости, 18.03.2013); *Здоровье, – писал Л. Н. Толстой* (Заря, 14.02.2013); *Мне в свое время понравилось суждение Конфуция, который писал: «Счастье – это когда тебя понимают, большое счастье – когда тебя любят, настоящее счастье – когда любишь ты»* (М. Кучков, Кабардино-Балкарская правда, 21.09.2013); *Как говорил уже цитируемый мной Толстой, счастье – это удовольствие без последствий* (М. Боярский, Аргументы и факты, 04.09.2013); *Кто-то из великих правильно сказал, что счастье – это чистая совесть* (З. Тарланов, Карельская губерния, 21.11. 2012); *Счастье – это как у Пастернака: «мне четырнадцать лет...»* (Т. Друбич, Собеседник, 16.01.2013).

В качестве последнего способа представления значения мы выделили такой провокационный прием как отказ от толкования: *Счастье –*

это счастье. А как объяснить? (С. Шнуров, Комсомольская правда, 05.10.2012); *Что такое счастье? Это очень философский вопрос. В двух словах не скажешь. Не знаю, что это такое* (А. Збруев, Комсомольская правда, 28.03.2013); *Вы знаете, слово «счастье» мне бы хотелось вообще взять в кавычки, потому что вообще не совсем понятно, что мы под ним понимаем* (К. Денев, СалонЪ Недвижимости, 03.09.2012). Несмотря на то, что такие контексты не прибавляют понятийных признаков к смысловому полю концепта, они являются очень важными для понимания его сущности. Такие определения еще раз подчеркивают противоречивость, сложность, многозначность и непознаваемость анализируемого абстрактного концепта.

Таким образом, собранный нами материал позволил подтвердить положение о том, что субъективное, психологически реальное значение слова шире лексикографического, так как включает в себя личностное осмысление слова, соотнесение его с жизненным опытом, наблюдениями, культурой, традициями. В обыденном сознании счастье является динамически развивающимся понятием, которое может подразделяться на семейное, профессиональное, домашнее, духовное, социальное, мужское, женское – и каждое из этих осмыслений вносит в структуру психологического значения новые компоненты. Для интерпретации и толкования абстрактного понятия носители языка используют множество способов, каждый из которых позволяет выявить значимые параметры в структуре и смысловом содержании концепта.

Литература

Вепрева И.Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии // Русский язык сегодня 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004.

Крючкова Н. В. Методы изучения концептов // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы : Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета : Труды и материалы. – Казань, 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И.Т. Вепревой

Петкау А. Ю.

аспирант кафедры риторики и стилистики
русского языка УрФУ

Шань Цзян

магистрант УрФУ

Концепт *здоровье* в современных китайских и русских паремиях: сопоставительный анализ

Определяющая роль в культуре принадлежит коллективно разделяемым ценностям, выраженным в языке [Маслова 2007: 167]. Культура, «акцентируя одни свои элементы и элиминируя другие как несущественные» [Лотман 2010: 400], строит модель мира, опираясь на вневременные аксиологические сущности. Классификацию культурно ценностных концептов можно представить по признаку соотношения в них универсального и специфически-национального содержания. Значимыми представляются, во-первых, когнитивно-универсальные концепты, которые соответствуют универсально значимым понятиям, но имеют определенную этноспецифическую окрашенность, во-вторых, когнитивно-уникальные концепты, которые имеют особую этнонагруженность (например, ценностную) только в определенном менталитете, в-третьих, вербально-уникальные концепты, которые представляют собой безэквивалентные, сугубо лингвоспецифичные понятия [Радбиля 2012: 235], [см. также: А.А. Вежицкая; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; В.В. Воробьев; Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев; О.А. Корнилов и др.].

Отношение к здоровью представляет собой одну из констант любого национального сознания. Выраженность культурно автономного компонента можно охарактеризовать на основе данных паремиологического фонда, отражающего состояние национального языкового сознания на протяжении не одной сотни лет [Телия 1996: 241].

Исследователями предпринимались попытки изучения репрезентации концепта *здоровье* в русской паремиологии в сравнительном аспекте с европейскими языками [Ничипорчик 2012; Усачева 2002] и частично с восточными языками [Аксенова 2007; Ли, Чжэн 2013: 68-70]. Представляется возможным оттолкнуться от полученных ранее результатов и своей задачей поставить выявление индивидуальных и общих черт в репрезентации концепта *здоровье* в русских и китайских паремиях. Один из тщательно разработанных фрагментов языковой картины мира,

концепт *здоровье* нуждается в сравнительной интерпретации культурных смыслов в контексте максимально исчерпывающего паремиологического фонда. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что концепт *здоровье* является когнитивно-универсальным концептом, поскольку представляет собой базовый, антропологически значимый концепт любой культуры. Между тем, в восточном культурном пространстве действуют иные механизмы восприятия базовых элементов действительности [Тань Аошуан 2004]), поэтому предполагается, что при анализе будет выявлена определенная этноспецифическая окрашенность концепта.

В фокусе исследовательского внимания оказались 426 русских и китайских паремий, манифестирующих концепт *здоровье*. Из 9 русских современных лексикографических источников [Берсеньева 2010; Бодрова 2007; Вальтер, Мокиенко 2005; Елистратов 2010; Зимин 2010; Мокиенко, Никитина 2007; Мокиенко и др. 2010; Розе 2009; Сысоев 2009] была отобрана 291 паремия, из 7 китайских современных словарей пословиц и поговорок [Введенская 1959; Ван Хайян 2005; Вэнь Дуаньчжэн 1989; 2004; 2005; Ся Чжун'и 1999; [www.360 doc.com](http://www.360doc.com)] было взято для анализа 195 паремий.

Методика исследования заключалась в экспликации культурных смыслов или, в другой терминологии, когнитивных классификационных признаков концепта [См.: Попова, Стернин 2007: 67-75]. Затем проводилось ранжирование яркости по принципу частотности и сопоставительный анализ. Численное выражение яркости признака рассчитывалось в процентах как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков.

Важно отметить, что сложность сопоставительного анализа некоторых образных паремий заключалась в определении «терциума-компаративониса, т.е. содержательного континуума» [Корягина, Зимин 2011: 257]. В этом случае использовался метод интроспекции, посредством которого носители языка эксплицируют когнитивные процессы восприятия паремии в пространстве культурного знания, и посредством которого «реконструировался процесс культурной интерпретации» [Гудков, Ковшова 2007: 94].

Обратимся к полученным результатам применительно к китайским паремиям. Представим их в виде графического рисунка 1 и прокомментируем.

Китайские паремии, манифестирующие культурный смысл *ЗОЖ (здоровый образ жизни) здоровые привычки*— 32, 8%, формируют

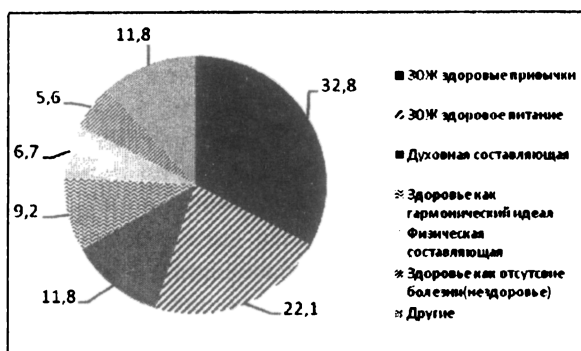

Рисунок 1. Распределение китайских паремий по наиболее частотным смысловым группам

ядерные компоненты анализируемого концепта: 晚饭少一口, 活到九十九. Сокращая один глоток на ужине, ты проживешь до 99 лет; 常打太极拳, 益寿又延年. Часто занимаясь спортом Тайцзицюань – продлеваешь себе жизнь; 活动好比灵芝草, 何必苦把仙方找. Закаливание как гриб долголетия. Если человек закаляется, то не нужно искать волшебных рецептов и др. Долголетие является главным благом для китайцев, поэтому они бережно относятся к своему здоровью. Люди старшего поколения в Китае пользуются заслуженным авторитетом¹, в паремиологическом фонде китайского языка также есть указание о важности соблюдения ряда здоровых привычек для них, например: 人活六十不远行. Нельзя отправляться в дальний путь в возрасте 60 лет. Между тем, другая пословица гласит: 身体锻炼好, 八十不服老. Хорошо закаляй тело, и тогда никто не поверит, что тебе на самом деле 80 лет. Интересно отметить, что «символом долголетия в китайской культурной традиции считается журавль – король всех пернатых существ на земле, птица – долгожитель» [Ли Цианьхуа, Смирнов 2013: 179-180]: 龟年鹤寿 Продолжительности жизни, как у черепахи и журавля. В корпусе русских пословиц акцент на долголетии выявлен не был.

Исследователь Ли Ли пишет о сдержанности китайского народа в наставлениях: жители Китая часто «выражают свое мнение завуалиро-

¹ Так, в 2012 году в КНР была принята редакция закона 1996 года о защите прав и интересов пожилых людей: молодые люди обязаны навещать пожилых родственников, при этом работодатель обязан предоставить своим подчиненным время для этого [Ли Цианьхуа, Смирнов 2013: 180].

ванно и всегда хотят, чтобы люди сами поняли суть дела» [Ли Ли 2006: 10]. Возможно, поэтому паремии с культурным смыслом *Здоровье как ценность* не так релевантны в китайских паремиях – 3,6%.

Культурный смысл *ЗОЖ здоровое питание* – 22,1% занимает второе место по рангу количественной представленности, что не вызывает удивления, поскольку в Китае любовь к еде носит философский характер, культ еды возведен в ранг искусства [Антонова 2012: 6], даже одно из приветствий, соответствующее русскому приветствию «здравствуйте» – «желаю Вам здоровья», звучит как 你吃了吗 – *Вы уже поели?*. Основой здорового питания считается *рис, овощи, рыба, китайский чай, китайский финик*, ср. 一日吃三枣, 一生不显老. *Каждый день ешь 3 китайских финика, и ты будешь сохранять молодость всю жизнь;要想皮肤好, 粥里添红枣. Если ты хочешь красивую кожу, то должен добавлять китайский финик в кашу; 吃米带点糠, 一家老小都健康. Рис с отрубями обеспечивает здоровье всей семье; 宁可三月无荤, 不可一日无菜. Лучше прожить без мяса три месяца, чем без овощей один день* и др. Яркость данного культурного смысла в корпусе русских паремий не значительна – 2,6%, основной акцент делается на важности потребления хлеба и овощей: *Хлеб да вода – здоровая еда; Морковь прибавляет кровь* и др.

Китайские паремии, манифестирующие культурный смысл *Духовная составляющая* – 11, 8% иллюстрируют духовные грехи, которые могут навредить здоровью, например: жадность, гневливость, ср.: 怒气伤肝. *Гнев вредит печени; 好人健康, 坏人命短. Добрый человек будет здоровым, а у злого человека будет короткая жизнь; 贪心烦恼多, 知足身常乐 Если человек является жадным, то у него много беспокойств. Если человек является довольным, то он всегда весёлый (здоровый)* и др. Культура Китая опирается на «конфуцианские и даосистские этические принципы, согласно которым мудрый человек должен жить по ритуалам и правилам, жить достойно» [Селезнева 2002: 10], следить за внутренним спокойствием.

Китайские паремии, транслирующие культурный смысл *Здоровье как гармоничный идеал* – 9,2%, обращают внимание на важность единства духовной и физической составляющих здоровья: 健身先要健心. *Чтобы укреплять тело, надо сначала укреплять дух; 饭养身, 歌养心. Пища питает тело. Песня питает душу; 容光焕发 Лицо так и сияет. Тело здоровое и дух бодрый* и др. Вербализация данного смысла в русских паремиях не частотна – 3,0%.

Автономно о важности физической составляющей провозглашается в китайских паремиях, формирующих культурный смысл *Физическая составляющая* – 6,7%: 树怕皮薄, 人怕体弱 *Дерево боится тонкой коры, человек боится слабого тела*; 睡如弓, 立如松, 行如风, 声如钟. *Древние народы считали, что крепкий (здоровый) человек должен так выглядеть: когда он спит, он гнется как лук; когда он стоит, он прямой как сосна; когда он ходит, он быстрый как ветер; когда он говорит, его голос как колокол и др.* Только, будучи физически здоровым, можно много трудиться, повышенное трудолюбие характеризует китайский народный характер. В русских паремиях, манифестирующих концепт *здоровье*, данный культурный смысл также актуален.

В китайской ментальности принято философски относиться к тому, что болезнь рано или поздно может настигнуть любого человека, несмотря на предпринимаемые им меры превентивности. Это убеждение «соотносится с китайской дуалистической философией и даосской картиной мира» [Ли Цянхуа, Смирнов 2013: 179]. Паремии, манифестирующие культурный смысл *Здоровье как отсутствие болезни (нездоровье)* – 5,6%, гласят: 好汉只怕病来磨. *Даже здоровый мужчина боится мучения болезни*; 天黄有雨, 人黄有病 *Если небо пасмурное, то будет дождь. Если цвет лица у человека жёлтый, то человек заболит* и др. В корпусе русских паремий данный культурный смысл количественно не значим (1, 3%), например: *Нездоровому все немило* и др.

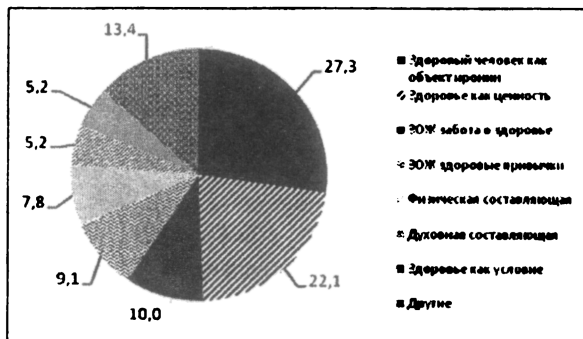

Рисунок 2. Распределение русских паремий по наиболее частотным смысловым группам

Обратимся к полученным результатам, применительно к русским паремиям. Представим их в виде графического рисунка 2 и прокомментируем.

По данным российских социологических исследований, здоровье занимает второе место среди самых важных традиционных ценностей для русского архетипа, уступая ценностям семьи, но возвышаясь над материальными благами, см. об этом [Сергеева 2004: 98]. Данное положение находит отражение в паремиях, манифестирующих культурный смысл *Здоровье как ценность* – 22,1 %: *Здоровье и покой – целое царство*; *Здоровье и счастье не живут друг без друга*; *Здоровье лучше богатства*; *Здоровье не купишь*; *Потерять здоровье легче, чем сохранить* и др. Между тем, для русской ментальности характерно противопоставление «высокого и низкого» [См.: Воркачев, Анна Зализняк, Шмелев и др.].² Понижение высокого отношения к здоровью как безусловной ценности происходит путем включения фольклорной сентенции в смеховой контекст. Паремии, транслирующие культурный смысл *Здоровый человек как объект иронии* – 27,3% гласят: *Здоровье всего дороже, да и деньги тоже*; *Борясь за здоровье – не надорвись*; *Одни вечно больны потому, что очень заботятся быть здоровыми* и др. Кроме того, в русской лингвокультуре не принято чрезмерно заботиться о своем здоровье, легче верится в предопределённость бытия: *Прибавит Бог здоровья!* *Здоровье не постигло* и др. По мнению А. Вежибицкой, русскому сознанию характерна «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена» [Вежибицкая 2011: 332], поэтому в иронической тональности оценивается чрезмерная забота человека о своем здоровье. В китайской ментальности паремии о здоровье в основном не сопряжены с юмористической тональностью³, данный культурный смысл присутствует, но не частотен (1,0%), например: 不干不净, 吃了没病. *Нельзя заболеть из-за того, что ешь нечистую еду*; 饭后一袋烟, 赛过活神仙. *Когда куришь после обеда, ты чувствуешь лучше, чем бессмертные люди, живущие на небесах*.

² Н.А. Бердяев в книге «Судьба России» отмечает, что «Россия – страна великих контрастов по преимуществу – нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы» [Бердяев 2004: 107].

³ Существуют исследования, в которых утверждается, что у китайцев в целом мало развито чувство юмора, см., например: [Тань Аошуань 2004: 249–253].

Как уже было отмечено, в русском менталитете чрезмерная забота о здоровье осмеивается, между тем, разумные меры в отношении его сохранения проповедаются в паремиях, транслирующих культурный смысл *Забота о здоровье – 10,0%: Если хочешь – будь здоров; Живешь каково и здоровье такого; Здоровье в наших руках, а еще больше в голове* и др. Важно отметить значимость бани, которая издревле помогает предотвращать появление недугов: *После парной – будто вновь родился; Банька не нянька, а хоть кого ублажит*. Баня является специфическим концептом для русской культуры, поэтому в китайских паремиях о здоровье баня или аналогичные ей объекты не упоминаются.

Также паремиологический фонд прививает необходимость соблюдения таких привычек, как чистота, закаливание, двигательная активность, отказ от вредных привычек в паремиях, вербализующих культурный смысл *ЗОЖ здоровые привычки – 9,1%: Двигайся больше – проживешь дольше; Если хочешь быть здоров – закаляйся; Кто не курит и не пьет, того жизнь бережет; Есть скоро – не быть здоровым* и др. Отметим, что максимы, манифестирующие здоровые привычки, встречаются в китайских и русских паремиях, что говорит об общей зоне взаимодействия двух культур, см. об этом [Щитов, Мао Чуньчао 2013: 211].

Лингвокультурная специфика проявляется в образах, формирующих картину восприятия здорового человека: *Здоров, как медведь; Здоров, как лошадь; Здоров, как бык; Будь здорова, как корова* – перечисленные единицы транслируют характеристику физической силы, присущей здоровью и формируют культурный смысл *Физическая составляющая – 7,8%*. По мнению В.Н. Телия, реалья, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку она эксплицирует «окультуренное мировидение» [Телия 1996: 242].

Паремии, манифестирующие культурный смысл *Духовная составляющая – 5,2%*, входят в приоритетный ранг их количественной представленностью. Религиозное мировосприятие считается основой русской ментальности, см. работы [Н.О. Лосского, Д.С. Лихачева, П.А. Флоренского и др.], поэтому русские паремии не могут не отражать важность духовной праведности, предостерегать от совершения грешных поступков: *Каменному сердцу здоровым не быть; Жадность здоровью – недруг; Не хвались здоровьем – здоровее будешь; Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает* и др. Как было уже отмечено, важ-

ность сохранения душевной чистоты для сохранения здоровья видна и в китайских паремиях.

Полученная картина данных эксплицирует значимые цифровые различия в рамках практически одной линии культурных смыслов. На протяжении анализа всех культурных смыслов, в китайских паремиях не был зафиксирован только один – *Здоровье как условие*, который весомо представлен в русских паремиях (5,2%), ср.: *Было бы здоровье, а дней впереди много; Здоров будешь – денег добудешь; Здоровому все здорово; Без здоровья нет хорошей жизни*. Как видно из примеров, здоровье выступает в качестве условия для всего остального, являясь каузативным членом оппозиции *здоровье – блага жизни*.

Сопоставительный анализ показал, что паремии, манифестирующие культурные смыслы *ЗОЖ здоровые привычки, Духовная составляющая, Физическая составляющая*, входят в актуализированный ранг их количественной представленностью в русской и китайской культурах, что является точкой пересечения в репрезентации концепта *здоровье* в паремиологическом фонде языка.

В китайских паремиях, транслирующих концепт *здоровье*, наиболее акцентированы культурные смыслы *ЗОЖ здоровое питание, Здоровье как гармонический идеал*. В русских пословицах и поговорках, вербализующих концепт *здоровье*, приоритетные позиции занимают культурные смыслы *Здоровье как ценность, Здоровый человек как объект иронии, ЗОЖ забота о здоровье*. Культурный смысл *Здоровье как условие* выявлен только в русских паремиях.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Концепт *здоровье* относится к когнитивно-универсальным концептам, поскольку культурные смыслы, манифестирующие его в плоскости паремиологического пространства языка, обладают как универсально значимой характеристикой для китайской и русской культур, так и особой этноспецифической окрашенностью.

Литература

- Аксенова Е.Д. Лингвокультурологический анализ концептосферы «здоровье человека» в русской паремиологии. Дисс...канд. филол. наук. М., 2007.
- Антонова Ю.А. Китайские традиции и приметы как носитель лингвокультурологической информации: особенности трапезы в дискурсе // Лингвокультурология, № 6, 2012. С. 4–12.
- Бердяев Н.А. Судьба России. М.: «АСТ», 2004.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.

Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: «Гнозис», 2007.

Корягина М.В., Зимин В.И. Сравнительное изучение фразеологизмов русского и французского языков: типы межъязыковых фразеологических эквивалентов // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. К 90-летию со дня рождения В.П. Жукова: в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 257–260.

Ли И., Чжэн Л. Концепт «здоровье» в русской и китайской паремиологической картине мира // Современные гуманитарные исследования, № 6 (55), 2013. С. 68–70.

Ли Ли Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «дом» с позиции носителя китайского языка и культуры. Автореф... канд. филол. наук. М., 2006.

Ли Цианьхуа, Смирнов И.Б. Концепт «счастье» в китайских пословицах и поговорках // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Том 1, № 3, 2013. С. 175–185.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2010.

Маслова В.А. Homolingualis в культуре. М.: «Гнозис», 2007.

Ничипорчик Е.В. Здоровье как ценность в паремиологической картине мира (на материале русских и итальянских пословиц и поговорок) // Проблемы истории, филологии, культуры, № 3, 2012. С. 218–232.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2012.

Селезнева Г.Я. Контрастивное описание китайского и русского вербального коммуникативного поведения // Русское и китайское коммуникативное поведение / Отв. ред. И.А. Стернин. Вып. 1. Воронеж: «Истоки», 2002. С. 9–12.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006.

Тань Аошун Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: «Языки славянской культуры», 2004.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996.

Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «Состояние здоровья» в современном английском языке. Дисс...канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Щитов А.Г., Мао Чуньчао Язык в культуре русских и китайских пословиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 8 (26). В 2-х ч. Ч. 2., 2013. С. 211–215.

Словари

Берсеньева К.Г. Русские пословицы и поговорки. М.: Центрполиграф, 2010.

Бодрова Ю.В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги – Russian proverbs and sayings and their English equivalents. М.: АСТ; СПб: Сова, 2007.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб: Нева, 2005.

Ван Хайян 5000 пословиц и поговорок. Фуцзянь: Изд-во литературы и искусства пролива, 2005. – 王海洋. 谚语俗语5000条. 福建: 海峡文艺出版社, 2005.

Введенская Л.А. (сост.) Китайские пословицы, поговорки. Ростов: Ростовское книжное издательство, 1959.

Вэнь Дуаньчжэнь Большой словарь китайских поговорок. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 1989. – 温端政. 中国俗语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 1989.

Вэнь Дуаньчжэнь Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2004. – 温端政. 中国谚语大全. 上海: 上海辞书出版社, 2004.

Вэнь Дуаньчжэнь Словарь классифицированных пословиц. Шанхай: Шанхайское изд-во словарей, 2005. – 温端政. 分类谚语词典. 上海: 上海辞书出版社, 2005.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010.

Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Розе Т.В. Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Сысоев В.Д. Пословицы и поговорки. М.: АСТ, 2009.

Ся Чжун'и (ред.) Китайско-русский словарь. Пекин: Коммерческое изд-во Шанхайского университета иностранного языка, 1999. – 夏仲毅. 汉俄词典, 上海外国语学院《汉俄词典》编写组编. 北京: 商务印书馆, 1999.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И.Т. Вепревой

Уонг Минь Туан

(Вьетнам)

магистрант кафедры риторики
и стилистики русского языка УрФУ

Вьетнамская женщина в зеркале *похвалы*

Теория речевых жанров, опирающаяся на известную работу М. М. Бахтина [Бахтин 1996], вышла на стадию обобщающих работ [Дементьев 2010], но не утрачивает интерес к частным описаниям уже изученных речевых жанров. Речевому жанру русской похвалы посвящены многие исследования [Волынкина 2009, Горобец 2010, Горяинова 2010, Дьячкова 2000, Серебрякова 2002]. Лингвокультурный потенциал анализа этого жанра не исчерпан. Изучая речевой жанр похвалы в современном вьетнамском языке, мы не только фиксируем некоторые стереотипные высказывания, но и реконструируем идеализированный образ объекта оценки.

С опорой на языковую интуицию носителя вьетнамского языка мы предлагаем рассмотреть ряд высказываний, частотно используемых во вьетнамской культуре для положительной оценки женщины (жены).

Обратимся к теоретическому обоснованию вопроса.

М. М. Бахтин предложил рассматривать в качестве единицы речи – речевой жанр как относительно устойчивый тип высказываний, определяемый следующими тремя моментами: «тематическое содержание, стиль и композиционное построение» [Бахтин 1996: 159]. Важное место в бахтинской теории занимает вопрос о смене субъектов речи как границе высказывания, а также вопрос о первичных и вторичных речевых жанрах. Первичные жанры – это «жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» в качестве примера ученый упоминает в частности реплики бытового диалога, бытовой рассказ или письмо. Вторичные же речевые жанры «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественного письменного): художественного, научного, общественно-политического и т.п.». К их числу относятся, например «роман, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п.» [Там же: 161].

Неоднородность высказываний заставляла исследователей уточнять понимание первичных и вторичных жанров как одноактных и многоактных [Шмелева 1995], элементарных и комплексных [Федосюк 1996]

или разрабатывать более сложную типологию [Баранов 1997]. Похвала чаще всего выступает как элементарный речевой жанр, который может выступить в комплексе с обращением. В исследовании нами привлекались одноактные (одна реплика) и, как правило, элементарные (в реплике нельзя выделить другие речевые жанры) высказывания, смоделированные носителем вьетнамского языка как типовые, повторяющиеся.

В научной литературе неоднократно ставился вопрос о разграничении речевых жанров похвалы и комплимента. Так, О. С. Иссерс отмечает, что «для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента – способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении» [Иссерс 1999: 178]. Подробно отличия похвалы и комплимента исследует О. Б. Горобец. Подчеркнем только одну сторону – установку на информативность. Исследователь показывает, что похвала рассчитана на высокоинформативность «за счет серьезности тематики похвалы и ее конкретной референтной соотнесенности», тогда как для комплимента характерна малоинформативность, этикетность [Горобец 2010: 78].

Жанрообразующими О. Б. Горобец признает следующие признаки похвалы:

1. Реализация в ситуации прямого/непрямого контакта, а также возможность похвалить не самого контактера, а его работу, результат его труда, достижение и пр.;
2. Наличие положительно заряженных стилиевых черт: уважение, признание;
3. Объективная (насколько это возможно) оценка достоинств адресата;
4. Возможность и желательность ответной реакции (всегда положительной) – простой благодарности, проявления скромности, чувства удовлетворения;
5. Высокоинформативный характер передаваемой информации за счет серьезности тематики похвалы и ее конкретной референтной соотнесенности;
6. Достаточно высокая степень клишированности на уровне темы, композиции, стилистического отбора языковых средств;
7. Функциональная направленность – демонстрация одобрения с целью повышения эффективности общения и взаимопонимания [Горобец 2010: 78].

Несмотря на то, что показаны именно признаки, дифференцирующие похвалу и комплимент, они отражают природу речевого жанра.

Спорным представляется только последний признак. Похвала, скорее, нацелена на поддержание лингвокультурных ценностей, демонстрацию их принятия, а повышение эффективности общения оказывается сопутствующей характеристикой.

Задача дифференциации похвалы и комплимента во вьетнамской культуре в настоящем исследовании не ставится и, на наш взгляд, не может быть решена, так как привлекался не диалогический материал, а моделируемые реплики.

Рассмотрим реплики похвалы вьетнамской женщине, произнесенные мужем, в сопоставлении с репликами гостя.

Похвала женщине (жене) произносится в первую очередь мужем и может касаться как характеристики человека в целом, так и частных характеристик. Общая похвала формулируется как указание на высокие качества и рассчитана на демонстрацию счастья и добрых взаимоотношений в семье:

Em yêu, đúng là trên đời không có người phụ nữ nào hơn em đc!

Милая, женщины лучше тебя не свете просто нет!

Такая похвала может быть соотнесена и с периодом ухаживания за невестой. В добрачный период серьезность намерений демонстрирует высказанная женихом похвала, связанная с темой материнства, которая в браке используется редко:

Em sẽ là người mẹ tuyệt vời!

Ты будешь прекрасной матерью!

Хотя материнство не эксплицируется в похвале как объект положительной оценки, вьетнамцы считают, что в каждой похвале женщине отражено и материнское, и женское начало.

На первом месте из частных характеристик похвалы женщине-хозяйке. Женщина в них осмысливается как умеющая хорошо готовить:

Ngon quá!

Так вкусно!

Характерно, что в русской лингвокультуре такое высказывание воспринимаются как часть комплекса искренней или этикетной благодарности. Следующее высказывание подчеркивает объективность оценки, пусть и воспринимается как шутливо-фамильярное. Похвалой становится указание на факт: много съел. Муж ест много, когда жена хорошо готовит:

Anh ăn no căng cả bụng rồi này!

Я так наелся, видишь мой живот!

Вьетнамская женщина не только хорошо готовит, но знает секреты приготовления блюд, порой эти секреты передаются по наследству (рецептами при этом делиться не принято):

Em có bí quyết gì mà nấu ngon thế!

У, прекрасно! У тебя разумеется свой секретный рецепт!

Похвала может сопровождаться шуткой:

Món này ngon tuyệt! em mua ở nhà hàng nào vậy?

Это блюдо так вкусненько! В каком ресторане купила?

Сравнение домашней еды с купленной характерно и для похвалы, произнесенной гостем. Только упоминается при этом не магазин, а ресторан, актуализируется смысл 'готовит как профессиональный повар':

Món này chị nấu còn ngon hơn nhà hàng vậy!

Это блюдо вы приготовили вкуснее, чем в ресторане!

Anh thật may mắn, cứ như đi ăn hàng mỗi ngày vậy!

Вам очень повезло, каждый день как в ресторане!

Из примеров следует, что гость может обратиться с похвалой и к хозяйке дома и к хозяину (похвала третьего лица). Оппозиция домашней еды как более свежей, более натуральной, чем магазинная или ресторанный, во вьетнамской похвале не наблюдается.

Гость типично связывает умение готовить с общей установкой на умелость, хозяйственность:

Món này ngon quá! Vợ anh là khéo tay lắm đây!

А! Это блюдо такое вкусное! Какие умелые руки у твоей жены!

Cô quá là người có bàn tay vàng!

У вас вправду золотые руки!

Вьетнамский муж также ставит кулинарные навыки в один ряд с рукоделием, что типично и для русской культуры:

Vợ anh khéo tay quá! Ôi! khăn đẹp thế!

У жены моей умелые руки! Ух ты! Какой красивый шарф!

В отличие от русских, вьетнамец в один ряд с «умелая» ставит характеристики «заботливая», «хозяйственная» и считает их ключевыми:

Vợ anh thật khéo vun vén!

Жена моя такая хозяйственная!

Vợ anh chu đáo quá! May mà anh có em.

Моя жена такая заботливая! Повезло, что у меня есть ты.

Хозяйственная, заботливая, то есть умеет вести хозяйство, сметливая, бережливая, отвечающая за семейные расходы, умеющая извернуться, уложиться в наличные средства так, чтобы и дети, и муж были

накормлены, ухожены. Этот экономический ум вьетнамской женщины напрямую связан с бытовыми домашними ремеслами. Во Вьетнаме хозяйственность женщины так и понимается: хорошо готовит, мастерица, умеет принять гостей, следит за расходами. Невынесение экономической составляющей в отдельный объект похвалы, на наш взгляд, свидетельствует о его включенности в широко употребляемые: вкусно готовит, умелые руки.

Похвала внешнему виду вьетнамской женщины также специализируется.

Муж использует похвалу/комплимент внешнему виду, выделяя ту или иную деталь:

Trông em thật đẹp/ tân thời/ tao nhã/ sáng ngời/ quyến rũ/ lộng lẫy/ sexy trong đôi giày/ đôi bốt/ chiếc mũ/ cái áo/ chiếc đầm/ chiếc áo dây/ chiếc khăn/ đôi bông tai/ chiếc vòng cổ...

Ты выглядишь так красиво/ модно/ блестяще/ привлекательно/ роскошно/ соблазнительно/ очаровательно/ сексуально в этой кофточке/ с сережками...

Похвала может иметь основание сравнения, в качестве основания называется признанный авторитет красоты или ситуативно понравившийся человек:

Trông em còn đẹp hơn cả Natasha trong bộ phim ‘..’!

Ты выглядишь красивее, чем Наташа в фильме ‘..’!

Типично указание на женщину (объект похвалы) в качестве образца для других, при этом реальные признаки женщины не нивелируются. Так, возрастного ограничения не наблюдается:

Giả như mọi phụ nữ già rồi đều được như em!

Если бы все старые женщины были такими, как ты!

Красота женщины понимается мужем как плод ее деятельности, а не только присущее свойство:

Hắn là em phải tập cả tiếng ở phòng tập/ yoga mỗi ngày!

Видно, что ты часами занимаешься в спортзале/ йогой ежедневно!

В похвалах мужа лингвокультурная специализация жанра только обозначается, но явной она становится в похвале гостя:

Ai ở với chị cũng đẹp hơn vậy!

Любой, кто живет вместе с вами, становится красивее!

Эта похвала подчеркивает, что ценится не только красота женщины, но и ее умение делать красивым все вокруг себя, умение украшать себя, свой дом, членов своей семьи. Интерьер, одежда, прическа – все

это требует внимания женщины и оценивается посторонними (культура национальной одежды, традиционных причесок, ухода за собой во Вьетнаме тщательно детализированна и требует определенных навыков).

Похвала дому, хорошему внешнему виду членов семьи – это опосредованная похвала женщине.

Особое место занимают коммуникативные навыки вьетнамской женщины. Речеповеденческие характеристики особо выделяются и прямых аналогов, на наш взгляд, в русской культуре не имеют. Это воспитываемые характеристики, которые эксплицируются в похвале, высказанной родителями:

Em thật khéo ăn khéo nói // Em thật khéo mồm khéo miệng!

Ты так умело ешь, и умело говоришь! // У тебя умелый рот, умелый ротик!

Говоря *Милая моя, ты такая нежная, умная*, вьетнамский мужчина подчеркивает умение женщины эффективно говорить, взвешивать слова в напряженных ситуациях, утешать, не допускать ссор, добиваться своего без конфликта в семье, быть искренней и ласковой в обращении с домашними:

Vợ yêu của anh, em thật dịu dàng, thông minh!

Похвалы, высказанные гостем, подчеркивают речеповеденческие навыки женщины и детализируют их:

Chị nói ngọt quá!

Вы обладаете сладким голосом!

Con gái anh không những xinh đẹp mà còn cư xử có văn hóa, có giáo dục. Quả không hổ danh một thiên kim tiểu thư!

Ваша дочка не только красивая, но и вежливая в словах. Не стесняется быть возвышенной девушкой!

Bà anh vui tính thật đấy!

Твоя бабушка такая веселая! (Умеет развлечь гостей и домашних).

Nói đi vào lòng người!

Ее слова легко проходят в душу человека!

Nói như rót mật vào tai!

Она говорит, будто льет мед в уши!

Важно, что эти свойства описываются как постоянно присущие женщине, а не как единичные (ср.: это ты хорошо/ в точку сказал). Очевидность (для вьетнамца) востребованного набора речеповеденческих характеристик женщины проиллюстрируем следующим примером:

Vợ anh thật khéo ăn nói!

Ваша жена умеет так искусно разговаривать!

Кроме того, похвала подчеркивает такой ряд качеств, как *добрая, сердечная*, которые акцентируются во вьетнамской культуре.

Вьетнамец не хвалит жену как *верную* или *честную*, но может похвалить как (1) *нежную*, (2) *добрую*; чаще хвалит в общем, подразумевая, что похвала *ты великолепная женщина* (*em là người phụ nữ tuyệt vời*), *ты очень хорошая жена* (*em là người vợ tốt*) или *ты мой крепкий тыл* (*em là hậu phương vững chắc của anh*) включает в себя и высокую оценку нравственных качеств женщины.

(1) Vợ anh đúng là một người phụ nữ nết na, thùy mị!

Ваша жена действительно нежная женщина!

(2) Em yêu, thật hiếm có người tốt bụng và nhân hậu được như em!

Любимая, действительно редки те, кто отзывчив и добр, как ты!

Проделанная работа приводит нас к выводу, что четыре качества женщины, востребованные вьетнамской традицией (хозяйственность, умение украшать, искусность речи и нравственные достоинства), своеобразно отражаются в жанре похвалы. Многие характеристики утрачиваются при прямом переводе и требуют лингвокультурологического комментария. Показательно, что в похвалах мужа названные признаки конкретизируются, даются через частный случай, а важные обобщающие характеристики проявляются редко, понимаются как само собой разумеющиеся. В сравнении с русской культурой примечательно неакцентирование характеристик женщины-матери, которые скрыты в характеристиках женщины-жены.

Литература

Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи. – Саратов, 1997.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста. – М., 1996. – С. 159-206

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М., 2010. – 600 с.

Волынкина С. В. Временное пространство похвалы // Вестник Томского гос-ого ун-та. – 2009. – № 319. – С. 15-17

Горобец О. Б. Похвала и комплимент. Межжанровые границы // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос-ого тех-ого ун-та. – 2010. – № 11-2 (2). – С. 75-80.

Горяинова Н. Н. Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2010.

Дьячкова И. Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2000. – 139 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омский гос. ун-т. – 285 с.

Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002.

Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общеполитического осмысления // Collegium, Киев, 1995. № 1-2. – С. 57-71.

Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, «АРГО», 1996. – С. 73-94.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом С.Ю. Даниловым

Чжао И

магистрант кафедры риторики
и стилистики русского языка УрФУ

Этнокультурная коннотация животных в русских и китайских зоонимных фразеологизмах

Как известно, человек не может обойтись без окружающей среды, без природы. Животные всегда занимают большое место в жизни человека: человек приручает их, чтобы они работали для него, изучает их с разных сторон. И в этом процессе формируется человеческое отношение к животным. Эта коннотация настолько устойчива, что часто она находит отражение в языке. Но мир огромный, народов много, нации разные, и это определяет этнокультурную разновидность и специфичность коннотации животных у разных народов мира.

По определению Л. Л. Нелюбина, коннотация понимается как, во-первых, дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка; во-вторых, добавочное значение (дополнительное содержание, окраска, окрашенность) слова (или выражения), сопутствующие или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, которые могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непри-

© Чжао И

нужденность, фамильярность и т. д.; коннотации могут иметь общий для носителей одного языка характер, не присущий другим языкам [Нелюбин: 2003].

Цель нашей статьи – сопоставить коннотации, характеризующие животных двенадцатеричного календарного цикла в русском и китайском языках, выявить сходства и различия в представлении этих животных в русской и китайской лингвокультурах. Материалом исследования послужили русские и китайские зоонимные фразеологизмы. Двенадцать животных-символов: мышь, бык, тигр, заяц (кролик), дракон, змея, лошадь (конь), козел (баран, овца), обезьяна, петух, собака, свинья – встречаются и в русской, и в китайской фразеологии, но с разной частотностью, что, возможно, обуславливает количество и разнообразие ассоциаций, связанных с каждым из этих животных.

Мышь (крыса)

Все 28 китайских фразеологизмов (КФ) с отрицательной оценкой. Мы выделили следующие коннотации:

1) Трусливый («胆小如鼠» – быть трусливым, всего бояться, как крыса);

2) Нерешительный («进退首鼠» – проявлять нерешительность, колебаться, быть чрезмерно осторожным, как крыса, выходя из норы, долго оглядывается во все стороны);

3) Плутоватый взгляд («贼眉鼠眼» – разбойничья бровь, крысий взор. В обр. значении: о плутоватом виде хитреца);

4) Ограниченный узкий кругозор («鼠目寸光» – глаза мыши видят не дальше одного цуня, в обр. значении: ограниченный, обладающий узким кругозором);

5) Диверсант («老鼠过街» – когда крыса перебегает дорогу, все кричат «бей»! в обр. значении: все люди ненавидят вредных. «鼠盗狗窃» – воровать как мышь и собака).

А в русских фразеологизмах (РФ) выделяются и положительная и отрицательная оценка мыши. Например, «кроткий [покорный, безответный] как мышь», «тихий как мышь», «шустрый [живой, юркий] как мышь». Мышь считают кроткой, покорной, безответной, тихой. Также фразеологизм «как мышь на крупу надулся» используется, когда говорят об обиженном надутым виде человека.

Поэтому коннотации «мышь» в русском и китайском не совсем одинаковы.

Бык

Из 35 КФ с лексемой бык мы выделили следующие коннотации, характерные для китайского народа:

1) Сильный, крепкий, здоровый: «牛高马大» – сильный как бык; в фразеологизме «老牛舐犊» – как старая корова лижет своего теленка, говорится о родительской любви. И фразеологизм «执牛耳» – держать быка за уши, значит занимать доминирующее положение, находиться во главе, главенствовать;

2) Мерзкий, отвратительный, глупый. В китайской мифологии два служителя в потустороннем мире, один – с головой быка, другой – с лошадиной мордой, поэтому есть фразеологизмы «牛头马面» – бычья голова и лошадиное лицо, в обр. значении: мерзкий, отвратительный человек, темные силы. «牛鬼蛇神» – бычий демон и змейный дух, в обр. значении: отвратительный, омерзительный чудовище, дрянь. «对牛弹琴» – играть на цитре перед быком, в обр. значении: о глупом слушателе, который не понимает, о чем говорит человек. Бык в КФ как и хороший, так и плохой, глупый.

Из РФ «здоров как бык», «работать или трудиться как вол» видно, что бык – образ сильного, здорового, трудолюбивого человека.

Положительные коннотации фразеологизмов с лексемой «бык» в русском и китайском похожи, но отличаются наличием негативных оттенков.

Тигр

В большинстве КФ со словом «тигр» это животное выступает как символ величия и мощи, могучий, смелый образ («虎狼之势» – мощный как тигр и волк); если тигр и дракон встречаются в рамках одного фразеологизма, то тигр – это образ выдающегося, замечательного человека, например, фразеологизмы «人中龙虎» – тигр и дракон среди людей, «卧虎藏龙» – спрятавшийся дракон и спящий тигр. Коннотация здоровый крепкий находится в фразеологизме «虎背熊腰» – спина тигра и поясница медведя, в обр. значении: здоровый, крепкий человек, некоторые фразеологизмы обозначают хищный, жестокий («如狼似虎» – жестокий как волк и тигр). В русском языке нет фразеологизмов с названием этого животного. Но само слово «тигр» имеет оттенок значения «острый, быстрый».

Заяц

В китайском языке мы нашли 29 фразеологизмов с лексемой «заяц». Можно сказать, что заяц – гибкий, покорный, («狗兔听提» – гибкий и покорный как собака и заяц), быстрый, находчивый, («动如脱兔» – бегать быстро, как спасающийся от опасности заяц), добрый («狐死兔悲» – когда лиса погибла, заяц горюет) и воплощение луны

(«东兔西乌» – в древней китайской мифологии на луне живет заяц, поэтому, заяц это символ луны). А в русских фразеологизмах «заяц» всегда как трусливый, робкий («заячья душа», «боязливый как заяц», «труслив как заяц»). У фразеологизмов с зоонимом «заяц» совершенно разные коннотации.

Дракон

В китайском языке очень много фразеологизмов со словом «дракон», мы нашли 72 фразеологизма. Причина в том, что дракон в сознании китайцев – это символ власти, силы, авторитета («真龙天子» – дракон-сын неба, часто имеют в виду императора), это выдающийся, незаурядный, способный человек («望子成龙» – лелеять надежду на то, что сын станет драконом, конечно, не в смысле, что станет животным, а в значении стать талантливым и знаменитым), китайцы считают себя потомками дракона. Все это выражено и во фразеологизмах. В русском языке мы не нашли ни одного фразеологизма со словом «дракон». И в этом тоже проявляется лингвокультурная специфика Китая и России.

Змея

Если китайца спросят, что он думает про змею, то он обязательно скажет: опасная, злая, бессердечная, жестокая, коварная, непомерно жадная. Это отношение зафиксировано и во фразеологизмах. Например: «蛇蝎为心» – сердце змеи и скорпиона. В обр. знач.: о бессердечном, злом, опасном человеке. «佛口蛇心» – уста Будды, а сердце змеиное, в обр. знач.: сладкие слова, а в сердце злоба. «人心不足蛇吞象» – человек, чье сердце не преисполнено удовольствия, подобен змее, пытающейся проглотить слона. В русских фразеологизмах «змея подколотная», «согреть змеею на груди» мы видим такие же коннотации, как и в китайских фразеологизмах.

Лошадь (конь)

Коннотация зоонима «лошадь» в КФ положительная. Лошадь выступает символом способного, талантливого человека, имеющего большие достижения, гения («伯乐相马» – Бо Лэ (легендарный ценитель и знаток лошадей в древности Китая, он может хорошо найти отличных коней. В обр. знач.: найти таланты, гения), смело идти вперед («一马当先» – быть впереди, «马不停蹄» – бесперерывно идти вперед, ни на минуту не останавливаясь), крепкий и здоровый («人高马大» – крупный как лошадь, «兵强马壮» – сильные воины и могучие кони).

В РФ, таких как «темная лошадка» – о том, чьи внутренние качества не совсем ясны, «быть на коне» – чувствовать себя победителем, можно говорить о различных оттенках значения во фразеологизмах.

Козел/баран/ овца

В КФ козел – кроткий, добрый, нежный, несильный, хороший человек («狼羊同饲» – волка и овцу выкармливают вместе. В обр. знач.: обращаться к злому человеку как к хорошему, доброму); безропотный, и часто теряющий дорогу (допускающий ошибки), обиженный. Например: «迷途羔羊» – ягнята и овцы, которые теряют дорогу, в обр. знач.: о человеке, кто часто идет по ложному пути, впадает в заблуждение.

Но РФ относятся к барану/козе не так положительно, например: «отставной козы барабанщик» – человек, не заслуживающий никакого внимания, никому не нужный, такой, с которым не считаются; «как баран на новые ворота» – недоуменно, тупо, не собирая ничего, растерянно, глуповато; «баранья голова» – о глупом, бестолковом человеке; «стадо баранов» – о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.

Обезьяна

В китайском языке мы нашли 8 фразеологизмов со словом «обезьяна». Обезьяна – глупая: «猿猴取月» – увидев луну в колодеце, обезьяны глупо считали, что луна упала в колодец и пытались ее выловить из воды), обезьяна – страшная: «尖嘴猴腮» – с длинным носом и впалыми щеками, как обезьяна; обезьяна непоседливая «猴头猴脑» – подвижный, легко возбудимый, как обезьяна. Остальные китайские фразеологизмы нейтральные. Поэтому в целом коннотация фразеологизмов с зоонимом «обезьяна» негативная. Из 3 фразеологизмов в русском языке, два из них: «кривляться как обезьяна» и «мартышкин труд» имеют отрицательную оценку, и «ловкий как обезьяна» – положительную. Хотя в русских и китайских фразеологизмах в целом отрицательная оценка этого животного, конкретные коннотации различаются.

Петух

В КФ петух трудолюбивый, пунктуальный: «鸡鸣而起» – вставать с петухами, в обр. знач.: вставать рано; «闻鸡起舞» – услышав пение петуха, встрепенуться, в обр. знач.: подняться по первому зову, вовремя.

Смелый, драчливый: «斗鸡走狗» – петушиные бои и собачьи бега.

В РФ петух тоже трудолюбивый и пунктуальный «с первыми петухами».

Собака

Из 28 КФ, только один с положительной оценкой – преданный, верный хозяину, например: «狗吠非主» – собака лает на человека, который не является его хозяином. В обр. знач.: быть верным хозяину. Остальные коннотации это злой, бессердечный, жестокий; низкий, подлый, бесстыдный. Например: «狼心狗肺» – волчье сердце и собачьи легкие, в обр. знач.: жестокий, злодей, бесчеловечный; «狗苟蝇营» – пресмыкаться как собака, увиваться как муха... в обр. знач. о подлеце.

В РФ не так плохо относятся к собаке, например «каждая собака» – каждый человек, «вот гда собака закрыта» – именно в этом суть дела, причина.

Свинья

Из 10 КФ, только в одном свинья выступает символом урожая, зажиточности: «肥猪拱门» – жирная свинья прибилась к воротам, в обр. знач.: неожиданное счастье. Другие фразеологизмы имеют негативные коннотации: обжора и лентяй; грязный, подлый, грубый и глупый, например: «猪朋狗友» – друг, как свинья и собака, в обр. знач.: обжора и лентяй, о бездельнике; «泥猪疥狗» – грязный как свинья и собака, все тело покрыто грязью. Русские фразеологизмы, например, «подкладывать свинью кому-то» (подстраивать неприятность, гадость и т.п.), «понимает как свинья в апельсинах» (ничуть, совершенно не понимает), «метать бисер перед свиньями» (напрасно говорить о чем-л, или указать что-л. тому, кто не способен понять это) имеют отрицательную оценку, и свинья – это грязный, глупый человек.

Итак, мы пришли к следующим выводам:

1. Фразеологизм как яркий, выразительный и устойчивый языковой оборот, несомненно, играет важную роль в отражении и изучении культуры различных народов.

2. Коннотации, связанные с названием одного и того же животного, в русском и китайском языке иногда идентичные, иногда частично совпадающие, иногда совсем противоположные. Есть различия и сходства в картинах мира нации, поэтому изучать зоонимные фразеологизмы в аспекте этнолингвистики очень важно и значимо для межкультурной коммуникации.

Словари

Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названием животных. М.: «Дело и Сервис», 2001.

Люй Шусян, Дин Шэншу. Большой словарь современного китайского языка. «Коммерческая печать», 2012.

Молотков А. И., Жуков В. П. Фразеологический словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1978.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.

Сюе Сюпин. Словарь-справочник китайских фразеологизмов. «Шэньси-ское издательство образования народов», 2009.

Хао Цзинцзян, Ли Цзин, Чжан Сюфан. Синьхуа словарь фразеологизмов. «Бизнес пресс Китая», 2000.

зоо- ним	Коннотация в КФ	Коннотация в РФ	вывод
мышь/ крыса	– нерешительный, трусливый, плутоватый взгляд,ограниченный узкий кругозор, диверсант.	+ кроткий, тихий, живой бкий, покорный, – безответный, еще о обиженном надутым виде человека	не совсем одинако- вые
бык	+ сильный, крепкий + о родительской любви + о доминирующем поло- жении – мерзкий человек, темные силы. – глупый, дрянь	+ сильный, крепкий, здоровый, трудолюбимый, до- бросовестный, – неуклюжий, упрямый	частичное совпаде- ние, но боль- шие раз- личия
тигр	+ символ величия и мощи, могучий, смелый, безбояз- ненный, здоровый крепкий (главная) + образ выдающегося человека – некоторые обозначают хищный, жестокий	мало фразеологизмов с названием «тигр». Но сам слово «тигр» со значением + «острый, быстрый».	несопоста- вимы
заяц	+ гибкий, быстрый, находчи- вый, покорный, добрый и воплощение луны.	– трусливый, робкий человек.	различные
дракон	+ символ власти, силы, авто- ритета + выдающийся незаурядный способный образ, + китацы считают себя по- томки дракона.	нет фразеологизма со словом «дракон», потому что дракон это злая сила.(–)	несопоста- вимы
змея	– опасный, злой, бессердечный, жестокий, коварный, непо- мерный жадный		одинако- вые

зоо- ним	Коннотация в КФ	Коннотация в РФ	вывод
лошадь	+ символ способного талантливого человека, имеющего большие достижения, + гений + смело идти вперед, + крепкий и здоровый.	+ «лошадиная сила» есть концепция «мощность» + «темная лошадка» о том, чьи внутренние качества не выясны. + «быть на коне» чувствовать себя победителем.	положительная коннотация, но различия есть
козел	+ кроткий, добрый, нежный, несиленный, хороший человек, – даже безропотный, и часто терять дорогу (делать ошибки) быть обиженным. Положительная больше, чем отрицательная	+ добрый человек, – человек, не заслуживающий никакого внимания, никому не нужны, – недоуменно, тупо, растерянно, глуповато – о глупом, бестолковом человеке больше отрицательных коннотаций	Различий много. Сходств мало, но есть
обезьяна	– глупость и безобразная внешность человека; – непоседливый характер человека; 0 нейтральные	– «кривляться как обезьяны», «мартышкин труд» + только «ловкий как обезьяна»	коннотации различные
петух	+ трудолюбие, + пунктуальный (вовремя); + смелый, 0 обычный, незначительный. – драчливый;	+ трудолюбивый, + пунктуальный (вовремя) – пожар, поджог.	и сходства, и различия.
собака	– злой, бессердечный, жестокий; низкий, подлый, бесстыдный – словом, плохой + преданный, верный хозяину	не так плохо относится к собаке, например «каждая собака» – каждый человек, «вот гда собака закрыта» – именно в этом суть дела, причина, главное заключается. «собачья радость» – варёные внутренности животных	различные
свинья	+ символ урожая, зажиточности; – обжора и лентяй; грязный, подлый, грубый и глупый; дикая свинья жестокая и бесчеловечная	– неприятность, гадость; – неспособен – грязный, глупый человек	есть сходство, есть различия

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Ю.Н. Михайловой

ТЕКСТОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бортников В. И.,
аспирант кафедры риторики
и стилистики русского языка УрФУ
Кругликова Е. А.
студентка 1-го к. УрФУ

О возможности категориальной идентификации перевода через перевод на третий язык¹

Выделение в общей филологической науке (на основе общего и частного [Чикобава 1959: 11]) трех основных направлений: *исторического* (частного) [См. Хализев 1999: 7], *теоретического* (выведение общего из частного) [См. Хализев 1999: 7 – 14] и *критического* (применение общего к частному) [См.: ЛЭС 1987: 169] – проецируется на науку о переводе в виде доминанты теории перевода (большинство учебников носят такое название – [См.: Рецкер 1974; Миньяр-Белоручев 1980; Гарбовский 2004; Алимов 2006; Семенов 2008 и др.]) и существующих в ее пределах дисциплин более частных – отдельных теорий перевода (специальной, транслатологии, отдельных видов), «научной критики перевода», «прикладного переводоведения», «гуманитарного осмысления перевода» (фактически – философии перевода), «истории перевода» и «дидактики перевода» [Алексеева 2004: 48 – 51]. Таким образом, понятие «теория перевода» фактически заменяет собой «науку о переводе» и предполагает, помимо аспектов теоретических, аспекты исторические и аспекты критические. Выделенные дисциплины укладываются в логику трех общефилологических направлений, по-видимому, так:

теоретическое (частное → общее)	историческое (частное)	критическое (общее → частное)
Специальная теория перевода (отдельной пары языков) [см. Алексеева 2004: 48]	история перевода	научная критика перевода

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения», соглашение № 14-04-00398).

теоретическое (частное → общее)	историческое (частное)	критическое (общее → частное)
теория отдельных видов перевода	гуманитарное осмысление перевода (философия перевода)	дидактика перевода
Транслатология (теория перевода отдельного текста)	прикладное переводоведение	

Расположение переводоведческих дисциплин именно в таком порядке позволяет по вертикали (сверху вниз) учитывать логику расширения объекта изучения, а по горизонтали сопоставлять научные области, имеющие сходный характер (общий / более частный / наиболее частный) в каждом направлении. Из этой логики выбивается последняя строка: прикладное переводоведение не принадлежит в полной мере ни истории (поскольку синхронно и соответствует современному этапу развития науки о переводе), ни критике (поскольку является областью куда более обширной, имеющей цели куда более общие, чем оценка либо обучение переводу). Прикладное переводоведение противопоставлено теории (не только транслатологии, но и отдельных видов, и специальной) – т. е. *теории перевода как науки о переводе* – в той же мере, в какой практика противопоставлена теории в науке вообще. Попадает оно (прикладное направление) в одну строку с теорией перевода отдельного текста не только по остаточному принципу, но и по размеру объекта: текст как «альфа и омега лингвистического исследования» [Одинцов 1980] остается и конечным продуктом любого переводческого акта.

На стыке наук в выделенной серым строке таблицы и строится настоящее исследование.

«Отдельным текстом» [Алексеева 2004: 49] послужила поэма Дж. Мильтона «Потерянный Рай» в трех текстовых вариантах: английском (оригинальном)², французском (переводном-1)³ и русском (переводном-2)⁴. Исследование вышло за пределы одного вида перевода, поскольку и художественный перевод невозможно свести к одному

² Далее – ИТ («исходный текст»). Анализируемый текст – [Milton 2004: 136 – 156].

³ Далее – ФПТ («французский переводной текст»). Анализируемый текст – [Le paradis perdu... 1729].

⁴ Далее – РПТ («русский переводной текст») Анализируемый текст – [Потерянный Рай 1777].

виду (имея в виду индивидуальность переводчика [Чуковский 1966: 255 – 290]), а если всё-таки и можно – имея в виду ряд монографий, содержащих «художественный перевод» в заглавии [Алимов 2010 и др.], – то исследование выходит за пределы одного художественного перевода (рассматривая их в количестве двух) и за пределы поэтического перевода [Алексеева, Шутемова 2011: 87 – 93], поскольку и ФПТ, и РПТ написаны прозой. Сопоставление французского и русского переводов подпадает не под одну специальную теорию перевода – но сразу под две, поскольку оригинал у обоих переводов английский. Как видно, *идентификация перевода* – определяемая как *выявление его индивидуально-специфических черт на фоне других переводов* [см. Бортников 2013] – имеет связи и с другими отраслями переводоведения, приведенными в таблице выше, и может служить историко-переводным и дидактическим, философским и критическим материалом. Этим определяется актуальность предлагаемого компаративного изыскания.

Сопоставление переводов осуществлено на методологической основе текстовых категорий – иначе, конститутивных свойств, признаков, параметров текста [см. Матвеева 1990; 1991; Стилистический энциклопедический словарь 2003], комплексных единиц, в оригинальном наборе репрезентаций отвечающих критерию «композитивности и целенаправленного отбора... средств всех нижележащих языковых уровней» [Матвеева 1994: 48]. Иначе говоря, категориально-текстовой подход, активно используемый применительно к самым разным текстам стилистической школой Уральского университета [см.: Матвеева 1991; Болтаева 2003; Ицкович 2007; Купина 2013 и др.] (в русле этой школы выполнено и данное исследование), предполагает, что путь анализа категориальных проявлений идет от текста к языку – то есть снизу вверх в таблице, данной выше. Будем идентифицировать переводы на основании категории темпоральности – «текстового времени», с помощью которого «содержание текста соотносится с осью времени: исторической перспективой действительности или её субъективным преломлением» [Матвеева 2010: 481].

Вступление-зачин к эпической поэме [Чамеев 1986] с точки зрения субъектной организации представляет собой «прямое вторжение» фигуры повествователя [Самарин 1964: 321 – 324], осмысление того, что «ещё не воплощено в прозе или поэзии» (I, 16. – Выделено нами. В.Б., Е.К.) [Там же: 322; см. также Diekhoff 1963: 116 ff.]. Это «еще» и составляет легендарность темпоральной структуры зачина, осмысляемость его в композиции как особого текстового фрагмента, выделенного из пове-

ствования и вместе с тем органически сочетаемого не только с идущим далее блоком «адских условий и мучений Сатаны» [Бортников 2012: 29], но и со всей поэмой в целом.

Рассмотрим грамматические проявления времени «Потерянного Рая» в сопоставляемых переводах.

Джон Мильтон начинает свою эпическую поэму “Paradise Lost”, описывающую историю первого человека – Адама, со слов:

Of Man's first disobedience, and the fruit

<...>

Sing Heavenly Muse... [Milton 2004: 136]

Сравним переводы этого отрывка на французский и русский языки. Франсуа Дюпре де Сен-Мор передаёт этот отрывок так: *Je chante la désobéissance du premier homme et les funestes effets du fruit défendu, la perte d'un Paradis, et le mal et la mort, triomphans sur la terre...* [Le paradis perdu... 1729: 1]

Переводчик интерпретирует английский предлог “of”, который указывает на предмет разговора, повествования, французским выражением *Je chante* («Я воспеваю») [Гак 2008: 177], тем самым используя глагол *chanter* во времени *présent de l'indicatif*, вводит рассказчика в текст поэмы, придаёт компонент субъективизма началу произведения.

Данный переводческий приём не применён в РПТ В.П. Петрова: *Первое преслушание человека, и плод онаго запрещеннаго древа, котораго тлетворное вкушение внесло смерть во мир...* [Потерянный Рай 1777: 1] Объект повествования вводится в текст путём употребления имён существительных в именительном падеже, что несколько уменьшает присутствие автора как суперсубъекта поэмы, придаёт зачину описательный характер.

Идентифицируя РПТ и ФПТ, можно заметить, что РПТ обладает большей статичностью и отнесенностью к прошлому по отношению как к оригиналу, так и к ФПТ. В РПТ: *...дондеже Богочеловѣкъ, возставиъ насъ, возвратиъ блаженное жилище...* [Потерянный Рай 1777: 1], в ФПТ: *...jusqu'à ce qu'un Dieu homme vienne juger les nations, & nous rétablisse dans le séjour bienheureux* [Le paradis perdu... 1729: 1]. Франсуа Дюпре де Сен-Мор использует в ФПТ *subjonctif présent* в соответствии с правилами французской грамматики. В РПТ В.П. Петров передаёт тот же смысл дееспричастием прошедшего времени и глаголом в форме прошедшего времени.

Традиция французской грамматики определяет использование времени *passé simple de l'indicatif* только в книжной речи в значении законченного действия в прошлом. В русском языке это время соотносится с прошедшим, в ИТ все три рассмотренных глагола представлены во времени *past simple*: *didst inspire – inspirâtes – вдохновила*, *taught – apprit – научилъ*, *rose out – sortirent – возникли*.

Также особенностью французской грамматики является наличие категории временной соотнесенности, которой в русском языке нет. Французский язык имеет специальные формальные средства для выражения предшествования, чего тоже нет в русском языке [Сенченкова 2011: 8]. Эта особенность находит своё отражение в ФПТ «Потерянного рая». В одном предложении наблюдается сочетание различных грамматических времён глагола, например, таких, как *imparfait* и *présent*: *Dès le commencement vous étiez; et déployant vos puissantes ailes ainsi qu'une colombe qui dispose à la vie ses productions...* [Le paradis perdu... 1729: 2] В ИТ данный отрывок характеризуется отсутствием каких-либо глагольных форм, что не нашло своего отражения в переводах. В русском языке не существует специальных времён в контексте прошедшего для выражения разных степеней отдалённости от момента повествования, а также значения предшествования, следовательно, в переводе используются формы прошедшего времени. Значение предшествования проявляется также в отрывке, являющемся примером использования времён *imparfait* и *plus-que-parfait*: *...vous vous étendiez sur le vaste abîme, et vous l'avez rendu second...* [Le paradis perdu... 1729: 2] – *...носился надъ неизмѣримой бездною, согрѣвая оную, и творя многоплодную...* [Потерянный Рай 1777: 2]

Сделанные наблюдения могут в дальнейшем послужить качественно-количественному соотнесению переводов в аспекте эквивалентности – меры соответствия текстовому варианту оригинала.

Источники

Milton, J. Paradise Lost // Milton, J. The English Poems. – Oxford University Press, 2004. – P. 136–156.

Le Paradis Perdu de Milton. Poème heroïque. Traduit de l'anglois [par Nicolas-François Dupré de Saint-Maur]. Avec les remarques de Mr. Addison. Tome I. – A la Haye : Chez M.G. Merville & J. Vander Kloot, Librairés, MDCCXXIX = 1729. – P. 1–231.

Мильтон И. Потерянный Рай : поэма / Переведено с аглинскаго [В. Петровымъ]. – СПб. : Въ типографіи при императорскомъ дворѣ, 1777. – С. 1–33.

Литература

Алексеева И. С. Введение в переводоведение : Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2004.

Алексеева Л. М. Существует ли поэтический перевод? / Л.М. Алексеева, Н.В. Шутёмова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 87–93.

Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации : Учебное пособие. Изд. 4-е, испр. – М. : КомКнига, 2006.

Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург : [б. и.], 2003.

Бортников В. И. Категориальная идентификация варианта художественного текста : применение технологии контент-анализа к тематической цепочке в переводе «Потерянного Рая» 1777 г. – Saarbrücken : AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG; LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Бортников В. И. Текстовые категории как основание сравнения вариантов художественного текста // Вестник ПГУ. Сер. Филология. – Пермь, 2013. – № 2. – С. 75–85.

Гак В. Г. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М. : Русский язык – Медиа, Дрофа, 2008.

Гак В. Г. Теория и практика перевода. Французский язык / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М. : Интердиалект+, 2001.

Гарбовский Н. К. Теория перевода : Учебник. – М. : Издательство МГУ, 2004.

Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста : дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург : [б. и.], 2007.

Купина Н. А. Стилистика современного русского языка / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. – М. : Юрайт, 2013.

Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М. : Советская энциклопедия, 1987.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1990.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург : [б. и.], 1991.

Матвеева Т. В. К вопросу о единицах нормативного описания текста // Stylistyka-V. – Opole, 1994. – С. 47–53.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010.

Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М. : Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1980.

- Одинцов В. В. Стилистика текста. – М. : Наука, 1980.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : Очерки лингв. теории перевода. – М. : Междунар. отношения, 1974.
- Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона. – М. : Издательство Московского университета, 1964.
- Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – М. : Издательский центр «Академия», 2008.
- Сенченкова М. В. Категории вида и времени во французском и русском языках в контексте литературно-художественного перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2011.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова и др. ; Под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003.
- Хализев В. Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999.
- Чамеев А. А. Джон Милтон и его поэма «Потерянный Рай». – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1986.
- Чуковский К. И. Высокое искусство // Чуковский К.И. Собр. соч. в 6-ти тт. – М. : Издательство «Художественная литература», 1966. – Т. 3. – С. 239–627.
- Шадрин В. И. Параллельный текст как объект переводоведения // Университетское переводоведение. Вып. 6. Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 21–23 октября 2004 г. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 450–455.
- Шутемова Н. В. Типологическая доминанта текста в теории поэтического перевода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Пермь : [б. и.], 2012.
- Diekhoff, John S. Milton's "Paradise Lost" : a Commentary on the Argument. – N. Y. : Humanities Press, 1963.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, профессором Е.В. Никольским

Гоголева И. О.
студентка 3-го к. УрФУ

Роль окказионализмов в поэзии О. Э. Мандельштама

Целью данной статьи является анализ словообразовательных особенностей окказионализмов в стихотворениях О.Э. Мандельштама, а также выявление функций неологической лексики в его поэзии.

О творчестве О.Э. Мандельштама написано немало научных трудов. Среди наиболее значительных можно назвать работы О.А. Лекманова,

Г. Г. Амелина и В. Я. Мордерера, С.С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург и мн. др. Однако особенности поэтической деривации в его текстах рассматривались недостаточно глубоко.

Материал исследования – стихотворения О. Э. Мандельштама, написанные с 1906 года по 1937 год, за исключением шуточных стихов, переводов и стихов для детей. Была произведена классификация окказионализмов по частеречной принадлежности, а внутри морфологических классов – по способу словообразования. Выявлено 220 окказионализмов в 227 употреблении, среди них 93 имени прилагательного, 90 имен существительных, 32 глагола и глагольных форм и 5 наречий.

Имена прилагательные

Большую часть окказионализмов О.Э. Мандельштама составляют имена прилагательные. Более чем треть их образованы способом сложения (35 единиц). Это объясняется эстетической ориентацией автора на культуру и поэзию Древней Греции. Его прилагательные являются стилизацией, имитацией сложных прилагательных Гомера, таких как *волоокая*, *розовоперстая*, *лазурнокудрый* и др.

Сложные прилагательные О. Э. Мандельштама образуются как путем чистого сложения: *остроласковый*, *галуботвердый*, *широкохмурый*, *ложноклассический*, *черноголосый*, так и сложением в сочетании с суффиксацией: *тяжелокровный*, *золотострунный*, *крутопоклонный*, *многодонный*.

Чаще всего в качестве первых компонентов выступают прилагательное и существительное. Данный тип демонстрирует половина рассматриваемой группы. Образованные путем чистого сложения: *слабогрудая* (*речная волокита*), *льнянокудрая* (*волна*), *черноголосый* (*смычок*), путем сложения в сочетании с суффиксацией: *великовозрастная* (*колокольня*), *тяжелокровные* (*ястреба*), *черноречивое* (*молчание*), *светопыльная* (*обнова*).

Немало слов, в качестве первых основ которых выступают два прилагательных: *галуботвердый* (*глаз*), *черноголубые* (*волосы*), *широкохмурый* (*орел*), *остроласковый* (*лавр*), *сухомятная* (*русская сказка*) и др.

Одним из первых компонентов сложного слова нередко выступают числительные. Они могут взаимодействовать с существительным: *тысячеструнный* (*поток*), *семипалатная* (*простота*) и с прилагательным: *двуискренные* (*сердолики*), *шестиклятвенный* (*простор*) и др.

Совершенно особую группу представляют сложные дефисные прилагательные, таких единиц было выявлено 24. Например: *чернолазоревоый* (*сосуд*), *дикарско-сладкий* (*лик*), *строго-канонические*

(луны), мрачно-веселые (толпы), воздушно-каменный (театр), мучительно-жива (голова), сумрачно-хлопчатый (воздух), мощно-одичалый (Париж) и др.

Суффиксальный способ, как известно, является самым продуктивным в русском языке. Но у О.Э. Мандельштама он на втором месте, после любимого им сложения. О.Э. Мандельштам использует существующие в языке суффиксы: *-ин-* (зряшний), *-лив-* (известливый, одышливый), *-овит-/-евит-* (шароватый, сердцевит, щеголовит), *-ейш-* (последнейший), *-к-* (глыбкий, версткий), *-аст-* (крыластый), *-ов-* (холодовый).

Следующий тип словообразования – префиксация. Прилагательные, образованные данным способом: *полужестка* (вода), *полупочтенный* (возраст), *безокружное* (что-то) и др.

Встречаются также прилпгательные, образованные префиксально-суффиксальным способом: *безглагольно* (небо), *заресничная* (страна), *сверхжизненные* (кристаллы) и др.

Глагол и глагольные формы

Среди окказионализмов О. Э. Мандельштама встречаются собственно глаголы и особые глагольные формы: причастия и деепричастия.

Собственно глаголы делятся на три группы, представленные в равном количестве: образованные суффиксальным (*мглил, беспамятствует, грамотеет*), префиксально-суффиксальным (*настраживает, зазывает, отпышет*) и суффиксально-постфиксальным способами (*зыблится, вельможиться, ясниться*).

Среди причастий встречаются сложные дефисные слова: *влажно-трепещущая* (сень лиственницы), *смутно-дышащие* (листья).

О.Э. Мандельштам нередко образует причастия суффиксальным способом: *промуравленные* (изгибы), *скворчащие* (трамваи), *онелепленный* (город), *придымленные* (осечки), *завороненные* (волосы) и др. Также встречаются причастия, образованные префиксальным способом: *переуважена* (земля), *перечерна* (земля), *переогромен* (я).

Все окказиональные деепричастия О.Э. Мандельштама образованы суффиксальным способом: *русая, большевея, итальянсья, лопатясь, железясь, коричневея, грезясь*.

Имя существительное

Сложение действительно является излюбленным способом словообразования О.Э. Мандельштама. Подтверждение этому мы обнаружим и при рассмотрении существительных, так как большая часть их образо-

вана именно путем сложения двух основ: *песнетворец, небохранилище, светоговорильня, душемутитель, черноголуб, звуколюбец, темноводье, жизнелюбец, звукопас* и др.

Выделяется особая группа существительных с дефисным написанием. Такие лексемы можно считать графическими окказионализмами: *часы-кузничик, утопленница-речь, крестовик-паук, соперница-злодейка, Рим-человек, зрители-шакалы* и др.

Способ суффиксации также является активно используемым при образовании существительных. Примеры: *чесатель, недоразвиток, жизняночка, умирашка, недоразвиток, бездревесность, фазтонщик, лазорье, моруха* и др.

Существительные, образованные префиксальным способом, имеют приставку *пол-/полу-*: *полумир, полухлеб, полутюрьма, полразговорца, полумир* и др.

Встречаются среди имен существительных слова, образованные по непродуктивным для русского языка моделям: *шопоть, сонь* (продуктивно только для поэтической речи), *кусава, чернота, вежество*.

Наречия

Среди окказионализмов О. Э. Мандельштама всего 5 наречий, 4 из которых образованы при помощи суффикса *-о-*: *хвостато, звездносно, сверхобычно, союзно*. Префиксально-суффиксальным способом образована лексема *вхруст*.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, в поэзии О. Э. Мандельштама было выявлено большое количество окказиональных слов. И это симптоматично, так как он является поэтом традиционным, не имеющим отношения к авангарду. Значит, словообразовательный компонент языковой личности О. Э. Мандельштама высокоразвит. За счет новых слов поэт модернизирует текст просодически, лексически.

Во-вторых, О. Э. Мандельштам образует новые слова по существующим в русском языке моделям (за редким исключением). Это можно объяснить тем, что он является представителем традиционализма, как уже было замечено выше. Его не интересует языковая игра как таковая, он пытается уловить и выразить определенные смыслы, и в этом ему помогает создание новых слов.

В-третьих, большую часть окказионализмов О. Э. Мандельштама составляют прилагательные, что говорит о значимости поэтического определения. Поэт пытается максимально точно описать некие яв-

ния, выразить состояние, ощущения и т. д. Оказиональное прилагательное становится необходимо в силу своей лапидарности. Там, где могло бы потребоваться несколько строк для определения чего-либо, О. Э. Мандельштам обходится одним словом. Ценность окказионализмов заключается в их «многогранности», в том, что они реализуют одновременно несколько смыслов на разных уровнях. И, следовательно, можно говорить о необходимости окказиональных слов в поэзии.

Теперь перейдем к рассмотрению функций окказионализмов. Среди них мы выделили следующие: текстообразующая, смыслообразующая, стилеобразующая, экспрессивная. Но необходимо сразу заметить, что экспрессивной функцией обладают все неологизмы. Это объясняется их природой, тем, что является причиной необходимости их появления. Также нужно сказать, что один окказионализм может выполнять несколько функций.

Для примера возьмем стихотворение «С примесью ворона – голуби».

*С примесью ворона -- голуби,
Завороненные волосы.
Здравствуй, моя нежнолобая,
Дай мне сказать тебе с голоса,
Как я люблю твои волосы
Душные, черно голу'бые.
В губы горячие вложено
Все, чем Москва омоложена,
Чем молодая расширена,
Чем мировая встревожена,
Грозная утихомирена.
Тени лица восхитительны --
Синие, черные, белые.
И на груди -- удивительны
Эти две родинки смелые.
В пальцах тепло не мгновенное,
Сила лежит фортепьянная,
Сила приказа желанная
Биться за дело нетленное...
Мчится, летит, с нами едучи,
Сам ноготок зацелованный,
Мчится, о будущем знаючи,*

Сам ноготок холодающий
 Славная вся, безусловная,
 Здравствуй, моя оживленная
 Ночь в рукавах и просторное
 Круглое горло упорное.
 Слава моя чернобровая,
 Бровью вяжи меня вязкою,
 К жизни и смерти готовая,
 Произносящая ласково
 Сталина имя громовое
 С клятвенной нежностью, с ласкою.

В этом стихотворении несколько неологизмов: *завороненные*, *нежнолобая*, *черноголубые*. Обратим внимание на слово *завороненные*.

Восстановим словообразовательную цепочку данного слова: *ворон* – *воронить* (значение суф. –и: наделять кого-либо или что-либо, что названо мотивирующим существительным) – *заворонить* (значение приставки за-: совершить, довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом) – *завороненный* (-енн – суффикс страдательного причастия прошедшего времени). Ворон для русского человека (и не только русского) является птицей символической. Птицей, которая ассоциируется, прежде всего, со смертью.

Если же мы обратимся к текстам стихотворений О.Э Мандельштама, соседствующим хронологически с рассматриваемым, то лексему *ворон* найдем и в них: «Жил Александр Герцевич...» (1931 г.), «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» (1935 г.), «Как подарок запоздалый...» (1936 г.)

По Мандельштаму ворон – птица вещая. Примеры из ранних стихов: *Ворон на своем суку/ Много видел на веку* («Музыка твоих шагов/ В тишине лесных снегов...» 1909 г.), *Мелькающих стрел звон/ И вещих ворон крик...* («Сегодня дурной день...» 1911 г.). В последнем примере он говорит прямо – *вещих*, однако ворон, а не воронов, но это, на наш взгляд, можно принять и по отношению к *воронам*.

Ворон – птица черная, и в стихотворении «С примесью ворона – голуби...» цвет этот номинируется не однажды: *Как я люблю твои волосы/ Душные, черноголубые, Тени лица восхитительны/ Синие, черные, белые, Слава моя чернобровая*; и косвенно в словах *ворон* и *ночь*. То есть можно говорить о том, что лексема *завороненные* выполняет и смыслоподдерживающую функцию в данном стихотворении.

Попробуем определить, что значит *завороненные волосы*? То есть волосы, на которых есть отпечаток смерти. Можно понимать как поседевшие волосы, но в данном случае черный цвет страшнее серого. Можно, наверное, сопоставить это значение с реальными фактами биографии поэта: июнь 1937 года – закончилось время ссылки в Воронеже. Позади арест, несколько попыток самоубийства, нищенское существование и другие беды. Таким образом, можно говорить о том, что данный неологизм выполняет и смыслообразующую функцию.

Примеры стилиобразующей функции: «О бабочка, о мусульманка,/ В разрезанном саване вся, –/ Жизняночка и умиранка,/ Такая большая – сия!» Окказионализмы *жизняночка* и *умиранка* имеют формальное сходство со словами *бабочка* и *мусульманка*, за счет чего возникает параллелизм первой и третьей строки. Вообще суффиксоид *-яночк-* и суффикс *-нк-* имеют уменьшительное значение, за счет чего появляется парадоксальное понимание слов *жизняночка* и *умиранка*, т. е. такие явления как жизнь и смерть ощущаются какими-то маленькими, игрушечными.

Пример экспрессивной функции: «Мы живем, под собою не чуя страны,/ Наши речи за десять шагов не слышны,/ А где хватит на полразговорца,/ Там припомнят кремлевского горца» Слово *полразговорца* обладает горько-ироническим оттенком, оно подчеркивает то, что и несостоявшийся разговор, даже не начатый, может быть причиной ареста, т. е. для этого не нужно причин, хватит и куцега *полразговорца*.

Необходимо отметить, что один окказионализм может выполнять несколько функций. По такому принципу нами рассматривались все найденные контексты.

Разграничение функций и правильное определение их важно для понимания контекстного значения окказионализма и текста стихотворения в целом.

Рассмотрение своеобразной «переклички» окказионализмов, на наш взгляд, также необходимо. Среди новых слов встречаются формально похожие, как например, *широкохмурый* и *широкопасмурный*, что говорит об их весомости, значимости для поэта. Кроме того, перекличка окказионализма с однокоренными словами также важна для определения значения первого. Об этом пишет Ю. В. Казарин, сопоставляя значения слов *щегловит* и просто *щегал* в разных стихотворениях О. Э. Мандельштама.

Изучение особенностей деривации необходимо для глубокого прочтения и познания мира автора, и потому результаты нашей работы могут помочь в дешифровке текстов О. Э. Мандельштама и их изучении.

Источники

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993-1997.

Литература

Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. – М.: Языки русской культуры, 2001.

Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама. – М.: Языки славянской культуры, 1996.

Гаспаров М. Л. Мандельштам О.: Гражданская лирика 1937 года // Чтения по истории и теории культуры. – 1996. – Вып. 17

Гинзбург Л. Я. Поэтика Осипа Мандельштама // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1972.

Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.

Лекманов О. А. Осип Мандельштам: Жизнь поэта. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Молодая гвардия, 2009.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Ю.В. Казариным

Деркач В. В.
студентка 3-го к. УрФУ

Разновидности креатем в современных рекламных текстах

Рассмотрение текста в качестве продукта креативной речевой деятельности человека позволяет предполагать, что «воплощение замысла в языковой форме текста происходит в условиях неравновесного состояния концептуальной системы говорящего / пишущего» [Локтионова 2008: 1].

Креативные операции с языковыми средствами, направленные на создание эстетического впечатления, следует отличать от автоматического отбора и реализации средств языка, которые поддерживают стереотипность речи. Противопоставление творческого и автоматического использования языка значимо и для порождения, и для восприятия речи.

Автоматическое воспроизведение в речи готовых единиц языка обусловлено тем, что говорящий, отбирая лингвему, т.е. «актуализированное языковое средство, готовое к употреблению в речи» [Купина, Матвеева

2013: 45], для построения высказывания и текста, ориентируется на базовые естественные когнитивные структуры.

Еще Л. П. Якубинский писал, что в обыденной речи в преобладающем числе ситуаций коммуниканты оперируют именно «автоматизмами – почерпнутыми из банка языковых данных готовыми формулами и оборотами речи. Автоматизм обеспечивают практический результат коммуникации» [Якубинский 1986: 193]. О том, что речевое поведение деавтоматизируется, свидетельствует вектор предпочтения, т. е. осознанный и обдуманный выбор языковых средств. Наиболее ярко это проявляется в тех случаях, когда говорящий/пишущий отбирает стилистически окрашенные слова, фразеологизмы, аномальные грамматические формы. Второй аспект креативной деятельности – преобразования готовых элементов, приводящие к заметному сдвигу. Например, инверсивное расположение в рекламном тексте слов в составе атрибутивного словосочетания (*ср.: новая кожа и кожа новая*) акцентирует значимость обозначенного признака. Наконец, третий аспект креативной речевой деятельности связан с «изобретением, образованием новых средств и способов выражения мысли и чувства» [Купина, Матвеева 2013: 280].

«Если единицы языка в речи (частично или полностью) не воспроизводятся, а производятся заново, порождаются, они сигнализируют о возникновении нового знания или же транслируют известное знание в новой форме или же сигнализируют новый поворот в осмыслении известного» [Григорьев 1979: 26]. В любом случае происходит приращение новых смыслов или оттенков смысла.

В. П. Григорьев подчеркивает, что «проникновение в речь (текст) не готовых, воспроизводимых, но порождаемых по ходу речепроизводства единиц напрямую связано с установкой говорящего на творческое осмысление и описание действительности, с креативностью его речемыслительной деятельности, нарушающей автоматизм, характерный для речевого поведения в целом» [Там же: 25]. Носителем нового (поэтического) смысла в «поэтической речи» (в понимании ученого это «речь с установкой на творчество») является креатема. Ученый предлагает определение креатем – это преднамеренно отобранные или преобразованные средства, а также новообразования, нацеленные на создание эстетического впечатления» [Там же: 78].

Н. А. Купина, развивая идеи Григорьева, подчеркивает, что креатема – это единица не только собственно художественной речи, но и

речи, в которой прослеживается эстетическая установка автора. Другими словами, креатема – это «любая единица, использованная, преобразованная или созданная автором с установкой на эстетическое впечатление» [Купина, Матвеева 2013: 315].

В процессе стилистического анализа текста необходимо учитывать основные оппозиции эстетики (прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое). Объектом исследования в данной статье служат тексты современной коммерческой рекламы («JOY» 2012 № 4-7).

Языковые средства, выбор которых отражает эстетические предпочтения рекламодателя, связанные с использованием креативного потенциала языка, активно употребляются в текстах в функции креатема. Стилистическая примета рекламного текста – эмоционально-оценочное атрибутивное слово. Например: *хороший/прекрасный/превосходный цвет лица* (в рекламе декоративной косметики). В данном случае акцентируется результат применения крема. Важен выбор форм *вы/ты*-отношения – средств адресованности, устанавливающих степень интимизации, доверительности коммуникации. Формы *вы* или *ты*-отношения позволяют рекламодателю установить необходимую коммуникативную дистанцию (ср.: *осмелитесь на самый стойкий цвет! и играй с новым роковым черным*).

Использование креатема в рекламе обеспечивает эмоционально-воздействующую функцию текста. Отметим, что эффективность рекламы определяется собственно коммерческим результатом, коммуникативно-прагматическим и результатом эстетико-стилистическим. Использование креатема способствует достижению первых двух установок, сопровождающих создание рекламного текста.

В настоящее время наблюдается социальный спад интереса к чтению художественных текстов, выполняющих собственно эстетическую функцию. Возрастает интерес к текстам прагматическим, ориентированным на сиюминутные запросы адресата. Можно ли сказать, что коммерческая реклама находится в пространстве текстовых «жанрах влияния»? Наверное, можно, т. к. задача рекламного текста – создать мотивацию, побудить человека приобрести товар, воспользоваться предлагаемой услугой.

Обратимся к языковому материалу, который извлечен из женского глянцевого журнала «JOY!» (2012 № 4-7). Предмет анализа – опубликованные рекламные тексты. Сплошная выборка позволяет выделить 3 разновидности креатема:

1. Лингвемы, употребляющиеся как эпитеты, метафоры, гиперболы.

Колористический эпитет: *черный лебедь* (о нарядах) – существительное *лебедь* употреблено в переносном значении «изящная женщина». Поскольку стереотипом восприятия является белый лебедь, имплицитно формируется оппозиция *белый – черный*. Эпитет *черный* обозначает цвет модной одежды. «Загадочность», «грациозность» – опорные контекстуальные смыслы, усиливающие прагматическую функцию текста. Параллельно отметим, что сема женскости (женственности) наталкивается на грамматическое сопротавление мужского рода (*черный лебедь*);

Гиперболический эпитет: *ослепительная улыбка за 14 дней!* (о зубной пасте). Прилагательное реализует словарное значение, связанное с оценочным восприятием красивых белых зубов. Эстетическое впечатление прекрасного поддерживается фотографией.

В тексте используется готовое устойчивое сочетание в нестандартном контексте. Сдвиг позволяет адресату воспринять актуальный смысл: «всего за 14 дней ваши зубы станут белоснежными». Гипербола конкретизируется за счет указания определенного времени.

Языковая гипербола – одно из самых частотных средств воздействия. Еще один пример: *море позитива* (о подарках). Слово-сочетание включает метафорическое существительное в словарном метафорическом значении: *море* – «Большое количество чего-н.» [6, С. 501]. Гипербола реализуется в готовом виде в нестандартном сочетании с оценочным существительным. Гиперболическое значение «огромное удовольствие» усиливается визуально. Формируется прагматическая установка: чем больше подарков, тем больше позитивных впечатлений.

1. Преобразованные, трансформированные лингвемы. Их активность проявляется, например, в сфере лексической сочетаемости.

Так, сочетание *модный караул* передает метафорическое значение «чуткая реакция на веяния моды». Парадоксальное сочетание *реальная виртуальность* используется как стилистический прием. Сдвиг в сочетаемости способствует формированию впечатления о возможности невозможного.

Устойчивое языковое сочетание *раздвоение личности* трансформируется за счет паронимической аттракции: *расслоение личности*. Хотя смыслы данных языковых сочетаний схожи, *расслоение* имеет гораздо возвышенную окраску. Возникает контекстуальное значение: «комбинируя одежду разных стилей, ты можешь продемонстрировать разные грани своей личности». Эстетическое приращение формируется в сочетании вербального ряда с визуальным.

2. Новообразования в текстах коммерческой рекламы употребляются реже. Например, сложные слова *свадьбофобия* и *свободофобия* включают вторую часть – *фобия*, т. е. «болезненное состояние, характеризующееся навязчивым страхом конкретного содержания, связанного с определенным объектом или ситуацией» [Лейбин, 2010: 863], которая неожиданно соединяется с первой частью основы, не ассоциирующейся с эмоцией страха. Визуальный ряд позволяет адресату понять, что боязнь свободы должна компенсироваться шопингом или чтением книг, а боязнь свадьбы – подготовкой к торжеству – прежде всего выбором платья. Рекламные тексты подобного рода выполняют психотерапевтическую функцию.

Как показывает анализ, креатемы в текстах коммерческой рекламы выполняют собственно стилистическую функцию, которая усиливает прагматический эффект. В отдельных случаях креатемы служат для создания психотерапевтического воздействия.

Источники

ЮУ{ДЖОЙ}. 2012. № 4–7.

Литература

- Григорьев В. П. Поэтика слова: монография. М. : Наука, 1979.
- Купина Н. А., матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2013.
- Локтионова В. Г. Синергетический аспект порождения текста [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00038.pdf Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986

Словари

- Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. М. : АСТ, 2010.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2008.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Егорова Е.М.
студентка 3-го к. УрФУ

Особенности поэтики романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко»

О таланте Мамина-Сибиряка говорят многие писатели. Так, В. Короленко в 1887 г. писал о «поразительном запасе творческой силы» у писателя [Короленко. Письмо И. Г. Остроумову], А. Чехов заявлял, что «у него есть положительно прекрасные вещи» [Чехов 1978:41]. Но по достоинству Мамин-Сибиряк в свое время не был оценен, только будущие поколения увидели в нем ту силу и мощь, которой он обладал.

Роман «Черты из жизни Пепко» занимает особое место в творчестве писателя. Наше исследование направлено на анализ поэтики романа и позволяет глубже проникнуть в художественный мир Д. Н. Мамина-Сибиряка. В учебном пособии «Теория литературы» под ред. Н. Д. Тамарченко поэтика определяется как учение о сущности, свойствах и законах словесного художественного творчества [Тамарченко 2004: 4]. Поэтика включает в себя законы построения художественной формы. При рассмотрении романа мы анализируем центральные уровни поэтики, а именно: логику построения повествования, характеры персонажей, мотивное поле произведения.

Роман «Черты из жизни Пепко» являлся предметом исследования Е. А. Боголюбова 1950; И. А. Дергачева 1981; Л. М. Митрофановой

2010; Е. К. Созиной, Л. П. Якимовой 2013 и др. Он существенно отличается от других романов Мамина-Сибиряка своей исповедальностью и автобиографичностью [Дергачев 1981: 413]. В «Чертах из жизни Пепко» отражены многие события жизни автора: время, когда он жил в Петербурге, тогдашней столице, сотрудничал в «малой прессе», работал репортером, проводил дни на даче в Парголово, пытался написать «идейный роман» [Боголюбов 1950: ???]. Но главное, что Мамин-Сибиряк отразил в «Чертах из жизни Пепко», – это свой путь как писателя и превратности, трудности этого пути.

Первоначально «Черты из жизни Пепко» были задуманы как очерк. Появившись в «Русском богатстве», это произведение имело именно такое жанровое определение. Примечателен тот факт, что «очерки» трансформировались в «роман» помимо воли автора. Дергачев пишет об этом явлении: «В статьях рецензентов жанровое определение, предложенное автором, даже не упоминалось. «Черты из жизни Пепко» все называли романом» [Дергачев, 1981: 260].

Краткая Литературная Энциклопедия дает такое определение роману и очерку: «Роман – эпическое произведение, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности, на процессе становления и развития ее характера и самосознания». Очерк – «литературный жанр, отличительным признаком которого является художественное описание по преимуществу единичных явлений действительности, осмысленных автором в их типичности. В основе очерка, как правило, лежит непосредственное изучение автором своего объекта». [Краткая литературная энциклопедия. Электронный ресурс]

Уже из этих сравнительных характеристик романа и очерка видно существенное различие между двумя жанрами. Читатель и исследователь, рассматривая «Черты из жизни Пепко», не усомнятся в принадлежности произведения к жанру романа. Это можно объяснить самим развитием сюжета: Мамин раскрывает противоречия своего героя, его становление как личности и как писателя, стремится показать его внутренние глубинные разногласия.

В романе два действующих героя: Василий Иванович Попов и Агафон Павлович Попов, он же Пепко. Василий Попов выступает в роли повествователя, роман же носит имя Пепки («Черты из жизни Пепко»). Мамин-Сибиряк в своих черновых заметках к произведению отмечал особенность этого романа, когда один герой как бы раздваивается, что восходит к литературной традиции изображения двойничества (вспом-

ним, например, Макбета и Банко, Фауста и Мефистофеля – героев Гете, а в русской литературе – произведения Ф. Достоевского) [Дергачев 1981: 262].

Пепко провоцирует Василия на действия (предлагает ему переехать на новую квартиру, помогает с занятиями по репортерству, знакомит с девушками, реализует план проживания на даче). Он представляет активное начало в романе. Роль Пепки в жизни Василия Попова неоднозначна, как неоднозначен и сам Агафон (настоящее имя Пепки – Агафон Павлыч Попов), словно сотканный из противоречий. С одной стороны, Пепко помогает Василию обустроиться в Петербурге, вводит его в жизнь. До момента знакомства с Пепкой и переезда к нему герой наблюдал за петербургской жизнью лишь из окна, не принимая в ней непосредственного участия. С другой стороны, Пепко показывает Василию нелюбимую сторону жизни: пошлость, разврат, грязь, обман, предательство, ложь. Пепко сводит знакомство с тремя сестрами Глазковыми, одну из которых, Любочку, он обманывает; он проводит дни в обществе Мелюдэ – с «этим падшим ангелом» [Мамин-Сибиряк, 1984: 105], как именует ее он сам; при некотором участии Пепки Василий-студент знакомится с сестрой Анны Петровны – взрослой женщиной Аграфеной Петровной, которая становится его любовницей. Да, Пепко вводит Василия в жизнь, но жизнь эта не устраивает самого Василия. Получается, что Пепко своими руками «строит» судьбу Василия Попова. Из цепких «объятий» Пепки герою все же удается вырваться – в финале Василий уезжает к себе на родину, а до того Пепко женится и уходит добровольцем на войну. Теперь, можем мы предположить, Василий Попов сам будет распоряжаться своей жизнью. Василий расстанется с людьми, ставшими ему дорогими за несколько лет жизни (члены «академии», Пепко, Аграфена).

Важно отметить, что рассказ ведет взрослый повествователь, который вспоминает о событиях своей юности. Василий Попов в прошлом выступает в роли героя, в настоящем он – рассказчик. В прошлом он – участник описываемых событий, молодой человек, студент, пробующий сделать свою карьеру, только начинающий узнавать жизнь. Василий Иванович Попов-рассказчик – взрослый человек, достаточно познавший жизнь, который смотрит на свои молодые годы со стороны и оценивает поступки и ситуации прошлого с высоты своего возраста.

В романе присутствуют две основных линии: линия становления писателя и линия становления личности, они взаимодействуют и одна

линия подкрепляет другую. Каждый из героев романа «Черты из жизни Пепко» работает на раскрытие этих первостепенных сюжетных линий.

Однако, несмотря на многие недостатки, Пепко очень критически относится к себе. Он недоволен образом жизни, который ведет, постоянно корит себя за разгульность. Когда Пепко переосмыслил свой жизненный путь, он нещадно осудил себя прежнего, нашел способы, которые заменили прошлые «разрядки». Так, например, он отказался от пьянства и стойчески выдержал испытание трактором; он придумал способ, который помог справиться со стрессом и злостью после ссор с женой: подниматься в горку с мешком, набитым камнями. Самокритичность Пепки сближает его с Василием Поповым, который, глядя на себя-юношу, дает комментарии, позволяющие увидеть его недовольство собой. Василий-герой неустанно выражает досаду по поводу своего образа жизни, Василий-повествователь также во многих ситуациях критически оценивает себя в юности. Важная особенность, отличающая героев Мамина в романе, – склонность к рефлексии и самокритике.

Особое внимание стоит уделить символике романа. Д. Н. Мамин-Сибиряк – талантливый писатель, манеру письма которого отличает яркий, экспрессивный язык. В романе «Черты из жизни Пепко» большую роль играют мотивы, благодаря которым мы лучше понимаем смысловые послылы автора романа. В литературоведении под мотивом понимается «любая единица сюжета, взятая в аспекте ее повторяемости, типичности, то есть имеющая значение, характерное именно для творчества данного писателя или даже отдельного произведения» [Тамарченко 2004: 194].

Уже на первых страницах произведения изображается канатчик, который «целые дни вытягивал свои веревки», по замечанию Василия Попова, наблюдающего его работу из окна. «У меня плелась своя паутинка, а у него – своя», говорит Василий. Очевиден иносказательный смысл деятельности канатчика. Как пишет исследователь, «Метафора «жизнь-веревочка» становится сквозной в тексте романа» [Митрофанова, 2010: 249]. Образ «веревочки» в романе символизирует жизнь с ее перипетиями, трудностями, с ее рутинностью. Образ канатчика выступает в роли сквозного мотива романа. Читатель встречает упоминание о нем не один раз. Во II главе романа Порфир Порфирыч рассуждает о поступке канатчика, сводя жизнь отдельной личности к философии жизни в целом. Герой сам замечает свою близость с канатчиком: «... казалось, что канатчик почти принадлежал мне, как собрат по профессии». Неслучайно автором выбран именно канатчик: его профессия

тяжела и однообразна, его достижения никем не ценятся, канат здесь тоже – знаковая деталь. Это образ жизненного пути, который проходят все люди. Канат представляет собой крепкий трос, который способен порвать далеко не любой человек. Так и в жизни: каждому из нас дается свой путь, свой канат, если угодно. Находятся такие отважные, кто решается сойти со своей тропы, они добровольно отрывают себя от того, к чему были привязаны. Канатчик, так преданный своей профессии, не вытерпел испытаний и осмелился сбросить с себя бремя жизни. Такой поступок – удел слабых. Если не хватает сил на то, чтобы продолжать надоевшую жизнь, стоит найти в себе упорство и желание изменить этот ход событий. Канатчик в романе противопоставлен героям произведения: если он уходит от действительности, то два молодых Попова всеми силами борются за лучшую жизнь, пытаются устроить ее по своему желанию. Пусть их попытки безуспешны, но они не сдаются и надеются на лучший расклад.

Символами насыщен весь роман. Примечательно в этом отношении упоминание Василием окна, находившегося в его комнате в Петербурге. «Может быть, это было инстинктивным тяготением к свету, которого так мало в Петербурге», – объясняет сам герой. Как известно по классическим текстам, описание Петербурга как города серого, душного, тесного, восходит к определенной литературной традиции. Очень ярко эта особенность выделяется у Достоевского. Молодость любит простор, она тяготеет к свету: «Стояло хмурое осеннее петербургское утро». Хмурое петербургское, но все-таки утро, пора новых начинаний и зарождения свежих идей. Василий Попов наблюдал за жизнью из своего единственного окна, Пепко же показал Василию, что существует еще и другая жизнь, и каждый человек может выстраивать ее сам. Пепко втянул героя в водоворот разнообразий и превращений жизни, он помог ему выйти из закрытого и ограниченного мира своих фантазий, иллюзий и наблюдений.

Еще один символ, на который стоит обратить внимание, – образ голодного волка. Так, Порфир Порфирыч рассказывает только еще вступающему на тернистый путь писательства молодому Василию Попову о волчьем хлебе. Перенос смысла его рассказа с мира живой природы на человеческое общество здесь очевиден. «Так и в нашем деле...», – отмечает сам Селезнев. Образ волка в рассказе Порфира Порфирыча представлен через два разных поколения этих хищников: молодые резвые и старые голодающие волки. Порфир Порфирыч

осознает свою обреченность и невозможность добиться существенных продвижений по части своей работы, он будто призывает Попова к действию, не желая юноше своей судьбы. Василий Попов не лишен наблюдательности: «На улице Порфир Порфирыч показался мне таким маленьким и жалким». Увидев Селезнева в закрытом пространстве комнаты, Попов иначе оценивает Порфира Порфирыча. Можно предположить, что, чувствуя себя как дома в маленьких тесных комнатках (особенно в трактирном заведении), Селезнев терялся на улицах города, являясь ненужным и лишним в столичной жизни. Порфир Порфирыч не смог добиться великих успехов, он был чужим среди всей человеческой стаи хищников, охотящихся не за куском хлеба, а за огромным кусом.

Двойственность персонажа Василия Попова говорит о том, что он вообрал в себя, кроме своих индивидуальных черт, еще и черты Пепки, названного в романе двойником Василия.

Мамин-Сибиряк писал это произведение, опираясь на собственную биографию, что повлияло на восприятие читателем рассматриваемого романа как жизненного и близкого каждому. Личный опыт Мамин-Сибиряка и неоспоримый талант способствовали созданию столь неповторимого, удивительного художественного мира.

Источники

Мамин-Сибиряк Д. Н. Черты из жизни Пепко / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск. Ср.-Урал. кн. изд-во, 1984.

Литература

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Второе доп. изд-е. Свердловск. Ср.-Урал. кн. изд-во, 1981.

Боголюбов Е. А. Комментарии к «Чертам из жизни Пепко» // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. / под ред. Е. А. Боголюбова. Свердловск. Областное гос. изд-во, 1950.

Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. // Теория литературы: учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. В 2т. / под ред. Н. Д. Тамарченко: Т. 1. Издательский центр «Академия». М, 2004.

Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. Краткая литературная энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encycllop/le8/le8-3812.htm>

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Е.К. Созиной

Административное пространство и семантические разновидности художественно-текстовых пространств

Анализ художественного пространства проводился такими учеными, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский. Они доказали, что пространство в художественном тексте структурировано, как и любая другая моделирующая система.

Литературно-художественные модели пространства разделяются, согласно Л.Г. Бабенко, на следующие типы:

1. Психологическое пространство (заключенное в субъекте) – это пространство, уделяющее основное внимание внутреннему миру субъекта. При этом локализаторами в основном являются номинации органов чувств: *сердце, душа, глаза* и т.п. – см., например, стихотворение А.Н. Апухтина «Цыганская песня»:

Та песня напомнит мне время былое,
Которым *душа* так полна,
И страх, что щемит мое *сердце* больное,
Быть может, рассеет она [Апухтин].

2. Географическое пространство (конкретное место, обжитая среда). Данное пространство является трехмерным, то есть простирается по всем трем плоскостям (вверх – вниз, спереди – сзади, слева – справа). Также оно может быть направленным и ненаправленным, горизонтально ограниченным и открытым, близким и далеким. Географическое пространство присутствует в стихотворении Б.Л. Пастернака «Бабье лето»:

Ход из сада в заборе проломан
И теряется в *березняке*.
В *даме* смех и хозяйственный гомон,
Тот же гомон и смех *вдалеке* [Пастернак].

3. Точечное пространство (может быть пространством дома, комнаты, палаты, имеющее обозримые границы) обозначает последовательность эпизодов, не содержащих указания на предшествующие события. Место, являющееся эпицентром действия, обладает ситуативной конкретностью, детализированностью, ограниченностью. Обратимся к стихотворению «Московские кухни»:

*Чайхана, пирожковая-блинная,
Кабинет и азартный притон,
И приемная зала гостиная,
По-старинному значит – салон,
И кабак для заезжего ухаля,
И бездомному барду ночлег, –
Одним словом московская кухня:
Десять метров на сто человек! [Ким]*

4. Фантастическое пространство – является пространством чужим для человека, так как с научной точки зрения и с точки зрения обыденного сознания, совмещает в себе наличие нереальных существ и событий. Данное пространство обладает как горизонтальной, так и вертикальной линейной организацией, что изначально является чужим для человека. Этот тип пространства является жанрообразующим, вследствие чего в отдельный жанр выделяется фантастическая литература. Этот тип пространства можно проследить и в литературно-художественных произведениях, которые нельзя с полной уверенностью отнести к фантастике из-за наличия различных форм проявления фантастического, а вследствие этого и художественного осмысления. В качестве примера рассмотрим отрывок из стихотворения Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай»:

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.
<...>
Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон! [Гумилев]

5. Космическое пространство – это пространство, характеризующееся вертикальной ориентацией, а также являющееся пространством далеким для человека, наполненным свободными и независимыми от человека телами. Данный тип пространства прослеживается в стихотворении В.В. Маяковского «Левый марш»:

Там
за горами горя
солнечный край непочатый.
За голод

за мора море
 шаг миллионный печатай!
 Пусть бандой окружают нанятой,
 стальной изливаются леевой, -
 России не быть под Антантой.
 Левой!
 Левой!
 Левой! [Маяковский]

6. Социальное пространство субъекта-деятеля, субъекта преобразователя. Это пространство, освоенное для человека, в котором в большей степени протекает его сознательная жизнь, совершаются события, имеющие социально-общественную обусловленность. Модальность изображения социального пространства может быть различной: от пафосной, оптимистической до сниженной, иронической [Бабенко 2004: 169–177]. Выделенные типы литературно-художественных пространств не противоречат и не отрицают друг друга, а чаще всего взаимодействуют в художественном тексте, дополняют друг друга и поясняют. Приведем в качестве примера подобного совмещения отрывки из стихотворения Б.Л. Пастернака «Анастасии Платоновне Зуевой».

В первом катрене дается точечное пространство, которое указывает на эпицентр действия данного стихотворения:

Прошу простить. Я сожалею.
 Я не смогу. Я не приду.
 Но мысленно – *на юбилее*,
 В оставленном *седьмом ряду*. [Пастернак 2013]

Следующий отрывок демонстрирует нам наличие психологического пространства, которое подчеркивает душевное состояние и описывает внутренний мир героя:

Стою, и *радуюсь*, и *плачу*,
 И подходящих слов ищу,
 Кричу любые наудачу,
 И без конца *рукоплещу*. [Пастернак 2013]

Данное стихотворение обнаруживает также и географическое пространство. Это еще раз доказывает, что комбинирование различных видов пространства раскрывает глубинный смысл произведения.

Для вас в мечтах писал Островский
 И вас предвосхищал в ролях,
 Для вас *воздвиг свой мир московский*

Доносчиц, приживалок, свах. [Пастернак 2013]

Лингвисты, занимающиеся выявлением средств естественного языка, выражающих пространственные отношения, утверждают, что репрезентация этих взаимоотношений напрямую связана с характером иллюстрируемого пространства и с признаком самого объекта, заполняющего его.

Административное пространство в аспекте выделенных моделей

Административное пространство (АП) соотносится со всеми пятью типами пространства. Отражаясь в каждом из них, АП принимает при этом отличный от любого другого окрас. Административное пространство, выражаясь с помощью психологического пространства, играет существенную роль в описании внутреннего мира и эмоций главного героя. Как известно, одно и то же место, окружение может быть описано абсолютно разными способами, с абсолютно разными эмоциями.

Посредством вкрапления в психологическое пространство АП получает способность яркого выражения воспринимаемой картины окружающего мира человеком. Так, например, в произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», чтобы исследовать «глубины души» человека, автор описывает его в состоянии сильного психологического напряжения, помещает героя в опустошающую атмосферу. Его герои живут в «гробах», проходных комнатах, каморках, похожих на чуланы, снимают углы в кухоньках (Макар Девушкин) или занимают чердаки («Сон смешного человека»). Редко когда герои живут в своем доме. Чаще всего эти герои обитают во временных жилищах, у чужих людей. Их быт неустойчив, «случаен», они не создают домашнего очага. Такое пространство можно описать как опустошенное, лишенное идеала, подавляющее и принижающее человека как личность.

Административное пространство также может выступать как вкрапление в географическое. На протяжении многих лет подход к данному типу пространства велся за счет исследования мифологических источников освоения Земли. Особенно исследователей интересовала организация территории древних городских культур, таких как пространство полиса дома, а также пространства освоенных территорий. Географическое пространство присутствует в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина [Булгаков 2009: 321].

Немаловажную роль в романе М.А. Булгакова играют пейзажи. Не зря именно Патриаршие пруды были выбраны писателем для этой цели: они являются культовым местом в Москве в аспекте мистики. В самой глубокой древности, когда Москва не была еще Москвой, на этом месте топили своих жертв жрецы древнего языческого культа [Тайна патриарших прудов].

Что касается соотношения административного с точечным пространством, то такое пространство имеет обозримые границы. Исключительность данного соотношения в том, что являясь ограниченным, административное пространство может являть собой содержательную бесконечность для интерпретаций. Приведем еще один отрывок из произведения М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, в которую они попали. Ничего не было видно, *как в подземелье*, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азazelло, опасаясь споткнуться. Но тут *вдалеке и вверху* замигал огонек какой-то лампадки и начал приближаться. Азazelло на ходу вынул из-под мышки Маргариты щетку, и та исчезла без всякого стука в темноте. Тут стали подниматься по каким-то *широким ступеням*, и Маргарите стало казаться, что им конца не будет. Ее поражало, как в *передней обыкновенной московской квартиры* может поместиться эта необыкновенная невидимая, но хорошо ощущаемая *бесконечная лестница* [Булгаков 2009: 5].

В данном отрывке автор использует прием расширения пространства: в обычной московской, хотя и нехорошей, квартире номер 50 расположен огромный зал с колоннадой.

Роман «Мастер и Маргарита» ярко сочетает в себе все типы пространства, выражая их посредством административного. Административное пространство в художественных произведениях также описывается, включая в себя элементы фантастического:

Она, совершенно нагая, с летящими по воздуху растрепанными волосами, *летела верхом на толстом борове*, зажимавшем в передних копытцах портфель, а задними ожесточенно молотящем воздух [Булгаков 2009: 324].

Административное пространство, включающее в себя космическое, как следует из определения, должно характеризоваться вертикальной ориентацией. Примером может послужить данный отрывок:

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне [Булгаков 2012: 321].

В завершение анализа образа административного пространства обратимся к психологическому пространству, описываемому в произведении Ф.М. Достоевского «Белые ночи», в котором автор «рисует» место пребывания простых городских жителей:

Петербург – это темные, узкие улицы, заселенные ремесленниками и нищими чиновниками, это город грязных дворов-колодцев, в которых разыгрываются повседневные трагедии [Достоевский].

Данный отрывок еще раз доказывает, что административное пространство многогранно, разнопланово по своей природе.

Источники

Апухтин А. Н. Цыганская песня [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.peoples.ru/poetry/alexey_apuhtin/poem_1104.shtml

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 724 с.

Гумилев Н. Электронное собрание сочинений [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/verses/467/>

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Сочинение [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xenoid.ru/soch/dostoevskiy/prestuplenie_i_nakazanie_17.php

Ким Ю. Ч. Московские кухни [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=19148>

Пастернак Б. Л. Актриса // Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/1072/>

Пастернак Б. Л. Стихотворения Юрия Живаго [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/41785/read>

Литература

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М. : Академический проект, 2004. – 464 с.

Тайна патриарших прудов // Softmixer. Сетевой журнал [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.softmixer.com/2011/08/blog-post_4349.html

Статья рекомендована магистром филологии, ассистентом кафедры риторики и стилистики русского языка В.И. Бортниковым

Структурные типы контекста и их функционирование

Для изучения функционирования термина в тексте важно понятие «контекст». Контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых использовано данное слово [Комиссаров 1990: 142]. Теоретической применимости теории контекста к идентификации варианта перевода [см. Бортников 2012: 5] и посвящена данная статья.

Текст может быть грамматически неверным, но читатель так или иначе понимает его смысл. Это доказывает, что основную роль в тексте играет его лексическое начало [Благова 1978: 80–89]. В противовес этому, грамматическое начало контекста сильнее, так как словосочетание, построенное грамматически неправильно, не будет нести в себе никакого смысла.

Различают левосторонний и правосторонний контекст. Под левосторонним контекстом понимают предшествующее лингвистическое окружение («те слова, которые расположены перед данным словом»), он предвосхищает восприятие значения данного слова, активизирует языковую догадку, предназначен для различения значений многозначного слова; словом, играет важную роль при первичном восприятии отрывка текста. Правосторонний контекст может образовываться из ближайшего окружения слова, а также может распространяться на значительные отрывки текста. Именно благодаря правостороннему контексту возникают приращенные смыслы в тексте, формируется образная структура текста, рождаются аллюзии [Основные понятия переводоведения... 2010: 69].

Также выделяют горизонтальный и вертикальный контекст. Горизонтальный контекст – это ближайшее окружение слова, а вертикальный – это крупный фрагмент текста. В вертикальном контексте значение слова может трансформироваться. Обычными категориями вертикального контекста являются аллюзии, символы, реалии, идиоматика, цитаты и т.п. Вертикальный контекст может заключать, во-первых, ту скрытую информацию, которая обусловлена самим языком и независима от намерений отправителя текста. Во-вторых, вертикальный контекст может целиком зависеть от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, социальный и т.п. факт, отсылка ко вторичному тексту и вторичной ситуации [Виноградов 2001: 41–42].

В теории контекста, принято выделять «микроконтекст» и «макроконтекст». Существует точка зрения, согласно которой микроконтекст и макроконтекст отличаются только своей протяжённостью. Под первым понимается предложение (высказывание), под вторым – более протяжённый фрагмент, как минимум – сверхфразовое единство. Этот чисто формальный подход неоправдан; например, в высказывании «Сильвио продолжал метать» (А. С. Пушкин) значение глагола *метать* становится ясным только с привлечением предшествующего фрагмента, где описывается ситуация игры в карты. Границы микро- и макроконтекста не могут быть детерминированы заранее; они зависят как от исследуемой единицы, так и от целей исследования [Ярцева 1990: 238].

Понятия микро- и макроконтекста неразрывно связаны с противопоставлением лингвистического и ситуативного (экстралингвистического) контекста. Если под лингвистическим контекстом понимают языковое окружение слова, то под ситуативным (экстралингвистическим) контекстом понимают фоновые знания или пресуппозиции автора текста и читателей текста на исходном языке [Основные понятия переводоведения... 2010: 70].

Лингвистический контекст, в свою очередь, делится на лексический и синтаксический. Лексический контекст подразумевает ближайшее лексическое окружение слова, помогающее читателю верно понять значение исследуемой единицы языка. Значение многозначного слова, вообще говоря, раскрывается в тексте обычно через контекст речевой, то есть внутрilingвистическим путем [Бархударов 1975: 33]. Синтаксический контекст – это та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или придаточное предложение [Комиссаров 1990: 142].

В контексте выделяют *ядро и окружение*. Число членов в окружении называется *мощностью окружения*. Каждое ядро может иметь окружения разной мощности, что доказывается в предложениях: *Выпал снег* («выпал» – ядро, мощность = 0); *Уже выпал снег* (1); *На Урале уже выпал снег* (2); *Еще в октябре на Урале уже выпал снег* (3). Из всех окружений данного ядра одно и только одно является *оптимальным*. Все прочие окружения являются либо *избыточными*, либо *недостаточными* [Холодович 1960: 37]. Недостаточное окружение понимается как окружение, которое правильно только в определенном контексте. Примерами недостаточного окружения могут служить следующие фразы: *Он спросил*; *Я взял*; *Она вдела нитку*.

Оптимальное окружение – это «то окружение, для понимания которого нет необходимости ни в знании определенной ситуации, ни в знании определенного контекста. Уменьшение такого окружения хотя бы на один член делает его недостаточным».

На основании сказанного А.А. Холодович выделяет понятие *конфигурация*. Конфигурацией является сочетание данного ядра с его оптимальным окружением. В качестве примеров приведем следующие предложения: *Она вдела нитку в иголку; Я подарила ему книгу; Он положил очки на стол*. Любое окружение, которое превышает оптимальное, считается *избыточным*. Например, в предложении *Она читает книгу быстро* последнее слово будет считаться избыточным окружением.

Термины – чаще всего имена существительные [см. Савченко 2013: 68], следовательно, можно гипотетически указать на их функционирование в двух группах минимальных контекстов: в первой группе термин является главным словом («существительное + прилагательное»), а во второй – зависимым («существительное + глагол» или «существительное + существительное»).

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод : (Вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Междунар. отношения, 1975.

Благова Н. Г. К вопросу о семантическом преобразовании научно-технических терминов в художественной речи // Вопросы семантики. – Калининград : Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1978. – С. 80–89.

Бортников В. И. Категориальная идентификация варианта художественного текста: применение технологии контент-анализа к тематической цепочке в переводе «Потерянного Рая» 1777 г. – Saarbrücken : AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG ; LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Высш. шк., 1990.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990.

Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник ; Отв. ред. канд. филол. наук Раренко М.Б. – М. : ИНИОН РАН, 2010.

Савченко В. В. К проблеме сохранения термина со значением «пожарное оборудование» в художественном переводе // Слово в традиционной и совре-

менной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 68 – 70.

Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 1. – С. 32 – 43.

Статья рекомендована магистром филологии, ассистентом кафедры риторики и стилистики русского языка В.И. Бортниковым

Степанова М. А.
студентка 3-го к. УрФУ

Заголовки на поисковых сайтах: функционально-типологическое описание

Поисковый сайт – совершенно особый текстовый феномен, значительно отличающийся от бумажных носителей информации. Для него свойственна гипертекстовость, т.е. наличие внутренних корреляционных ссылок, отсутствие линейного повествования. Интерпретируя гипертекст как «текст, который разветвляется или выполняет действия по запросу» [dis.academic.ru: электрон. ресурс], необходимо подчеркнуть особую роль, которую играют в подобном текстовом пространстве новостные заголовки. Заголовочный комплекс имеет большое значение для раскрытия содержания любого текста, его презентации и привлечения читательского интереса. Заглавие можно назвать предтекстом, представляющим собой свёрнутый текст: «во главе текстовой иерархии стоит главная мысль (тема произведения и приписываемый признак), этот тезис предидируется основным констатирующим тезисом» [Лазарева 2004: 28]. Заголовок на поисковом сайте становится свернутым текстом в буквальном смысле слова, поскольку, только нажав на такой заголовок, можно получить доступ ко всему тексту.

Специфика заголовков в СМИ описана во многих лингвистических исследованиях [Лазарева 2004; Майданова 1996; Негрышев 2006; Руженцева 2012; Самарцев 2009; Шостак 1998]. В данных работах неоднократно поднимается вопрос о функциях заголовка в публицистическом тексте. Представляется, что заголовки на поисковых сайтах, подобно заголовкам в «бумажной» прессе, осуществляют следующие функции: *информативную* (передают в концентрированном виде информацию по теме статьи); *коммуникативную* (формируют коммуникативное взаимодействие публициста с читающей аудиторией); *рекламно-экс-*

прессивную (эффектной формой мотивируют к прочтению статьи); *графически-выделительную* (графически выделенной формой обозначает сильную позицию в тексте); *соединительную* (являются значимыми элементами, формирующими текст как произведение, обладающее качествами цельности и связности); *эстетическую* (свидетельствуют о степени владения языком, об уместности выражения и о мастерстве, изобретательности автора).

Перечисленные выше функции можно обобщить, как нам представляется, единым названием, сказав, что для заголовков разных типов характерна *адаптационная функция* – подготовка читателя к восприятию конкретного аспекта темы в определенном оценочном повороте. Все приемы, которые используются в элементах заголовочного комплекса, так или иначе направлены на это. Данное явление описала Н. Б. Руженцева, выделив и охарактеризовав две разновидности адаптационной стратегии: популяризаторская адаптация как средство облегчения понимания сообщения и адаптация лингвосоциокультурная, направленная и на облегчение понимания текста, и на трансляцию авторской точки зрения [Руженцева 2012: 51]. Автор отмечает важность адаптации в дискурсе СМИ – читатель является массовым, тексты необходимо строить таким образом, чтобы они были понятны и вызывали интерес. Заголовок, по мнению Л. М. Майдановой, запускает прогностический механизм в сознании адресата: «при восприятии текста прогнозирующие функции авторского замысла выполняет читательская гипотеза общего содержания текста, через сличение с которой и через корректировку которой усваивается содержание. Это как бы комплекс ожиданий, которые оправдываются или не оправдываются по мере восприятия текста, причем любой результат, т.е. и подтверждение, и опровержение ожиданий, полезен для интерпретации, так как в одинаковой степени сужает поле поиска: разобравшись в функциональной принадлежности текста, адресат отсекает другие возможности в данном плане, поняв, что можно и чего не следует ожидать от текста» [Майданова 1996: 6]. Таким образом, заголовок задает направление развития ассоциаций, входящих, по мнению читателя, в тематическое поле текста. Интересные для адресата ассоциации мотивируют его прочесть текст.

При обращении к заголовкам, размещенным на поисковых новостных сайтах, мы обнаруживаем реализацию всех перечисленных выше функций заголовка, однако представляется, что многократно возрастает роль информационной и рекламно-экспрессивной функций,

в то время как в традиционных СМИ большое значение имеет соединительная. В обычной «бумажной» прессе читатель одновременно может видеть и заголовок, и подзаголовок, и текст, и элементы, художественно оформляющие материал (фотографии, картинки, врезки, шрифтовые выделения). На поисковых сайтах, напротив, не показывается не только текст, но, как правило, и подзаголовок. Единственным привлекающим внимание читателя элементом остаётся заголовок. Читатели решают, какую новость прочесть, именно по заголовку. Более того, «в 60-80% случаев саму новость не читают, а получают представление о происходящем по заголовкам. По данным опроса, опубликованного в 2010 году корпорацией «Outsell», 44% посетителей новостного агрегатора «Google News» читают только заголовки и не кликают по ссылкам. Согласно исследованиям Дэвида Огилви (успешного копирайтера, основателя рекламных агентств «Ogilvy & Mather», «Ogilvy PR»), заголовок читает в пять раз больше людей, чем текст» [Амзин 2012: 11]. Читатель, который не заинтересован в чтении всех текстов подряд, не будет открывать каждую новость.

Разговор о функциях заголовков на новостных сайтах неизбежно ведет к исследованию лингвистических средств, которые позволяют реализовать названные выше функции. Для нас важно изучить, какие синтаксические структуры чаще всего используются в позиции заголовков на сайтах, а также обозначить значимые лексические единицы, которые регулярно появляются в изучаемом материале.

Заголовки в публицистическом тексте имеют ряд особенностей построения, причем способы формулирования заголовков меняются с течением времени. Так, в годы советской власти заголовок в прессе отождествлялся с призывом, с лозунгом, указанием, что делать, поэтому в сильной позиции текста часто использовались побудительные конструкции. Для критических заметок или фельетонов в качестве названий рекомендовались пословицы и поговорки. Часто использовались заголовки-клише. В современной печати многое изменилось: заголовок не только информирует нас о содержании материала, но и, словно упаковка товара, призван привлекать внимание. Исследователь Марина Шостак в своей работе «Сочиняем заголовок» отмечает: «Сегодня заголовки, как правило, строятся по нетрадиционным для российской прессы моделям. Долгое время господствовавшие принципы, согласно которым заголовки должны быть сжаты и кратки, сменились на противоположные. И вообще наступило время «авторской свободы» – в заголовки пошли цифры, аб-

бrevиатуры, имена собственные, разговорные слова и сленг, фрагменты на английском и пр.» [Шостак 1998: 96].

Редакторы массовых публицистических изданий сейчас стремятся сделать всё возможное для того, чтобы читатель прочитал данный материал, поэтому заголовок должен на высоком уровне выполнять задачу привлечения и удержания внимания, установления контакта с читателем. Данную задачу всегда успешно удавалось выполнять американской бумажной прессе. В XX веке заголовки отечественных и западных СМИ существенно отличались. «Для советского заголовка характерно отсутствие глагола (*«Город и деревня на новом этапе»*) (*«Известия»*, 07.11, 1930)» [Амзин 2012: 12]. Практически все новости были официальными и переводились в безглагольную форму. Из данных заголовков можно было понять только приблизительную тему заметки. Конкретных фактов предоставлено не было. Современная отечественная пресса во многом поддерживает эту традицию: ср. *«Радио для оптимистов»* (АиФ, 2013, №16), *«Золото волонтеров»* (АиФ, 2014, №13), *«Рост УГОномики»* (Итоги, 2013, № 15), *«Вечно живой»* (Итоги, 2013, №15), *«Суд имени Навального»* (Русский репортер, 2013, № 15), *«Крым. Точка. Ри»* (Русский репортер, 2014, № 12). Безусловно, читая такие заголовки, можно предположить, о чем пойдет речь в материале, однако главная мысль текста обычно неясна. Тем не менее в современных отечественных СМИ наблюдается тенденция чаще использовать в качестве заголовков предложения: повествовательные, вопросительные, восклицательные: *«Сборная России выиграла Паралимпиаду»* (Русский репортер, 2014, № 12), *«Весна наступила, тает асфальт»* (Уральский рабочий, 2014, № 55), *«Кто пилит сук, на котором сидит Европа»* (АиФ, 2014, № 13), *«Куда ушел миллиард?»* (АиФ, 2013, №16), *«Алло, прачечная?»* (Итоги, 2013, № 15), *«Жить – по-новому!»* (АиФ, 2013, № 16), *«Дай миллиард!»* (Русский репортер, 2013, № 15), *«Слов нет!»* (Итоги, 2013, № 15), *«У нас украли победу!»* (АиФ, 2014, № 8)

Зарубежные редакторы даже в середине XX века придерживались другой тактики составления заголовков. «Западные СМИ, напротив, пытались в первую очередь бороться за потребителя информации. Заголовки содержали действия (*«LONDON PAPER CUTS PRICE: «Daily Telegraph» a penny, Leaving «The Times» Only at Two-Pence»*). – *«Лондонская газета снижает цены: «Daily Telegraph» стоит пенни, только «The Times» осталась двухпенсовой»*; *«JONES FOUR TIMES CHAMPION IN YEAR, A Record Never Approached in Golf; Results of Other Major Sports»*. – *«ДЖОНС СТАЛ ЧЕМПИОНОМ В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ*

ЗА ГОД, поставив абсолютный рекорд в гольфе; Результаты по другим видам спорта») («The New York Times» (30-е гг XXв.))» [Амзин 2012: 13]. В данных примерах есть заголовок и уточняющая строка. Заголовок имеет вид простого предложения с глагольным сказуемым, которое открыто предъявляет главную мысль материала.

Представляется, что анализируемый нами материал – заголовки, размещенные на поисковых интернет-сайтах, – значительно ближе к западной журналистской традиции, нежели к отечественной. Интернет-пространство, не имеющее национальных границ, ориентируясь на западные образцы, выработало для себя совершенно определенную модель заголовка, которая повторяется изо дня в день, из страницы в страницу.

Назовем несколько типичных конструкции заголовков, извлеченных из поисковых интернет-сайтов.

Первая такая конструкция – простое повествовательное предложение с глагольным предикатом: «*Михаил Ходорковский получил вид на жительство в Швейцарии*», «*«Локомотив» и «Спартак» сыграли вничью*», «*Движение на волгоградском участке трассы М-6 восстановлено*» (Yandex.ru). Новость, представляемая в заголовке, констатирует уже свершившийся факт или говорит о том, что обязательно произойдет. Иные варианты придают сообщению ненужную неопределенность. Данные предложения можно соотнести с понятием «номинативный минимум, который необходим для семантической организации предложения, без которого оно не может существовать как сообщение — номинативная единица» [Современный русский язык 2011: 716]. По сути, это широкое понимание структурного минимума предложения: обращенность к смыслу предложения как номинативной единицы, признание относительной законченности, цельности информативного содержания главным и обязательным свойством предложения. Структурный минимум предложения понимается как выражение определенного вида «положения дел», события, ситуации [Современный русский язык 1999: 720]. «Набор глаголов, используемых в описании событий, сильно ограничен, однако «существуют удачные, редко используемые глаголы» [Амзин 2012: 19]. Такие глаголы придают экспрессивный оттенок всему заголовку: «*В Ярославской области смыло железную дорогу*», «*ГАИ и ФМС отлавливают незаконные маршрутные автобусы*».

Автоматический анализ ста тысяч новостных заголовков издания «Лента.ру», проведенный А.А. Амзиным, показывает, что каждый год длина заголовков сокращается. В целом, их длина стремится к семи

словам. Интернет-заголовок длиной более десяти слов выглядит неудобочитаемым. «Свойство хорошего заголовка заключается в том, что его несколько слов эквивалентны по значению нескольким предложениям» [Амзин 2012: 18]. Так, заголовок «*Полиция анонсировала взрыв в доме бостонских террористов*» может быть развёрнут с мини-текст: «*Полиция сделала официальное заявление. Как им стало известно, произошёл взрыв. Взрыв произошёл в Бостоне. Взрыв произошёл в доме бостонских террористов*».

Несмотря на тенденцию к лаконичности, интернет-заголовок не представляет собой минимальную структурную схему предложения. Минимальные схемы предложений, дополненные «расширителями» — компонентами, наличие которых необходимо, чтобы предложение могло вне контекста выразить смысл, образуют расширенные структурные схемы предложений. Новостные интернет-заголовки реализуют именно расширенный тип структурной схемы предложения, т.е. более полный, чем минимальная схема, образец, по которому строятся реальные предложения, обладающие семантической автономностью и способные к выполнению номинативной функции — называнию события, ситуации, «положения дел». Эти свойства позволяют расширенной схеме активно использоваться журналистами при создании заголовков. «Часто в уточнении (расширителе) заключается самая интересная часть новости» [Амзин 2012: 19].

Существует несколько типов «расширителей» структурных схем предложений, которые часто наблюдаются в заголовках, размещенных на поисковых сайтах. Один из них — «субстантивный компонент с субъектным значением» [Современный русский язык 1999: 736]. Данный тип расширителей сообщает о действии, производимом лицом либо стихийной силой («*Ветрам сорвало крышу главного здания суда в Колорадо*»), включает позицию косвенного падежа существительного со значением субъекта («*Обаму спасли от ядовитого письма*»).

Второй тип «расширителей» — «субстантивный компонент с объектным значением. Обязательным компонентом расширенных схем таких предложений является падежная форма существительного с объектным значением» [Современный русский язык 2011: 739]. Данные предложения называют ситуацию, предполагающую двух участников: активного, от которого исходит некая физическая или психическая деятельность (субъекта), и пассивного, на которого эта деятельность направлена (объекта): «*Сурков заявил о доверии руководству фонда «Сколково»*», «*На Украине не будут ограничивать пенсии работа-*

ющим пенсионерам», «США дали Израилю два года на отделение от Палестины».

Третий тип – «адвербиальный компонент» [Современный русский язык 1999: 740]. Это может быть наречие («Бостонский террорист тяжело ранен») или предложно-падежная форма существительного с локальным значением («Военнослужащие Внутренних войск МВД Украины выведены из Крыма»).

Вторая типичная для интернет-заголовка конструкция включает в себя две части. Реализация данной двухчастной фразы может быть разной. Например, в начальной (номинативной) части фиксируется источник информации, а во второй представляется точная или трансформированная цитата из текста данного источника: «Песков: работать на Путина тяжело, но интересно», «МВД Казахстана: братья Царнаевы в республике не жили», «Госдеп США: Главной проблемой Латвии является коррупция». Иногда в первой части перед читателями ставится проблема, а во второй констатируется способ её решения: «Как избавиться от хлама: 4 простых шага к порядку», «Как быстро похудеть: самая жесткая диета по-японски», «Как предупредить тромбоз: основные способы профилактики», «Что сделать, чтобы спина не болела: 3 главных совета от Валентина Дикюля». Иногда в первой части фиксируется тема текста, во второй же тема проблематизируется, помещается в интригующий контекст: «10 модных правил Сури Круз: как стать «иконкой стиля» в семь лет», «Виртуальная экскурсия дня: замок Дракулы в Румынии».

Третья конструкция заголовка, популярная на поисковых интернет-сайтах, представляет собой расширенное словосочетание, в составе которого обязательно присутствует числительное: «8 самых громких скандалов с участием комментаторов российского футбола», «6 самых молодых российских богачей», «7 самых вкусных рецептов шашлыка», «Мария Шарапова и ещё 4 самые красивые теннисистки». Материалы, озаглавленные подобным способом, всегда содержат упоминание о некоторых рейтингах, поэтому в заголовке обычно присутствует и прилагательное в форме превосходной степени.

В русском языке от перемещения частей предложения и смещения логического ударения может меняться тон всего заголовка. «Опыт показывает, что логическое ударение (смысловая ударная часть) в заголовке должно располагаться либо в начале предложения, либо в конце, что

предпочтительнее» [Амзин 2012: 20]. В изучаемых нами заголовках реализуется три типа логических ударений:

концевое (*«Бывший главный тренер биатлонисток рассказал об угрозах в Ханты-Мансийске», «Что означает присуждение премии «Поэт» Евгению Евтушенко»*);

начальное (*«Маленькая танцовщица» Дега послужила источником вдохновения для мюзикла», «Единая Россия» исключит из партии министра образования и науки*);

3) двойное (*«Китайских актеров для «Трансформеров-4» наберут с помощью реалити-шоу», «Игру про балтийского наемника выпустят в июне», «Джону Кьюсаку предложили роль лидера «Beach Boys»*).

Лексический анализ заголовков, извлеченных из изучаемых интернет-ресурсов, показывает значимость имён собственных для построения новостных заголовков. Компонент, выражающий имя влиятельного человека, название местности или организации, играет большое значение при формировании минимальной структурной схемы заголовочного предложения и расширении его схемы (*«Сурков призвал не политизировать ситуацию вокруг «Сколково»», «Экс-президент Пакистана Мушарраф обжалует свой арест в Верховном суде», «Тони Блэр рекомендует России либерализовать экономику», «Гудкова обвинили в поддержке сноса исторического центра Москвы»*). Имя собственное актуализирует в сознании читающего целый комплекс ассоциаций. Если оно известно интернет-пользователю, скорее всего, в его сознании оно оценочно окрашено, поэтому человек чаще выбирает ссылки, за которыми скрыта информация об интересных ему конкретных личностях, организациях, странах.

Не менее значимыми при построении интернет-заголовков становятся имена числительные. Их использование преобразует абстрактные высказывания в конкретные факты, подчёркивает точность и достоверность сообщаемой информации (ср.: *«Сооснователи сети «ВКонтакте» продали 48 процентов ее акций»* – *«Сооснователи сети «ВКонтакте» продали почти половину ее акций»*; *«Из соцсетей решили выгнать детей младше 13 лет»* – *«Из соцсетей решили выгнать детей младшего школьного возраста»*; *«Анопутовс собрали 55 тысяч долларов на сайт новостей»* – *«Анопутовс собрали внушительную сумму на сайт новостей»*). Конкретизация влияет на восприятие информации, точные данные делают новость более «зримой».

Подводя итог функционально-типологическому описанию заголовков, размещаемых на новостных поисковых сайтах в Интернете, мы можем констатировать, что лингвистические особенности этих единиц зависят от их функциональной нагрузки. Заголовок в Интернете сегодня должен не только информировать пользователя о том, что происходит в мире, но и заинтриговать, а значит, стимулировать читателя открыть ссылку. Поэтому интернет-заголовки становятся более динамичными, ориентированными на традиции западной журналистики.

Словари

Словари и энциклопедии на Академике: электрон. ресурс. Режим доступа: dis.academic.ru

Литература

Амзин А.А. Новостная интернет-журналистика: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 144 с.

Лазарева Э.А. Заголовок в газете: учебное пособие. – 2-е изд., доп., перераб. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004.

Майданова Л.М. Практическая стилистика жанров СМИ: репортаж, корреспонденция, рецензия, радио-обзор печати, реклама / Л.М. Майданова, Э.А. Лазарева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1996. – 334с.

Негрышев А.А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе Заголовок ↔ Текст // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. №1. – С.97-109.

Руженцева Н. Б. Адаптивная стратегия и фактор адресата в газетно-журнальном и политическом дискурсах: заголовочный комплекс и основной текст // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П.Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед.ун-т» – Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). – С. 51-56.

Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста. Очерки теории и практики : [учеб. пособие для вузов]; [под общ. ред. Я. Н. Засурского]. – 2-е изд. – М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2009. — 526, [1] с.

Современный русский язык: учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А.Земская и др.; Под ред. В.А.Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 982 с.

Шостак М. Сочиняем заголовок // Журналист, 1998, №3. – С. 1-5.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Ю.В. Пикулевой

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Берсенева А. А.
студентка 4-го к. УрФУ

Стилевые доминанты блога Евгения Ройзмана «Сила в правде»

Изучение языкового облика известных общественных деятелей на материале блоговых записей – одно из актуальных направлений лингвистических исследований, посвященных речевому портретированию. Речевой портрет, изучение которого представлено в работах ведущих лингвистов рубежа XX-XXI веков (см. работы Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеевой, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Л.П. Крысина, Т.М. Николаевой, К.Ф. Седова, В.Д. Черняк и др.), – явление комплексное, складывающееся из разных аспектов характеристики языковой личности: лингвокогнитивного, коммуникативного, индивидуально-речевого. «Лингвокогнитивный аспект речевого портрета политика связан с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности; коммуникативный аспект раскрывается на базе понятий речеповеденческих стратегий и тактик. Индивидуально-речевой аспект опирается на понятие речевой компетенции личности и обеспечивается стилистической квалификацией частотных в речевой практике личности языковых единиц» [Асташова 2013: 5]. Представляется, что блог, являющийся виртуальным дневником, т.е. «генетически» восходящий к личной форме коммуникации, но трансформирующийся в жанр публичного заявления, дает новые возможности для презентации собственной личности, а потому может стать интересным источником материала для описания речевого портрета известной личности.

Пиар-блоги относятся к так называемой «зоне ответственной речи» в интернет-пространстве [Данилов 2014: 116]. Реализуя стратегию самопрезентации, общественный деятель, очевидно, отбирает для публичных заявлений (какими, по сути, являются посты в блоге) определенные

© Берсенева А. А.

речевые средства, использует определенные стратегии и тактики взаимодействия с читающей аудиторией, обозначает ключевые концепты, отражающие ценностные ориентиры языковой личности. Речевое поведение языковой личности в рамках пиар-блога становится средством самоидентификации автора виртуального дневника. «Безответственное и непоследовательное речевое поведение в этой зоне приводит к утрате доверия и, соответственно, – потере коммуникативного авторитета» [Данилов 2014: 116].

О.И.Асташова в своем диссертационном исследовании, посвященном описанию речевого портрета политика, высказывает предположение о том, что «языковая личность конкретного политика обнаруживает себя в лингвопортретных вариантах» [Асташова 2013:5]. Представляя речевой портрет как динамический феномен, она доказывает, что изменение социального статуса общественного деятеля влечет за собой модификацию практически всех аспектов речевого поведения: чиновник не может говорить и мыслить, как оппозиционер.

При изучении особенностей речи целесообразно воспользоваться термином «речевая манера», который трактуется М. Я. Дымарским как аспект речевого поведения, определяемый типом социальной (в том числе коммуникативной) позиции, доминирующей в социальном бытии индивида, его характером и темпераментом. Это аспект речевого поведения, включающий предпочитаемые индивидом синтаксические и интонационные конструкции, клише и штампы, пласты фразеологии и лексики [Дымарский 2006: 173]. Изучая блог Евгения Ройзмана, известного оппозиционера, создателя фонда «Город без наркотиков» и музея «Невьянская икона», бывшего депутата Государственной Думы РФ, а ныне – мэра Екатеринбурга, в индивидуально-речевом аспекте, мы поставили перед собой задачу выявить, трансформируется ли речевая манера данного политика, который неожиданно для многих оказался во главе города-миллионника. Каковы стилевые доминанты этого блога? Последователен ли Евгений Ройзман в своем речевом поведении или стремится изменить речевую манеру для большего соответствия новому статусу?

Блог Евгения Ройзмана «Сила в правде» (roizman) в рейтинге блогов Livejournal занимает 155 место (по данным от 30 марта 2014 года). Он может быть рассмотрен как своеобразное средство массовой информации, прежде всего информирующее читателя и за счет информации воздействующее на него. Поэтому для данного блогера характерно использование публицистического функционального стиля

в его неофициальной разновидности, где активно используются экспрессивно-воздействующие единицы.

Roizman обновляет свой электронный дневник после того, как происходит определенное событие, о котором он старается сообщить своим подписчикам. Т.о. «тематические и жанровые доминанты пиар-блога, соотносены с событиями, активным участником которых является автор исходных сообщений» [Данилов 2014: 121]. Большинство постов в данном дневнике – это тексты-повествования. События, о которых повествует автор данного дневника, могут быть самого разного масштаба. Ройзман высказывается и по поводу того, что происходит в стране, и по поводу увиденного в соседнем дворе.

«Задело»

1 Apr, 2012 at 6:35 PM

Стою на светофоре, сворачиваю с Луначарского на Малышева, передо мной стоит «Тойота», синенькая такая. Вдруг водительское окошко открывается, и выбрасывают пустую пачку. Я хотел быстро выскочить и засунуть ему эту пачку обратно в окошко. В это время зажегся светофор, и они поехали. Я догнал их на следующем светофоре, встал рядом, открыл окно, посигналил. Сидит девица, в профиль, не поворачивается. Цыгарка в зубах. Я ей говорю: «Эй, вы чего?» Она поднимает на меня глаза, и искренне так говорит: «А че?»

И я вдруг подумал, может ей просто никогда не говорили, что люди – не свиньи, и что мусорить – нехорошо?»

События могут стать и поводом для рассуждений автора, при этом свою точку зрения roizman высказывает достаточно категорично и эмоционально, используя оценочную лексику и средства экспрессивного синтаксиса.

«Ошибка»

21 фев, 2014 at 6:02 PM

Узников Болотной, совершенно случайных людей, признали виновными в участии в массовых беспорядках и нападении на полицейских...

Граждане судьи! Вы телевизор включали в последние дни? Вы что, не видели, как на самом деле выглядят массовые беспорядки?»

Следуя коммуникативной установке на открытость и искренность общения, призывая бороться с несправедливостью, автор использует этическую аргументацию. Это демонстрирует, например, запись «Любимый город Путина» от 10 апреля 2012 года:

«Произошло это 11 декабря 2011 года. Прошло четыре месяца. По делу все понятно: давно можно было раскрыть. Случай не един-

ственный. Власть молчит. Пойти людям некуда. Говорить они боятся. Потому что говорят: «Нам здесь жить». А я считаю, что надо говорить. Именно потому, что нам здесь жить».

Подобный прием используется блогером и сейчас, когда он является государственным деятелем, возглавляет городскую Думу.

«Родня

26 фев, 2014 at 10:22 PM

Если твой брат, глядя в глаза, скажет тебе: «Брат, я хочу жить отдельно.» Что ты ему ответишь? Ты вздохнешь и скажешь: «Твоя воля, брат. Ты – свободный человек. Это твой выбор, я его уважаю.» Ты скажешь так. Но, только если действительно считаешь его братом».

Для блогера goizman характерно использование разговорных лексических и синтаксических средств. Рассмотрим, к примеру, пост «Так бы сразу и сказал» от 23 марта 2012 года.

«Наши вчера работали с милицейскими. Задержали двух молодых свистков-кайфожоров. Доставили к райотделу. Один попытался сожрать наркотики, которые были при нем. Еле достали. На крыльцо вышел дежурный. Посмотрел и кричит молодому: «Ну-ка, быстро выбрось!» Тот, с перепугу, и выбросил в снег».

В данном фрагменте фиксируются разговорные единицы: *ну-ка* – разговорное междометие, употребляющееся при выражении побуждения, приглашения совершить что-л. [Ефремова: электр. ресурс], *с перепугу* – *перепуг* (разг.) в значении ‘сильный испуг’ [СОШ: электр. ресурс], *сожрать* – *сожрать* (разг.-сниж.) в значении ‘съесть много’ [Ефремова: электрон. ресурс]. Фиксируется жаргонный элемент (*свисток* в значении ‘врун’ [Блатной жаргон: электрон. ресурс], окказиональное новообразование *кайфожоры*, образованное способом сложения от жаргонных слов *кайф* и *жрать*). Интересно субстантивированное употребление прилагательных и местоимений-прилагательных как следствие живого и продуктивного в современной разговорной речи процесса субстантивации [Столярова 2003: 21]: *Наши вчера работали с милицейскими*.

Большая часть предложений в данном тексте – простые с глагольными сказуемыми. Типичны неполные конструкции, в которых пропущено подлежащее (*Задержали двух молодых свистков-кайфожоров. Доставили к райотделу. Еле достали. Посмотрел и кричит молодому...*). Неполные предложения характерны для разговорной диалогической речи [Матвеева 2003: 171], однако используются и в монологической

речи, в частности, в рассматриваемом тексте они реализуют установку на более динамичное повествование. Подобная синтаксическая специфика речи блогера goizman отмечается постоянно, является стилиевой доминантой блога на протяжении всех последних лет:

«Снова шанс.

15 Мар, 2012 at 5:11 PM

Поймали сегодня Крокодила. С субботы его не было. Сразу же начал колотиться. За тем и бежал. Вот что с ним произошло за несколько дней. ... Сейчас пишу где был, что делал, кого видел. Но пока ничего не сообщает. Нужно несколько месяцев чтобы в себя пришел. Снова начали».

«Атака захлебнулась

12 апр, 2013 at 5:44 PM

Закончился обыск.

Обыскивали, в основном, мое рабочее место. Искали все, что может иметь отношение к ним, интересовали базы данных и, самое главное – источники получения информации».

«День закончил

31 янв, 2014 at 8:59 PM

Весь день вел прием населения.

И народ-то хороший шел.

Многое решили.

Что-то удалось со звонка.

Помощники работали с нами. Молодцы. Дельные.

Вообще команда сильная подбирается.

Готовлю серьезную статью по реформе местного самоуправления.

Попробую объяснить всем, что хотят сделать и что может из этого получиться.

Вчера улетал из Москвы, заскочил на Ильинку, где Женя Левкович john_levkovich собирает подписи за освобождение узников Болотной.

Считаю, что люди сидят несправедливо. Подписался».

Ранее блогеру goizman была свойственна жаргонизация речи: автором активно использовал элементы молодежного, криминального, наркоманского жаргона, поскольку контактное общение именно с этими социальными группами он описывает наиболее подробно. Для речевой манеры goizman характерны также просторечные, порой вульгарные и грубые выражения, которые используются блогером сознательно, с определенной коммуникативной целью, прежде всего для выражения сильных эмоций. Подобные языковые единицы появляются даже

в заголовках записи: см., например, запись от 22 марта 2012 года: «... *стошнить-то уже ни за что не стошнит, а вот **сблевать** – **сблюю***: *сблевать* (простореч. вульг.) в значении ‘извергнуть рвоту’ [Ушаков: электрон. ресурс]. Став государственным служащим, Ройзман снижает количество подобных единиц в своих текстах. В последнее время в блоге стали появляться тексты, не имеющие в себе ни одной единицы ограниченной сферы употребления.

«Некогда писать

17 сент, 2013 at 10:35 PM

Думаю, работаю, готовлюсь.

Очень сложный переход от состояния свободного человека к статусу главы полуторамиллионного города.

Настраиваюсь».

Но нельзя утверждать, что Ройзман отказывается от сниженной лексики целиком. Так, запись от 3 декабря 2013 года, посвященная принятому решению о реконструкции Центрального стадиона к Чемпионату мира по футболу, имеет заголовок «*Блинами жопу вытирают*». В такой афористичной и ироничной форме автор констатирует очередной факт разбазаривания городского бюджета.

Для речевой манеры блогера Ройзмана вообще характерна ироническая тональность:

«Мало каши ел

2 Апр, 2012 at 2:11 PM

Рассказывал:

... А сам глава нарkokортеля, организатор крупнейшей в России схемы, Алексей Андреев, сейчас всеми силами пытается уйти от ответственности. Бывший прокурор Железнодорожного района Погосян, родственники которого участвовали в этой схеме, нанял несколько адвокатов и из кустов руководит защитой. С его подачи Андреев начал активно симулировать сумасшествие, и не гнушается ничем – рычит, лает и даже кушает бутерброды с какашками. Наверное Погосян посоветовал. Уже бутербродов десять съел. Вся больничка от него шарахается. А врачи все равно не верят.

Ну все – признали Андреева вменяемым.

И съеденные бутерброды ему не помогли. Может, тонко намазывал?»

Ирония может относиться даже к первым лицам государства, что позволяет закрепить уже существующий образ Евгения Ройзмана как

человека честного и прямолинейного, не приемлющего чинопочитания:

«... Он же памятник!»

15 Янв, 2012 at 1:29 PM

Считаю, что кандидат в президенты Российской Федерации, отказавшийся от публичных дебатов, не имеет морального права стать Президентом России.

Испугавшийся публичных дебатов – или не имеет четкого плана действия и не может его изложить.

Или что-то про себя знает и боится, что это будет на дебатах озвучено.

Или что-то нехорошее задумал.

Не вижу иных причин. Разве что мания величия».

Цитата из фильма «Джентльмены удачи» «Кто ж его посадит? Он же памятник!» – комическая: смех возникает из-за столкновения, реализации в контексте нескольких значений глагола посадить: ‘помочь сесть’ и ‘подвергнуть заключению’. Реинтерпретируя прецедентное высказывание, блогер усекает первую часть, в которое содержится вызывающий смех элемент. В оставшейся части фразы логическое ударение падает на слово *памятник*, которое иронически переосмысливается: речь идет уже не о реальном монументе, а о якобы непогрешимом политическом субъекте, значимость которого для общества очевидна. «Ирония раскрывает, усиливает и разоблачает «мнимость» и ничтожность, пустоту и бессодержательность предмета, внешне ещё сохраняющего свою величину и значительность и требующего к себе прежнего отношения» [Попкова 2007: 21-22], поэтому блогер goizman активно использует этот стилистический приём, рассуждая о современной власти, независимым от которой автор дневника стремится быть:

«Решение

10 дек, 2013 at 2:28 PM

Пригласили в резиденцию губернатора на торжественное заседание, посвященное 20-летию Конституции России.

Вдруг подумал – Женя Малёнкин сидит ни за что. Аксану судят по ложным доносам, просто, чтобы не писала. Фонд с трудом на ногах. Из Бынёг мы ушли. Реставрационное отделение разграблено. Иконы вывезены в неизвестном направлении без единого документа. Жаловаться некому.

20 лет Конституции, говорите?!

Не считаю возможным».

Вербализация некорректных для государственного деятеля мыслей в достаточно язвительной форме поддерживает принятую в блоге установку на прямоту и искренность общения с подписчиками.

Полифункциональность создаваемого в блоге речевого образа проявляется в сочетании сигналов многозначности в одном и том же тексте.

«Я тебя породил.

11 Mar, 2012 at 1:01 PM

Сегодня в 33 школе произошло ЧП. Один малолетний подонок – Владик притащил в школу курительные смеси. И стал детей угощать. Трое укурились так, что одного пятнадцатилетнего забрала «Скорая», с трудом откачали и передали на Сибирский тракт.

Пару месяцев назад этот же Владик взял у папы 500 рублей, купил водки, «Фанты» и пива, и угостил детей так, что они ублевали всю школу. Папа у него очарованный, а в мобильном телефоне у Владика значится под названием «Батек», хотя зовут его на самом деле Александр Иванович.

Я считаю, что основная проблема в папе.

Сам папа за сына бороться не хочет, и ждет пока это сделают другие. Ответственности – ноль. Между тем, сынок – конченый мерзавец, и способен погубить многих сверстников вокруг себя.

В данном примере обращает на себя внимание то, что при употреблении разговорных, просторечных, вульгарных выражений внутри текста в заглавии текста используется редуцированное прецедентное высказывание [Караулов 1987: 216], общеизвестное, хрестоматийное, отсылающее к классическому произведению Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Подобный прием используется неоднократно (также встречаются посты с прецедентными названиями «Миллион алых роз», «Шапка загорелась», «Орудие пролетариата», «Гора родила мышь»). Можно сделать вывод, что сниженная лексика используется с оценочной функцией, а не по причине низкой образованности автора.

Анализ речевой манеры блогера goizman позволяет сделать вывод о том, что используемые автором блога языковые и речевые средства призваны поддерживать в глазах читающей аудитории образ социально ответственного, близкого для каждого, прямолинейного человека, занятого важным делом и предпочитающего не бросать слова на ветер.

Стилевыми доминантами блога становятся средства экспрессивного синтаксиса и сниженная лексика, однако речевое поведение изучаемой языковой личности в определенной мере корректируется после победы Евгения Ройзмана на выборах мэра Екатеринбурга.

Литература

Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен : автореферат дис. ... кандидата филологических наук; Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.

Данилов С.Ю. Сигналы многоглаголия в свободном пространстве Интернета // Русский язык в многоглагольном социокультурном пространстве: [монография] / отв. ред. Б.М.Гаспаров, Н.А.Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 114-134.

Дымарский М.Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова. – М., 2006. – С. 173-186.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 262 с.

Попкова Н.Н. Доминанты идиостиля современного поэта ирониста (на материале произведений Игоря Иртеньева): дис. ... к-та филол. наук / Н.Н. Попкова ; Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 194 с.

Столярова Э.А. Части речи / Э.А. Столярова // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Под ред. О.Б.Сиротининой. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 4-47.

Словари

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 10.03.2014).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 23.03.2014).

Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 432 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.03.2014).

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Ю.В. Пикулевой

Исакова Е. А.

аспирант кафедры риторики
и стилистики русского языка УрФУ**«Эффект присутствия» в современном радиорепортаже**

Репортаж – жанр, часто встречающийся в российских СМИ и подробно рассмотренный в отечественной учебно-научной литературе. При этом ни исследователи, ни корреспонденты не выработали единого определения репортажа и перечня его отличительных черт. Обобщив различные точки зрения (см., например, работы М. В. Григоряна, С. М. Гуревича, М. Н. Кима, А. А. Тertyчного и др.), можно сказать, что репортаж – это жанр, образованный тремя тесно взаимосвязанными признаками, сформулированными нами в опоре на работы Г. Я. Солганика и Л. М. Майдановой [Солганик 1970; Майданова 1996]: событийность, эффект присутствия и Я репортера.

Ученые расходятся и в определении приоритетности этих признаков: какой из них является ключевым и определяет все остальные. В частности, Г. Я. Солганик в одной из основополагающих работе в этом вопросе «Стиль репортажа» (1970) поставил в центр личность репортера, сквозь призму восприятия которого представлено событие и благодаря которому в репортаже появляется особый эффект присутствия, связанный в первую очередь с настоящим репортажным временем, а также – описательными фрагментами. Называя такое грамматическое средство, как «настоящее репортажа», «одной из характернейших черт» жанра [Солганик 1970: 35], он писал: «Едва ли не каждый третий репортаж начинается с зарисовки (или имеет ее в своем составе), в которой главную роль играет «настоящее репортажа». Термин введен А. В. Исаченко и подчеркивает тесную функциональную связь указанной временной формы и жанра репортажа...» [там же]. Анализируя специфику этого явления, Г. Я. Солганик подчеркивал, что «...»настоящее репортажа» приближает действие, событие к читателю, переносит его в атмосферу событий, создает не только ощущение присутствия репортера на месте действия, но и иллюзию участия (хотя и пассивного, созерцательного) читателя в происходящем» [Солганик 1970: 37]. Он отмечал связь данного грамматического средства не столько с функцией воспроизведения действия, но в большей степени – с характеристикой качества, признака, созданием картины [Солганик 1970: 37–38].

Данная идея Г. Я. Солганика созвучна идеям других исследователей или используется ими, а также перекликается с мнением журналистов-

практиков. Например, А. Н. Васильева называет главный жанрообразующий признак репортажа «я был, я видел, я участвовал» и пишет, что «стилистически это выражается прежде всего в функциональной направленности речи на формирование в сознании читателя целостного комплекса конкретно-чувственных представлений о том или ином “кусочке действительности”» [Васильева 1982: 160]. А известный современный корреспондент Д. Виноградов в своем блоге «Репортаж из букв» (<http://to-report.livejournal.com>), посвященном исследованию жанра и предназначенном для помощи журналистам в создании материалов, пишет, что «важнейший компонент репортажа» – эффект присутствия создается автором у читателя с помощью «передачи эмоций, запаха, звуков, чувств, которые журналист испытывал на месте и теперь через текст пытается транслировать читателю», причем большое значение приобретает деталь [Виноградов: электронный ресурс].

Как показывают наши наблюдения, радиовариант репортажа сегодня встречается реже, по сравнению с печатным или телевизионным, и, в отличие от классического варианта, – менее изучен (см., например, [Ярошенко 1976], [Смирнов 2002], [Григорова: электронный ресурс] и др.). Однако и нем большая роль отводится рассматриваемому жанрообразующему признаку. В.В. Смирнов отмечает, что «в радиорепортаже важны три эффекта: достоверность, присутствие и сопереживание» [Смирнов 2002: 84–85].

Цель нашего исследования – выявить стилистические особенности реализации признака «эффект присутствия» в современном радиоварианте жанра, в частности в классическом его виде – радиорепортаже спортивном [Смирнов 2002: 128]. Материалом явились выпуски передачи «Новости спорта» на радио «Маяк» с 15 октября 2013 по 15 января 2014 г. (119 текстов), из которых были отобраны тексты-репортажи (всего – 20). Все они посвящены важным соревнованиям высокого уровня (всероссийского, европейского или мирового) в трех видах спорта: футбол, фигурное катание или биатлон, – и представляют собой либо репортаж с места события, которое уже началось и разворачивается в данный момент (таких большинство), либо репортаж-анонс, когда корреспондент присутствует на месте события перед его началом и рассказывает слушателям о подготовке, делает прогнозы.

Перейдем к анализу особенностей создания эффекта присутствия и его места в спортивном радиорепортаже.

Во-первых, в текстах сохраняется основное средство создания эффекта присутствия – морфологические и синтаксические показатели

настоящего времени, хотя и употребляются они довольно ограниченно, поскольку вытесняются хронологическим изложением события. Корреспонденты используют глаголы настоящего времени, характеризующие в том числе действия репортера и его включенность в событие: *Спортсменки первой группы сейчас уходят на трассу* (Е. Маловичко «Женский спринт стартовал на втором этапе Кубка мира...». 06.12.13.15:54). *Сейчас на арене идет репетиция красочная открытия, но народ уже начинает стягиваться* (В. Колосова «Сегодня в Москве стартует этап гран-при по фигурному катанию» 22.11.13. 16:49). *Потому что сейчас я уже смотрю на её оценки за техническую составляющую...* (В. Колосова «Финал Гран-при по фигурному катанию стартовал в Японии». 05.12.13. 14:59)

Также фиксируем синтаксические показатели – конструкции с семантикой настоящего времени: *На льду – одна из самых, пожалуй, талантливых спортсменок своего времени – японка Мао Асада* (В. Колосова «Сегодня в Москве стартует этап гран-при по фигурному катанию» 22.11.13. 16:49) *Соревнования в самом разгаре, на льду вторая разминка, и Гордей Горшков.* (В. Колосова «На Чемпионате России по фигурному катанию в Сочи...» 25.12.13. 18:59). *У нас на льду – Сирафима Саханович, предпоследняя в первой разминке. Но вообще, если честно, смотреть за выступлениями наших девушек – сплошное удовольствие* (В. Колосова «Девушки представляют короткую программу...» 25.12.13. 14:59).

Также отметим, что в некоторых случаях эффект присутствия находит выражение не только непосредственно в речи репортера, но и обозначается уже в словах ведущего программы новостей – подводке: *Девушки представляют короткую программу на Чемпионате России по фигурному катанию, который продолжается в олимпийском ледовом дворце «Айсберг» в Сочи. За выступлениями одиночниц следит наш корреспондент Виктория Колосова* («Девушки представляют короткую программу...» 25.12.13. 14:59). *О том, как «Казань» готовится к сегодняшнему поединку, расскажет наш собственный корреспондент в столице Татарстана Александр Медведев* («В рамках четвертого тура группового турнира футбольной Лиги Европы...» 07.11.13. 15:52).

«Настоящее репортажа» связано со вторым способом создания эффекта присутствия – описательными фрагментами. Часто мы наблюдаем их в выпусках, которые делаются перед началом основного спортивного события. Например, сравнительно большой по объему описательный фрагмент (почти половина текста) мы зафиксировали

в репортаже О. Сухановой «Сегодня в футбольной Лиге чемпионов состоятся матчи 4-го тура группового турнира» (05.11.13.15:59): *Сейчас в Манчестере типичное утро: хмурое небо, небольшой дождь и достаточно холодно – градусов семь, не больше. Но болельщиков ЦСКА таким не испугать, и уже сейчас их можно встретить во всех интересных местах Манчестера. Кто-то отправился на шопинг, кто-то на экскурсию на стадион «Олд Траффорд» – домашнюю арену «Манчестер Юнайтед», а кто-то – в Национальный музей футбола Англии. Ведут они себя прилично и не дают поводов будить полицию.*

Пока складывается обманчивое впечатление, что матч домашний у ЦСКА. В это рабочее утро все болельщики «Манчестер Сити» в трудах, их почти не видно. Но, знаете, когда проходишь мимо офисных зданий с большими окнами, можно увидеть сотрудников, и некоторые из них сидят в таких красивых костюмах, а на спинках стульев любовно развешаны майки голубого цвета.

Заметим, что в последнем предложении мы видим пример использования детали, которая не только поддерживает эффект присутствия, но и сообщает текст достоверность.

Как показывает наш материал, специфика роли описательных фрагментов в спортивном радиорепортаже заключается в их полифункциональности: описание не только создает эффект присутствия и усиливает впечатление достоверности, но может быть связано с функцией прогнозирования. Так, например, в некоторых видах спорта (футбол, биатлон) большое значение приобретают погодные условия. Поэтому корреспонденты в репортажах-анонсах используют известные им данные, чтобы сделать прогноз: *По сравнению с женской гонкой, перестал идти снег, поэтому в стрельбе проблем особых быть не должно. Снег свежий, немножко сюрпризом, конечно, не стал, сказала Ольга Зайцева, но она призналась, что опасалась, что сегодня тоже отменяют гонку, как это было в гонке преследования в Эстерсунде. Но сейчас снегопад вообще прекратился, поэтому если и будут проблемы в стрельбе у биатлонистов, то пенять им предстоит только на себя.* (Е. Маловичко «Мужской спринт стартовал в рамках второго этапа...». 06.12.13. 16:50)

Погода в Казани отличная, самая что ни на есть футбольная. Днем 10–11 градусов, ну, и вечером, наверное, будет такая же погода. Чуть-чуть, может, похолодает. Тем не менее, я думаю, что футбол будет самого высокого качества («В рамках четвертого тура группового турнира футбольной Лиги Европы...» 07.11.13. 15:52).

Другая функция, с которой может быть связано описание, — это оценка. Такие фрагменты мы находим в репортажах В. Колосовой. Тексты этого корреспондента, посвященные фигурному катанию, отличаются от текстов коллег большей выраженностью авторского начала, эмоциональностью. Например, в нескольких выпусках В. Колосова высоко оценивала выступления Евгения Плющенко, в том числе в репортаже после его выступления на Турнире в Олимпийском Ледовом дворце «Айсберг» в Сочи: «...И, конечно, мне кажется, что Евгений сейчас на пути к своей лучшей форме. И теперь можно с уверенностью сказать, что за Евгения абсолютно всем будет не стыдно, и на равных он с лидерами мирового сезона уж точно сможет бороться. Люди аплодировали стоя, бесконечное количество баннеров здесь на трибунах, все поддерживают Евгения Плющенко. Ну, и, конечно, олимпийский чемпион не подкачал» («Чемпионат России по фигурному катанию стартовал сегодня...» 24.12.13. 14:55).

В репортажах В. Колосова стремится как можно ярче описать каждого спортсмена и его выступление: *Что касается Елизаветы Туктамышевой, то она пока пятая: к сожалению, не все ей сегодня удалось, хоть и поддерживала ее, вот любопытная деталь, бабочка на льду, самая настоящая бабочка вот так в конце осени* («Сегодня в Москве стартовал этап гран-при по фигурному катанию» 22.11.13. 16:49).

Помимо собственно лингвистических средств выражения жанрообразующего признака «эффект присутствия» существуют и средства, специфические для радиорепортажа. На радио эффекты присутствия и достоверности могут быть достигнуты с помощью знаков аудиальной семиотической системы: шумов, закадровых голосов и пр. Однако отличие наших материалов состоит в том, что синхронных шумов нет. Эффект присутствия отчасти создается только за счет звучащей речи корреспондента: паузы, сбивки, инверсии, повторы. Ярче всего это проявляется в репортажах В. Колосовой.

Подведем итоги. Современный радиорепортаж встречается реже, чем печатный и телевизионный варианты этого жанра.

Довольно значительное место в нем по-прежнему занимает эффект присутствия. В проанализированных нами материалах он создается преимущественно лингвистическими средствами. Заметим, что «настоящее репортажа» сегодня часто уступает место хронологическому изложению события, что размывает жанровые границы между репортажем и новостью.

Особенностью описательных фрагментов в спортивном репортаже является их полифункциональность: участие не только в создании эффекта присутствия, но и прогнозировании и оценке, в усилении эффекта достоверности.

В заключение отметим, что выбор конкретных средств для выражения эффекта присутствия и особенности звучащей речи, которые тоже играют роль в выражении данного признака, зависят от индивидуальности журналиста.

Литература

Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. М.: «Русский язык», 1982.

Виноградов Д. Язык репортажа. Как создать «эффект присутствия» // Репортаж из букв [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://to-report.livejournal.com/2166.html>

Григорян М. В. Пособие по журналистике. М.: «Права человека», 2007.

Григорова Л. В. Радиорепортаж в программах местного вещания : на примере Ставропольского краевого радио : автореф. дис. ...канд. филол наук. Ростов-на-Дону, 2007.

Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект Пресс, 2004.

Ким М.Н. Репортаж: технология жанра. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005.

Майданова Л. М. Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1996.

Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики. М.: Аспект Пресс, 2002.

Солганик Г.Я. Стиль репортажа М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2002.

Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М.: Изд-во «Искусство», 1976.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О.А. Михайловой

Каравяева Е. В.
студентка 4-го к. УрФУ

Имиджевый риск: лингвокультурологический этюд

В одной из последних работ О.Б. Сиротинина характеризует повышенную «рискогенность» речи как следствие стихийного формирования системы, которая не так опасна для повседневного общения, как для

© Каравяева Е. В.

имиджа человека. «Особенно страшны по своим последствиям возникающие в узусе социальные риски (наиболее ярко они проявляются в применении и понимании законов в журналистике и политической жизни страны)» [Сиротинина 2013: 57]. Разновидность отмеченных рисков – риски социально-ролевые. При этом роль понимается как речевое поведение, соответствующее ожиданиям адресата.

Мы анализируем речевое поведение Ксении Собчак (далее также КС). В глазах общественности она устойчиво воспринимается как телеведущая скандального шоу «Дом-2». Об этом свидетельствуют данные проведенного нами эксперимента [Караваева 2013: 40]. Один из самых высокочастотных ассоциатов-предикатов – *телеведущая*. Частотным является предикат *светская львица* – знак коллективного представления о социальной среде, к которой принадлежит КС. Характеризующие предикаты *гламурная*, *эпатажная* поддерживают устойчивое впечатление скандальности. Подобные маркеры препятствуют реализации речевого имиджа политика. Между тем КС смело включается в пространство политических баталий.

Своим политическим выступлением в 2011 году в Москве, на проспекте Сахарова, К. Собчак вступила в «рискогенную зону». Она стремительно изменила свой публичный образ. Светская львица, скандальная журналистка на митинге предстала как оппозиционный политик. Цель программного выступления Ксении Собчак – презентация стратегии формирования новой оппозиционной партии: *Партия может стать нашей, только если сами сможем ее создать*.

В то же время в начале выступления на первый план восприятия выдвигается презентация персоны оратора, а не партии. Вслед за О.С. Иссерс выделим два вида стратегий: *Ethos* и *Persona*. «С одной стороны, автор в своей речи может акцентировать специфические особенности личности <...>. С другой стороны, политик обычно выбирает для себя роль (или роли) и соответствующую ей речевую «маску»» [Иссерс 1999: 198]. В речи КС около 300 слов, 10 из которых – местоимение я. Например, *Здравствуйте, я – Ксения Собчак, и мне есть что терять, но тем не менее я здесь...* Собственное присутствие на митинге трактуется как из ряда вон выходящий поступок успешной женщины, которая не сомневается в своей популярности. Эгоцентрическое речевое поведение препятствует эмоции единого (коллективного) эмоционального порыва как общей приметы митинга.

Агитационный результат речи можно признать скорее отрицательным: КС говорит о политической партии, у которой нет собственного

политического языка. При этом КС противопоставляет себя как действующей власти, так и существующей оппозиции. Она предлагает создать партию без лидера, однако многочисленные я-конструкции свидетельствуют об имплицитном присутствии лидера в лице самой КС.

В тексте речи отсутствуют формы обращения к адресату-единомышленнику. Последнее необходимо для агитационных выступлений. Все это говорит о политическом эклектизме, отсутствии четкой идеологической платформы, недостаточном развитии когнитивного уровня – центрального в структуре языковой личности политика. Вслед за Ю.Н. Карауловым под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3]. Отсутствие продуманного понятийного аппарата, интерпретации ключевой идеи лишает речь концептуальности, которая вытесняется самолюбованием.

Речь КС можно рассматривать скорее как риторический шаг, чем как шаг собственно политический, как риторический поступок, добавляющий в имиджевую характеристику медийного лица нечто новое, эффектный функционально-политический ролевой разворот.

Коммуникативный отклик аудитории подтверждает вывод об отрицательном риторическом результате выступления КС, которая не была принята оппозиционной площадью. Сразу после выхода КС на сцену последовал неодобрительный свист и хоровая коммуникативная реакция – скандирование выкрика «Уходи, уходи!». Протестный призыв периодически повторялся. Митингующие почувствовали «чуждость» оратора по нескольким причинам. Во-первых, оратором не был четко определен адресат речи; во-вторых, отрицательно сказался сложившийся в коллективном сознании гламурный образ, не сочетающийся с образом оппозиционера. Корпоративный диалог с митингующими не состоялся. Имиджевый риск повлек за собой коммуникативный провал.

У Ксении Собчак не было «риска потери имиджа культурного человека», описанного О.Б. Сиротининой. С ортологической точки зрения, ее речь находится вне лингвистической критики. В то же время имидж светской тусовщицы помешал оратору найти контакт с аудиторией. Из-за недостаточного учета возможных рисков, из-за внутреннего ощущения собственной значимости КС не сумела произвести запланированного

впечатления на митингующих. О.Б. Сиротинина отмечает, что «рискогенность нашей обыденной речи жить не помогает, но сравнительно легко преодолевается элементарной внимательностью к адресату, учетом ситуации и статусно-ролевых отношений» [Сиротинина 2013: 57]. В ситуации однократной публичной речи преодоление «рискогенности» затрудняется. Последнее автор речи должен учитывать на этапе подготовки выступления.

Конкретная риторическая ошибка КС заключалась в том, что предварительно ею не был сформулирован образ адресата, не были предугаданы ожидания митингующих, их прагматические реакции. Агитационная цель речи была поглощена презентационной. Идейные основы выступления оказались зыбкими. Отобранные ключевые слова *движение* и *влиять* не были связаны с ценностными предпочтениями митингующих. Протестная реакция толпы свидетельствует о том, что светская львица не была принята в «свой круг».

Заявив о себе как о политике, КС продолжила оппозиционную деятельность. Это говорит о внутреннем интеллектуально-психологическом потенциале ее личности. Несмотря на отсутствие политического и собственно риторического успеха, КС дала понять, что не свернет со своего пути, однако стала вести себя более сдержанно. Она продолжает присутствовать на различных митингах (например, в Киеве на Майдане), но избегает программных политических выступлений. Она берет интервью у политиков, например, у кандидатов на пост президента в 2012; у избранного мэром Екатеринбурга Е.В. Ройзмана [http://tvrain.ru/articles/sobchak_zhivem_evgenij_rojzman-351980/]. Личное мнение о текущей политической ситуации КС высказывает в основном в твиттере: *Я же говорила, что история с Крымом – хороша в любом случае: и землю вернули, и еще санкциями наказали тех, кто реально заслуживает* (@xenia_sobchak (21 марта)). Завышенная самооценка, которая была вербализована в речи на митинге (2011), проявляется и в приведенном высказывании (2014). Стратегия самопрезентации, хоть и в сочетании с иронией, не соответствует социокультурным представлениям о должном и позволительном в ситуации крайнего политического напряжения.

Этюдный анализ свидетельствует о наличии преднамеренного имиджевого риска в контексте публичной речи в разных функциональных разновидностях. Представляется, что нежелание отказаться от презентации собственного «я» намеренная дистанцированность

от коллективного, отсутствие ориентации на «другого» влечет за собой имиджевые коммуникативные неудачи.

Литература

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск.: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.

Караева Е.В. Об экспериментальном изучении полигlossии// Много-
речие: проблемы изучения: Тезисы докладов и сообщений Межвузовского научно-
го семинара с международным участием. – Екатеринбург, 14 мая 2013 г. – С. 40

Караулов Ю.Н. Язык и личность. – М., 1989. – С.3-8.

Сиротинина О.Б. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски.
Саратов : Изд-во Сарат. Ун-та, 2013. – 116с.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Мальцева Т. В.
студентка 4-го к. УрФУ

О функциях метаязыкового оператора *грубо говоря*

Демократизация современного русского языка позволила человеку говорящему раскрепоститься. Ликвидация цензуры привела к изменению в сознании людей представлений о публично допустимом в речи, расшатала систему тематических табу. Тематическая свобода проявилась в активном обсуждении тем, ранее запретных. Снятие табу с запретных тем заставило говорящего называть вещи своими именами. Прямая номинация отрицательного феномена служит толчком для появления сниженных номинаций, от нейтрально-объективной констатации факта происходит переход «к гиперболическому пейоративу» [Шейгал 2000: 210]. Параллельно с прямой номинацией мы встречаемся с дисфемизацией, которая зачастую сопровождается метаязыковым оператором *грубо говоря*.

Цель нашей работы – обратиться к характеристике высказываний, включающих метаязыковой оператор *грубо говоря*, с целью выявления болевых точек социального напряжения. Выборка материала проводилась на основе публицистических текстов средств массовой информации с 2010 по 2013 года с помощью поисковой базы Integrum. Материалом исследования являются 500 высказываний, включающих метаязыковой оператор *грубо говоря*.

© Мальцева Т. В.

В ходе анализа выяснилось, что данный метаоператор, помимо огрубения речи, может выполнять ряд других вспомогательных ролей. Дополнительной задачей исследования явилось выявление всех функций метаязыкового комментария *грубо говоря*. Анализ материала будет распределен по частоте употребления метаязыковых высказываний с разной функциональной нагрузкой.

Итак, обратимся к первой поставленной задаче – к анализу тематики высказываний, включающих дисфемизмы с метаязыковым сопроводителем *грубо говоря*. Назовём наиболее частотные тематические группы дисфемизмов, отражающих актуальные проблемы современного общества.

1. Наиболее часто дисфемизмы выражают отношение безразличия.

Если большая часть населения России – фаталисты или, грубо говоря, пофигисты, пассивно ожидающие несчастий и надеющиеся на традиционный авось, то выживальщики – это социально активная среда, действующая по принципу: “Стремись к лучшему, не забывая о худшем” (Мир новостей; 26.10.2010).

Оппозиционная пара: прямая номинация *пассивный человек* – дисфемизм *пофигист*.

Лексическая единица *пофигист* означает «сторонник пофигизма». *Пофигизм*, неодобр. жарг. – «состояние безразличия, апатии, отсутствие интереса к окружающему миру; презрение к внешним условиям; жизненная позиция показного равнодушия и безучастия к происходящему» [Химик 2004: 479]. Оппозицию рассматриваемому дисфемизму составляет словосочетание *безразличный человек*, которое является общеупотребительным. Ср.: *безразличный* – «равнодушный, безучастный» [Ожегов 2009: 42]. Обе номинации сохраняют семантический компонент «равнодушный». Но в ядерную часть лексемы *пофигист* вводятся периферийные компоненты «презрение», «показное, преувеличенное равнодушие», что демонстрирует сдвиг в сторону «ухудшения» денотата, приводит к эффекту сильной экспрессивной подачи информации. Таким образом, дисфемизм является более экспрессивным за счёт социальной и эмоционально-экспрессивной окрашенности слова.

Да, у нас есть закон «О СМИ», но многие руководители, грубо говоря, чихать на него хотели (Наше время; 27.01.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *быть безразличным* – дисфемизм *чихать*. *Чихать* – («груб. разг.-сниж.) не обращать внимания, относится с полным безразличием, пренебрежением к кому-, чему-л»

[Химик 2004: 714]. Экспрессивная сниженная единица усиливает негативный характер высказывания.

2. Вторая, менее обсуждаемая тема – тема лжи и обмана. Затрагивая различные сферы социальной действительности, журналист отмечает всеохватность проблемы. Чаще всего тема обмана разворачивается в политическом ключе, также она касается областей науки и образования, спорта, экономики.

Людей, грубо говоря, кинули, а новое предприятие уведет активы, приберет к рукам фонд жилья и опять начнет собирать с жильцов деньги на текущий и капитальный ремонты, коммунальные услуги, привычно наращивая долги (Красное Знамя; 20.12.2012). Оппозиционная пара: прямая номинация *обмануть* – дисфемизм *кинуть*.

Жаргонное слово *кинуть* во втором значении – «неожиданно нарушить договоренности, не сдерживать обещания, преднамеренно подвести, нанеся финансовый и моральный ущерб» [Химик 2004: 255]. Это ярко выраженная экспрессивная лексема. Нейтральной оппозицией к этому жаргону является слово *обмануть* – «кого-что. ввести в заблуждение, сказать неправду; поступить недобросовестно по отношению к кому-н.» [Ожегов 2009: 431].

Как следует из записей, зачастую того же Удальцова и Навального Развозжаев и Лебедев использовали абсолютно втемную, грубо говоря, разводя как лохов (Комсомольская правда; 13.12.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *обмануть* – дисфемизм *развести как лоха*.

Развести как лоха – устойчивое выражение, имеющее отношение к воровской лексике. *Развод* – «вымогательство, принуждение с помощью уговоров, обмана, хитрости или насилия заплатить за что-л., оплатить какую-л. услугу, отдать какие-л. ценности, деньги (жарг.)» [Химик 2004, 519]. В определении мы видим присутствие семантики нечестного вымогательства путём обманных действий. Объектом подобного вымогательства является *лох* «простак, слишком доверчивый человек, которого легко обмануть». В первом значении лексема *лох* – «потенциальный объект преступления, жертва криминальных действий». [Химик 2004: 298]. Несмотря на то, что в устойчивом выражении за счёт сравнительного оборота стирается криминальная окраска слова, мы наблюдаем сдвиг в сторону «ухудшения» денотата, который делает дисфемизм более экспрессивным за счёт резко отрицательной оценки слова.

3. Третья по частотности выявленная нами тема – материальный достаток, оппозиция богатство / бедность.

И женщин так называемых натуральных, способных полюбить бескорыстно, искренне, грубо говоря, «не за бабки» (Деловой Петербург; 24.09.2010).

Оппозиционная пара: прямая номинация *деньги* – дисфемизм *бабки*.

Бабки – «деньги (обычно большие суммы)» [Химик 2004: 31]. Оппозицию лексеме составляет номинация *деньги* – «капитал, средства» [Ожегов 2009: 160]. Жаргонное слово придаёт выражению экспрессивную оценку, тем самым воздействуя на читателя.

Кто просто хочет, грубо говоря, «бабла срубить», скидывает цену: «А мы сделаем за 400 тысячч» (Московская перспектива; 28.08.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *заработать денег* – дисфемизм *срубить бабла*.

Фразеологизм *рубить / срубить бабки* имеет помету жарг. (крим. и торг.) и означает «активно добывать, доставить, зарабатывать деньги (обычно много), рассматривая это как важную цель» [Химик 2004: 31]. Нейтральный глагол *заработать* – «приобрести работой, трудом» [Ожегов 2009: 217] в сочетании *заработать деньги* выражает семантику «получить деньги трудом», Сочетание *срубить бабла* демонстрирует сдвиг в сторону «ухудшения» денотата: выражение акцентирует семантику приобретения денег как самоцель, нейтрализуя сему «труда».

4. Тема предательства.

Он рассказал, что когда шел процесс по избранию меры пресечения в отношении Александра Николаевича, кто-то пустил слух, что якобы он дал признательные показания и сдал, грубо говоря, Гулевского, и его отпустили под подписку о невыезде (Вести; 06.04.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *предать* – дисфемизм *сдать*.

Лексическая единица *сдать* имеет значение «2. Отказаться, отречься от кого-л., предать общие интересы, пожертвовать кем-л. во имя каких-то своих целей» [Химик 2004: 552] с пометами неодобр. жарг. Оппозицию рассматриваемому дисфемизму составляет слово *предать* «изменнически выдать» [Ожегов 2009: 579].

На мой взгляд, тот урок, который авторитарные лидеры должны извлечь, особенно из египетского опыта, заключается в том, что при первом «шухере», грубо говоря, тебя «сольют» первым (Независимая Газета; 27.04.2011).

Оппозиционная пара: прямая номинация *опасность* – дисфемизм *шухер*; *предать* – *слить*.

Жаргонное слово *слить* во втором значении – «ирон. Избавиться от кого-, чего-л.» [Химик 2004: 565]. Это ярко выраженная экспрессивная лексема. Нейтральной оппозицией к этому жаргону является слово *предать* – «изменнически выдать» [Ожегов 2009: 579]. Оппозиционную пару объединяет общее значение освобождения от кого-л. путем аморальных действий, однако преувеличенная негативная окраска наблюдается в дисфемизме *слить*. Также эффект гиперболизированного огрубения создаёт дисфемизм *шухер* «скандал, ссора, суматоха» [Химик 2004: 746].

5. Тема заступничества / «крышевания» требует включения метаязыкового сопроводителя грубо говоря в силу жаргонизированного характера лексемы, номинирующей тему.

В итоге некоторые банки стали, грубо говоря, «крышевать» терминалы, а некоторые из последних – самостоятельно указывать, что они работают с тем или иным банком, – говорит председатель комитета по платёжным системам и банковским инструментам Национальной ассоциации участников электронной торговли Борис Ким (Северный край; 23.04.2010). Конечно, часть чиновников продолжит, грубо говоря, «крышевать» определенные структуры, рассчитывая на авось, на то, что высокий пост занимают – никто не доберется или не узнает, – говорит «Известиям» председатель комиссии Госдумы по законодательному обеспечению противодействия коррупции Алексей Волков (Известия; 02.03.2011). Оппозиционная пара: прямая номинация *защитить* – дисфемизм *крышевать*.

Жаргонный глагол *крышевать* имеет значение «создавать, обеспечивать крышу» [Химик 2004: 282]. *Крыша* во втором значении – «прикрытие, защита от кого-, чего-л. Охрана бизнеса или людей за определенную плату от нападения, рэкета (обычно криминальная, бандитская форма вымогательства поборов)» [Химик 2004: 281]. Нейтральный глагол *защитить* – «кого-что охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [Ожегов 2009: 225]. Имея общий семантический компонент «охранять кого-, что-либо» с нейтральной номинацией, дисфемизм включает периферийные компоненты «бандитская форма вымогательства поборов», «охрана бизнеса или людей за определенную плату», что демонстрирует сдвиг в сторону «ухудшения» денотата, делает дисфемизм более экспрессивным за счёт резко отрицательной оценки слова.

Обратимся ко второй задаче нашего исследования – выявлению вспомогательных функций рассматриваемого нами рефлексива с оператором *грубо говоря*.

1. Устойчивое словосочетание *грубо говоря* может выступать в качестве комментария, не несущего смысловой нагрузки, выполняющего функцию слова-сорняка.

Грубо говоря, бакалавры не могут работать в науке и занимать самые высокие посты в менеджменте, потому что не обладают достаточным набором знаний и компетенций (Эксперт-Урал; 18.10.2010).

Грубо говоря, сегодня образовательные стандарты не соответствуют профессиональным стандартам и требованиям времени (Комсомольская правда в Новосибирске; 18.01.2010).

Если таким кандидатом окажется Янукович, ему, грубо говоря, позволят использовать фотографии с Путиным в предвыборной кампании (Независимая газета; 30.07.2013).

Роль незначачих слов-паразитов (например, *короче, как бы, чисто и т.д.*) в русском языке выполняет целая группа речевых клише, которые сменяют друг друга в соответствии с модой на то или иное словечко.

2. Выражение *грубо говоря* в языке имеет значение – «приблизительно» [Ожегов 2008: 173]. Из этого следует, что не менее важной функцией рассматриваемого нами метаязыкового оператора является передача информации высказывания в общих чертах, в первом приближении. В этом случае комментарий часто используется для указания на приблизительное количество. Обратимся к материалу:

Если в 2010 году в мероприятиях по благоустройству участвовали 1 миллион 800 тысяч человек, то в этом – 2 миллиона 420 тысяч, грубо говоря, почти каждый пятый москвич (Итоги; 06.05.2013).

Но если сбудутся прогнозы социологов (грубо говоря, 65% у «Единой России», 15% у КПРФ и 10% у ЛДПР), то на кону останется всего 10% голосов, а семипроцентный барьер, кроме трех названных, сможет преодолеть в лучшем случае одна партия (Коммерсантъ-Власть; 05.09.2011).

В таком виде задача, что было очевидно, не имела решения, и ее предстояло упростить: «Знаете, есть такие упрощающие инновации, при которых, грубо говоря, сохраняется 80% функций за 20% цены» (Компания; 21.10.2013).

3. Метаязыковой оператор *грубо говоря* нередко употребляется с целью выражения предположения. Автор описывает ситуацию, которая

не является реальной, но вписывается в контекст прогнозируемых / узнаваемых событий. В таких случаях после метаязыкового оператора, как правило, следует сложноподчиненное предложение с условным значением.

Грубо говоря, если малиновые шорты в обтяжку вдруг начинают пользоваться огромным спросом в какой-то стране, сеть может увеличить их поставки, да еще и поиграть с оттенками цвета, уже через две – три недели после выявления тренда (Ведомости; 23.08.2013).

Грубо говоря, если российский, например, чиновник вымогает с американской компании взятку, это должно стать известным и вызвать международный скандал (Московский Комсомолец; 18.05.2013).

Грубо говоря, если жена хочет верить и убедила себя, что муж ей не изменяет, то это и есть для нее совершенная правда (Московский Комсомолец; 07.11.2013).

4. Оператор *грубо говоря* может представлять собой комментарий-уточнитель. Подобные метаязыковые конструкции делают наименование предмета или явления более конкретным и точным. *Грубо говоря* становится синонимом сочетания *точнее говоря*, иногда союза *или*.

Каждый из ребят взял по рашпиль (грубо говоря, напильнику) и стал воображать, что это волшебная палочка (Московский Комсомолец; 20.11.2013).

В данном предложении представлено уточнение лексического значения. При помощи метаязыкового оператора *грубо говоря* лексема *рашпиль* – «напильник с крупной насечкой» [Ожегов 2009: 670] образует более общую номинацию. Ср.: *напильник* – «ручной инструмент в виде стального бруска с насечкой для снятия небольших слоев металла, грубой шлифовки» [Ожегов 2009: 388]. Данные лексемы, образуя контекстную синонимичную пару, поясняют и дополняют друг друга.

Знаете, в физике есть сигнал, передатчик, грубо говоря (Известия; 19.08.2013).

Самое интересное, что вот эта алчба «звонишь и видишь» (грубо говоря, скайп) не стала важной приметой революции (Известия; 11.07.2013).

5. Метаязыковой оператор *грубо говоря* используется для конкретизации ситуации, для иллюстрации или указания конкретной детали, являясь синонимом лексеме например:

Понятно, что охранники в таких местах, как аэропорт, должны быть физиономистами и выявлять неблагонадежных, грубо говоря, по мочкам ушей (Московский Комсомолец; 27.01.2011).

Грубо говоря, я могу обратиться к соседу за дрелью, моя жена – к его супруге за солью (Заполяная правда; 23.12.2010).

Уже давно никто, грубо говоря, не сидит за банку варенья или мешок картошки (Забайкальский рабочий; 07.12.2010; 235).

6. Метаязыковой оператор *грубо говоря* может сопровождать эвфемистическое высказывание. Комментарий *грубо говоря*, обычно предполагающий ввод дисфемизма, служащий для огрубения речи, используется с противоположной целью – для смягчения с целью акцентирования острой проблемы средствами литературного языка.

Заявляя, что льготы по налогу на имущество за ближайшую пятилетку простимулируют вовлечение в разработку 52 новых лицензионных участков, разработчики законопроекта, грубо говоря, лукавят либо просто не совсем профессионально оценивают эффективность предлагаемых мер (Тюменские известия; 28.09.2011).

Трехчленная парадигма стилистических синонимов: эвфемизм *лукавить* – дисфемизм *врать* – нейтральное *говорить неправду, лгать*.

Эвфемизм *лукавить* в значении «хитрить, притворяться, вести себя неискренне» [Ожегов 2009: 334] имеет более мягкий характер в отличие от стилистического синонима *врать*. *Врать* – «(разг.) лгать, говорить неправду» [Ожегов 2009: 102]. Автор, намеренно избегая более грубого слова и употребляя эвфемизм, путем ввода метаоператора *грубо говоря*, создает эффект акцентирования проблемы. Для любого эвфемизма характерна ассоциативная связь с денотатом опосредованно, через первичное наименование, которое известно обоим коммуникантам. При этом рефлексив *грубо говоря* служит мостиком, который устанавливает прямую и открытую связь косвенной номинации не только с нейтральным (*лукавить* – *говорить неправду*), но и со сниженным наименованием (*лукавить* – *говорить неправду* – *врать*). Парадоксальное употребление в одном контексте, с одной стороны, эвфемизма *лукавить*, а с другой стороны, оператора *грубо говоря* служит средством привлечения общественного внимания к негативным явлениям действительности.

Итак, мы можем сделать некоторые выводы. Метаязыковые высказывания с оператором *грубо говоря* выступают как сигналы зон социального напряжения. Выделенные нами группы продемонстрировали степень тематической свободы, объектом обсуждения в СМИ становятся такие общественные явления, как безразличие, ложь, материальный достаток или бедность, предательство и нечестное заступничество.

Главная функция метаязыкового комментария *грубо говоря* – огрубление речи. Автор при помощи рефлексива формирует у читателя негативное восприятие к обсуждаемым реалиям. При этом сниженные единицы, в семантике которых присутствуют дополнительные смы, работающие на «ухудшение» денотата, усиливают экспрессивность высказывания. Остальные же функции метаоператора *грубо говоря* носят вспомогательный характер. Стоит отметить, что анализируемый метаоператор входит в актуальную группу слов-паразитов, по частотности употребления превосходя употребление словосочетания в значении приблизительности, зафиксированном в толковых словарях.

Литература

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград : Перемена, 2000. – 367.

Словари

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН ; Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2009. – 939 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб. : Норинт, 2004. – 768 с.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И.Т. Вепревой

Огоновская А. И.

студентка 3-го курса УрФУ

Презентационный текстовый жанр как транслятор гендерных ценностей

Ток-шоу «Давай поженимся!» выходит в эфир Первого канала с 2008 года и по сей день обладает высоким рейтингом (по данным исследовательской группы TNS (tns-global.ru) на 2013 год ток-шоу находится на 16 месте среди всех передач российского телевидения). Мы рассматриваем ток-шоу как гипержанр, внутри которого сосуществуют определенные устойчивые жанры. Одним из таких жанров является «визитка». Отметим, что слово-профессионализм «визитка» употребляется журналистами для обозначения микротекстов, предназначенных для представления героев публикуемых материалов.

© Огоновская А. И.

«Визиткой» в границах анализируемого ток-шоу называют небольшой видеоролик, демонстрируемый в студии на экране. На фоне фотографий из личного архива героя/героини диктор зачитывает текст, который содержит информацию о социально-ролевых параметрах жениха/невесты. Социальная роль понимается как «комплекс стандартных общепринятых ожиданий» [Беликов, Крысин, 2001: 183]. В данном случае ожидания связаны с набором устойчивых гендерных предпочтений. Жанр «визитки» строго закреплен композицией сценария. В каждой из программ есть четыре участника (главный герой/героиня и трое претендентов на знакомство с ним/ней). «Визитка» – это устный текст, который представляет собой композиционный переход между первым появлением героя/героини в студии и беседой с ведущей и соведущими.

Отметим, что после программы текст «визитки» уже в письменном виде переносится на сайт программы, где собрана информация об участниках ток-шоу, когда-либо участвовавших в передаче. Таким образом, «визитка» участвует в организации темпоральной структуры ток-шоу как сверхтекста. Она маркирует экспозицию знакомства в студии и одновременно задает перспективу возможных знакомств в ином пространстве.

«Визитка» как самостоятельный текстовый жанр строится по определенной композиционной схеме, включающей паспортизацию героя/героини, краткие сведения о личной жизни, самопрезентацию личных качеств в проекции на семейный лад, предпочтения в выборе спутницы/спутника жизни.

Важно заметить, что «визитка» составляется редакторами программы на основе анкеты, которую заполняет каждый участник во время кастинга. То есть назвать жанр «визитки» собственно самопрезентационным мы не можем: тексты составляются профессионалами с учетом композиционного стандарта, отработанного в течение шести лет, а также в ориентации на субъектное поле ток-шоу.

«Визитка» строится по модели брачного объявления. Исследователи выделяют «наиболее значимые смысловые сегменты текста брачного объявления: возраст, профессия, образование, внешность, образ жизни, черты характера, качества личности, семейное положение, материальное положение, интересы, хобби, наличие детей» [Гришаева 2002 : 94]. Сходство этих жанров обусловлено сходной интенциональной установкой: в программе «Давай поженимся!», как и в брачных объявлениях, «визитка» используется для представления персоны создания «романтических» и в перспективе семейных отношений.

Мы сосредоточим внимание на гендерных ценностях, которые регулярно реализуются в анализируемом жанре. В качестве основных используем термины «ценность» и «стереотип». При этом под ценностями будем понимать «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением» [Стернин 2000: 108]. Под стереотипом – «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающие как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [Бартминьский 2005: 189].

Разделим информацию, содержащуюся в «визитках» на группы:

Мужчины

1. Паспортизация героя. В ориентации на прогнозируемое знакомство в «визитке» указываются ролевые параметры:

Имя. Помимо русских (*Владимир, Сергей, Андрей, Александр*) встречаются имена, информирующие об особой этнической принадлежности персонажа (*Рустам, Тигран, Таосиф, Винченцо*). В программе участвуют представители разных наций. Иногда приходят герои, которые взяли себе псевдонимы. Например, ресторатор *Маркус* в прошлом был *Максимом*, взял псевдоним, чтобы соответствовать профессиональному статусу. Режиссер тетра ужасов Гоген – мидийная личность. В программе он выступал не под своим настоящим именем, а под псевдонимом, который известен широкой публике.

Возраст. Все участники ток-шоу (от 18 до 78) возраст не скрывают.

Род занятий (ср.: *помощник руководителя в строительной компании; помощник руководителя в крупной торговой компании; индивидуальный предприниматель в сфере автобизнеса; юрист и бухгалтер в коммерческой организации; кредитный специалист в банке; соучредитель агентства по организации праздников; музыкант и бизнесмен, сейчас полностью посвятил себя творчеству; фэшн-фотограф*). В сверхтексте отражен широкий спектр трудовой деятельности в постиндустриальном обществе.

Хобби героя (ср.: *увлекается парашютным спортом, ночными гонками, яхтингом; занимается баскетболом и велоспортом; ходит в тренажерный зал, подрабатывает моделью и снимается в клипах; занимается фитнесом; много путешествует и коллекционирует кулинарные книги из разных стран*). Как видно из примеров, основное внимание уделяется спортивным занятиям.

Факультативные сведения: образование (*студент института физкультуры; студент Института культуры*); трудовой опыт (*работал барменом, занимался недвижимостью; преподавал танцы*); жизненные достижения (*чемпион вооруженных сил по рукопашному бою; кандидат в мастера спорта по бодибилдингу; был одним из лучших ди-джеев России; имеет два золотых граммофона; гордится тем, что участвовал в проекте «Голос»; участвует в международных соревнованиях по флейрингу*); наличие собственного бизнеса (*владелец сети магазинов по продаже мебели; владелец свадебного агентства в Таиланде; владелец нескольких компаний за границей; имеет небольшой бизнес по аренде звукового оборудования; частный предприниматель в косметической фирме*).

Иногда в «визитке» отражаются вехи карьеры героя (*в прошлом имел свой бизнес в сфере логистики*) и финансовый достаток (*в 21 год заработал свой первый миллион*).

2. Черты личности в проекции на семейный лад. Эта презентационная часть «визитки» содержит как коллективно одобряемые ролевые параметры (а), так и ролевые параметры, с которыми будущей жене придется примириться (б): а) независимость (*ведет самостоятельную жизнь с 18 лет, очень рано стал самостоятельным*); воспитанность (*с детства приучен к хорошим манерам*); прагматизм (*не мечтает, а ставит цели*); умеренность (*гордится тем, что никогда не гонялся за роскошью*); уверенность в себе (*всегда поступает так, как считает нужным*); б) осознаваемые недостатки: *курит сигары; предупреждает, что много времени уделяет музыке; поздно ложиться спать; своим главным грехом считает обжорство; предупреждает, что любит играть в компьютерные игры; признается, что плохо просыпается по утрам*).

3. Ценностные предпочтения и отталкивания по отношению к будущей «половинке»:

Внешность. Предпочтения: *женится на красавице; женится на девушке с красивыми глазами; его избранницей может стать мини-атюрная блондинка; женится на эффектной девушке с выразительным взглядом и пухлыми губами; его избранницей может стать изящная красавица, похожая на Меган Фокс; женится на высокой одесситке с игривым взглядом*. Отталкивания: *не нравятся силиконовые красавицы с короткой стрижкой; пройдет мимо девушки с короткой стрижкой; никогда не полюбит неухоженную женщину; не обратит внимания на девушку в очках*.

Образование, уровень культуры, воспитание: *не нравятся малограмотные девушки; женится на образованной и воспитанной девушке; мечтает встретить эрудированную девушку из хорошей семьи.*

Характер. Ценностные предпочтения: жизненная мудрость (женится на целеустремлённой и мудрой женщине); умеренные финансовые запросы (бывшая девушка Сергея любила роскошь, Сергей надеется, что Виктория окажется менее требовательной); позитивный взгляд на мир (готов жениться на жизнерадостной женщине); нравственные качества (женится на благородной ценительнице семейных традиций, которая разделит его стремление сделать мир лучше); преданность (Главное, чтобы она умела создавать уют и ждала мужа с гастролей); верность (не простит измену).

Ценностные отталкивания: корыстность (опасается меркантильных девушек; Вячеслав никогда не полюбит меркантильную барышню; никогда не полюбит меркантильную женщину); кокетство (никогда не возьмет в жены любительницу пококотничать с мужчинами); лживость (никогда не полюбит обманщицу и работницу торговли); вялость (никогда не свяжет свою жизнь с безинициативной женщиной); неряшливость, а также грубость (не обратит внимания на девушку, которая сквернословит и не следит за порядком в своём доме).

Нередко в «визитках» отражается общая ценностная установка на семью и детей: *желание иметь детей приветствуется; мечтает создать семью с преданной женщиной, которая умеет отчаянно любить; женится на девушке, которая родит сына и будет дорожить семьей.*

4. Прочая информация: романтический и семейный опыт (часто влюблялся, ни с одной из девушек не удалось дойти до дверей ЗАГСа; Сергей хотел, чтоб его возлюбленная родила ему ребенка, но, так и не став отцом, разочаровался в ней и ушел); история семейных отношений (был дважды женат, не стал препятствовать разводу, сохранил теплое общение со своими бывшими супругами; взял 8 кредитов, купил квартиру в элитном доме, но жена не оценила его поступка и предложила развестись; первая жена призналась, что никогда его не любила и подала на развод, а вторая открыто заявила о своем отвращении и прожила с ним еще 8 лет). Как видно из примеров, личный отрицательный опыт позволяет человеку очертить ядерные ценностные предпочтения.

Женщины

1. Паспортизация героини.

Имя. Как и в случае с мужчинами, наряду с русскими (*Татьяна, Анна, Светлана*), встречаются имена, информирующие об особой этнической принадлежности персонажа (*Гузель, Сюзанна, Лиана*).

Возраст женщин указывается прямо, без утайки, что свидетельствует о преодолении стереотипа о том, что женщине нельзя называть свой возраст. В то же время предельный возраст женщин (71 год) ниже, чем у мужчин.

Род занятий (ср.: ассистент в коммерческом банке; начальник отдела в банке; заместитель директора в департаменте социальной защиты населения; инженер по охране труда на мясоперерабатывающем заводе; риелтор; актриса театра Армена Джигарханьяна; тренер по художественной гимнастике в частном спортивном клубе; студентка; журналист). Непроизводственный род занятий преобладает. Если систематизировать все данные за 6 лет существования шоу, можно составить представления о гендерных профессиональных предпочтениях.

Хобби героини (ср.: занимается конным спортом, катается на коньках и лыжах; увлекается чайными церемониями, читает философскую литературу; увлекается фотографией, занимается фитнесом и любит читать; занимается стрип-пластикой и вокалом, любит фотографировать и путешествовать; рисует акрилом, увлекается музыкой, поет в караоке). Можно отметить сходные увлечения у мужчин и женщин: спорт, путешествия, фотография. В то же время чтение, по данным «визитки», остается по преимуществу женским увлечением.

Факультативные сведения: образование (окончила медицинский институт, по образованию провизор; имеет два высших образования; по образованию педагог-психолог); трудовые навыки (умеет доить корову и колоть дрова; профессионально занимается латиноамериканскими танцами; умеет оказывать первую помощь); жизненные достижения (гордится тем, что ею гордятся родители; гордится своими детьми; гордится разрядом мастера спорта; кандидат в мастера спорта по спортивным бальным танцам); наличие собственного бизнеса (открыла интернет-магазин).

2. Черты личности в проекции на семейный лад. а) Ментально одобряемые параметры: милосердие (помогает пострадавшим животным); сговорчивость, покладистый характер (с ней всегда обо всем можно договориться); миролюбие (гордится своим умением сглаживать кон-

фликты); хозяйственность (*считает себя педантичной хозяйкой*); б) ролевые параметры, с которыми будущему мужу придется мириться: независимость (*предупреждает, что через чур самостоятельна*); капризность (*предупреждает, что капризна*); разговорчивость (*признается, что много разговаривает*); нервозность (*признается, что много нервничает; предупреждает, что излишне импульсивна*).

3. Ценностные предпочтения и отталкивания по отношению к будущей «половинке»:

Внешность. Предпочтения: *выйдет замуж за крупного мужчину* (данная установка встречалась в «визитках» неоднократно); *свяжет свою жизнь с кареглазым брюнетом*. Отталкивание: *не готова связать свою жизнь со смазливym красавчиком*.

Финансовый достаток: *избранник должен обладать зарплатой от ста тысяч рублей; выйдет замуж за перспективного молодого человека, который водит автомобиль*. Финансовый минимум и знаки достатка выделяются регулярно.

Характер. Ценностные предпочтения: *романтичность (выйдет замуж, если избранник сделает ей предложение в Париже)*; ответственность (*будет прощать мужу занятость на работе, если он будет готов взять на себя ответственность за их совместное будущее*); ум, отзывчивость, нравственность (*отдаст свое сердце умному отзывчивому мужчине с высокими моральными принципами*).

Ценностные отталкивания: *ложь, лукавство (не остановит свой выбор на обманщике)*; нечестность, напыщенность, трусость, инфантильность (*не потерпит рядом с собой напыщенного лжеца, труса или маленького сына*); ревнивый характер (*не будет терпеть мексиканские страсти в отношениях*); женоподобие (*не сможет влюбиться в мужчину с женскими чертами характера*); скупость (*не выйдет замуж за скрягу*).

Вредные привычки упоминаются только как ценностные отталкивания: *не подарит поцелуй заядлому курильщику; Юлия влюбилась в бармена, но кроме выпивки его ничего не интересовало. Надеется, что Юрий ведет трезвый образ жизни*. Преобладают упоминания о различного рода зависимостях.

Ценностная установка на семейную жизнь: *мечтает о счастливой семейной жизни; надеется, что Виталий станет хороший отцом для ее сына*. В отличие от брачных объявлений данная установка прямо формулируется лишь в отдельных случаях.

4. Прочая информация: романтический опыт (*всех своих неверных возлюбленных заставляла на месте преступления; 5 лет пыталась построить отношения со своим возлюбленным, но он не оправдал ее надежд, молча собрала вещи и ушла; пыталась найти счастье в Европе, но ни один иностранец не смог завоевать ее сердце*), история семейных отношений (*ушла от мужа с четырехмесячным ребенком на руках; Выходя замуж, надеялась, что проживет со своим супругом всю оставшуюся жизнь, а через три месяца после свадьбы поняла, что не любит его*). Типичные истории: несчастная любовь, неудачная брачная жизнь, измена. Новые истории: добрачные связи с иностранцами. Гендерные сдвиги: инициативы разрыва любовных и брачных отношений принадлежит женщине.

Структура «визиток» и показательные примеры позволяют сделать выводы о ценностной картине мира.

Современные мужчины и женщины уделяют внимание своей физической форме. Вербальные маркеры: *спорт, тренажерный зал, фитнес* и др. Они гордятся своими спортивными достижениями: *мастер спорта по...* Характеризуя предпочтения мужчин, можно использовать термин «мачизм» (от исп. macho – самец), который «обозначает не только половую принадлежность», но и хорошую физическую форму представителей мужского пола: силу, крепость, развитую мускулатуру [Трофимова 2002: 43].

И мужчины, и женщины признаются в важности материальных ценностей. Вербальные маркеры: *фирма, бизнес, достаток, миллион, квартира в Москве, автомобиль*. Мужчины в «визитках» указывают на собственный достаток. Женщины отмечают, что мужчина должен хорошо зарабатывать, иметь автомобиль и квартиру. В обществе возрастает роль материальных ценностей. Демонстрация материального состояния считается маскулинной ценностью; женщины не стесняются указывать на то, что одним из главных критериев выбора мужа будет реальный заработок. Наблюдается отступление от одного из ценностных ориентиров, присущих русскому этносу – «второстепенности материального» [Прохоров 2007: 36].

Мужчины опасаются меркантильных девушек, которые будут использовать их в корыстных целях.

Мужчины мечтают о красивых женщинах. В их сознании возникает определенный образ женской красоты. Привлекательной оказывается девушка, обладающая модельной внешностью. Ценится ухоженность

и красота. Выделяются детали: длинные волосы, пухлые губы, отсутствие очков.

В женщинах ценятся воспитанность, хорошие манеры и образованность. Мужчины желают видеть рядом с собой светскую львицу, умеющую общаться.

Женщина, по мнению мужчин, должна обладать умением создавать уют в доме. Ролевой стереотип остается неизменным: дело женщины: дом, дети, а дело мужчины – заработок и обеспечение семьи.

Лингвокультурологический анализ текстового жанра «визитки» позволяет составить представление не только о гендерных ценностях и стереотипах людей, но и об их динамике. В будущей жене ценятся следующие качества: красота, воспитанность, образованность, покладистый характер, духовность, искренность, верность, умеренные финансовые запросы, желание воспитывать детей. В будущем муже ценятся следующие качества: легкий характер, отсутствие вредных привычек, верность, умение взять на себя ответственность за семью, финансовый достаток, романтичность, честность, самостоятельность. Ядро национально одобряемых ценностей сохраняется.

Литература

Бартми́нский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике. Москва : Индрик, 2005.

Беликов В.И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин ; Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса). – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001.

Гришаева Л. И. Вербальная составляющая стратегии на установление контакта как культурно-специфическое явление (На материале немецких и русских брачных объявлений) // Доклады второй международной конференции «Гендер : язык, культура, коммуникация». – 2002. – С. 92-106.

Прохоров Е. Ю. Русские : коммуникативное поведение. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007.

Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М. : Проект, 2000. – С. 97-113.

Трофимова Е. И. Терминологические вопросы в гендерных // Доклады второй международной конференции «Гендер : язык, культура, коммуникация». – 2002. – С. 41-54.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Пестерева Е. Д.
соискатель кафедры риторики
и стилистики русского языка

Техника речи в научном освещении

В современном понимании *техника речи* (далее ТР) – это «совокупность элементарных приемов в области фонационного дыхания, речевого голоса и дикции, доведенных до степени автоматизированных навыков и позволяющих с максимальной эффективностью осуществлять речевое воздействие» [Введенская 1994: 88]. ТР предполагает оценку и воспитание навыков, необходимых оратору, диктору или актеру для осуществления коммуникативных задач. Базовыми навыками в технике речи являются *дыхание*, связанное со звуком (*фонация*), *голос* и *артикуляция*.

Способы использования этих навыков и коммуникативно-прагматические возможности, обусловленные их владением, могут быть предметом техникоречевого исследования. Для определения методологической парадигмы технико-речевых исследований представляется важным исследовать трактовку понятия «техника речи» в дисциплинах, изучающих звучащую речь. Таким образом, цель нашей работы – охарактеризовать основные подходы к изучению компонентов техники речи в современном речеведении.

1. *Голос* рассматривается как паралингвистическое средство и изучается в рамках теории голосо- и речеобразования [См.: Жинкин 1958, Морозов 1998, Кодзасов 2009, Колшанский 2010 и др.]. Как правило, объектом анализа становятся общефонационные качества голоса и разного рода «произносительные установки» речевого тракта (тип речевого дыхания, фонационные состояния гортани, объем и форма глотки и рта, напряженность стенок резонаторов и др.), которые говорящие постоянно используют в обычной речи [Кодзасов 2009: 344]. Фонация – тип звучания, который поддается управлению (в отличие от неизменяемых характеристик голоса, например, широты голосового диапазона или индивидуальной тембральной окраски). Определенный способ дрожания голосовых связок создает такие характеристики голоса, как шепот, звучность, хриплость, придыхательность и т.п. Дополнительные тембральные модификации голоса, накладываясь на эти качества, делают возможными «смех», «усмешку» или «хихиканье», «вздых», «вибрато» и др. В зарубежной фонетике подобные качества звучащей речи получили

освещение в работах [Catford 1977, Crystal 1975, Laver 1980], в отечественную фонологию они введены в работе [Кодзасов, Кривнова 1977].

С.В. Кодзасов выделяет несколько аспектов изучения просодии: собственно фонетические характеристики (тональные, громкостные, темповые, фонационные, артикуляционные), мотивирующие факторы (индивидуальные произносительные характеристики, особенности речевого взаимодействия, физиологические и эмоциональные состояния говорящих) и др. Комбинаторная модель фразовой просодии, предложенная ученым, кроме тональных признаков включает также динамические, количественные, фонационные и артикуляционные. В силу своей разветвленности она может стать методологически значимой и позволит включить технико-речевые средства в фонетическую систему.

Исследователи выявляют обусловленность и соотношенность просодических характеристик с типами текстов в разных видах дискурса. Так, И.Г. Гирина описывает типы звучания в рекламных текстах [См.: Гирина 2003]. Например, серьезный тип звучания, наряду с умеренным темпом и громкостью, характеризуется особой глубиной и силой, что достигается за счет увеличения глоточного резонатора. Он характерен преимущественно для корпоративной рекламы, цель которой не продать товар, а создать положительный образ надежной фирмы. Лирическому типу свойственна придыхательность, сопровождаемая приглушенностью голоса, размеренным темпом, улыбкой и придающая «светлое», лирическое звучание. Он характерен для рекламы женских товаров, лекарств, а также страховых компаний, проявляющих «заботу» о своих потенциальных клиентах. Рекламному речевому голосу приподнято-жизнерадостного типа свойственны звонкость, отсутствие глоттализации, подъем гортани, резонирование звука в ротовой и частично в носовой полости, повышение диапазона. «Светлое» звучание рекламного текста создается таким качеством голоса, как улыбка, и усиливается широким использованием гласных переднего ряда и сонорных. Низкий тон голоса, в свою очередь, наличие глоттализации символизируют большой размер, солидность, надежность, мощь, престиж; удлинение звука в сочетании с резким подъемом тона – долготу процесса; идея гармонии в семье может передаваться через гармонию ритма и т.д. [Там же].

Функционально-прагматической значимостью обладают «встроенные» и контролируемые параметры голоса. Первые обусловлены полом, возрастом или индивидуальными особенностями говорящего. Так, мужчины обычно рекламируют автомобили, инструменты, смазочные

масла и т.п., а женщины – товары, связанные с личной гигиеной, уходом за детьми. Контролируемые параметры голоса формируются тональными конфигурациями, типами фонации, темпом. Например, придыхание может маркировать высокую степень как положительного, так и отрицательного аффекта, функция «расслабленного» голоса – психологическое «поглаживание» и комфорт, «напряженный» голос ассоциируется с силой, независимостью и другими атрибутами мужественности [См.: Кодзасов 2009: 223-225].

В ряде исследований рассматриваются коммуникативно-прагматические возможности мелодического контура, речевого диапазона и семиологически значимые изменения громкости речевого голоса. [См.: Конурбаев 1999, Миндрул 1980]. Э.М. Конурбаев, приводя историю вопроса, отмечает, что в течение долгого времени считалось, что из всего многообразия сверхсегментных явлений только интонация (мелодия) может «претендовать» на определенное место в системе собственно языковых категорий. Все остальные явления относятся к сфере параязыка, что предполагает отсутствие у них фиксированного соответствия языковой формы и содержания. Сюда относятся и явления голосового тембра: особые свойства звучания, придающие речи те или иные дополнительные оттенки смысла. Дальнейшее изучение речевого тембра позволило выделить термин «тембр II», который был определен как комплекс сверхсегментных свойств, придающих речи те или иные эмоционально-экспрессивно оценочные черты [См.: Миндрул 1980]. Было предложено различать первичные и вторичные качества голоса. К первым относятся лингвистически релевантные параметры «назальности», «придыхательности», «приглушенности», «хриплости», «грудного звучания», «звонкости», «звучности», и «шепота». Ко вторым – модификации голоса, которые обладают несколько большим паралингвистическим своеобразием. К ним относятся растягивание губ, выпячивание губ вперед, сжатие зубов (проговаривание сквозь зубы). Особое значение для тембра II имеют случаи несоответствия тембра II вербальному контексту: были введены такие понятия, как «минусовый» тембр, (т.е. «такая тембральная окраска, в которой не находят отражения «неожиданности» вербального контекста» и степени вариативности тембра II (различаются «насыщенный», «малонасыщенный» и «перенасыщенный» тембр II). О.С. Миндрул вводит четыре понятийно-стилистических и эмоционально-эмфатических категории, обуславливающих функционирование тембра II: категорию стилистической обусловленности, категорию соот-

ветствия / несоответствия вербальному контексту, категорию вариативности и категорию модальности.

Э.М. Конурбаев выделяет ряд характеристик голоса, которые меняются в зависимости от принадлежности текста к функциональному стилю. Он говорит об особом тембральном стиле, который присущ как устной, так и письменной речи. Тембральный стиль, понимаемый исследователем как особая окраска звучащей речи, создается такими голосовыми компонентами, как диапазонная высота, превалирование типа резонатора (грудной или головной). Исследователь ставит задачу обобщить тембральные характеристики на основе изучения артикуляторно-фонетического механизма образования звуковых характеристик. «По характеру звука, образованного в результате дрожания голосовых связок, предлагается использовать оппозицию звонкость – не звонкость. По месту резонирования звука устанавливается дихотомия «грудной» голос – «головной» голос. По степени напряженности ларингальных мышц вводится разграничение напряженный («глоттализированный») голос – расслабленный голос [См.: Конурбаев 1999].

Выявлена соотнесенность резонаторных характеристик с основными логико-понятийными речевыми типами (описание / рассуждение / волеизъявление). Так, описанию соответствует нейтральный головной-грудной резонаторный тон, рассуждению – головной тембр, а волеизъявлению – тембр грудной. Э.М. Конурбаев отмечает, что данное соотношение применимо ко всем без исключения речевым произведениям. Дихотомия «напряженный голос – расслабленный голос» применяется в соответствии со стилистической дифференциацией используемых автором языковых единиц. Напряженность ларингальных мышц усиливается с «повышением» стилистических характеристик и ослабляется по мере их «понижения». Оппозиция «звонкость – не звонкость» оказывается значимой для экспрессивно-эмфатического выделения стилистически маркированных элементов, используемого наряду с синтаксическим и смысловым выделением.

Таким образом, важным для анализа технико-речевых компонентов является выделение типов звучания, которое производится на основе характеристик голоса, и видов фонации. Т.к. качества голоса, выделяемые при тембральном анализе (место резонирования, напряженность ларингальных мышц, хриплость, назальность и др.), создаются при помощи особых дыхательных и артикуляционных установок, данные качества могут являться предметом технико-речевого исследования.

2. *Дикция* является вторым важнейшим компонентом техники речи, который, однако, редко становится предметом исследований в лингвистике. Изучение дикции проводится в рамках исследования восприятия устной речи в психолингвистике. В работе Л.Ю. Кулиш рассматриваются такие качества, как темп речи, дикция, интонационная выразительность с точки зрения их влияния на легкость восприятия звучащей речи [См.: Кулиш 1984]. Указанные компоненты рассматриваются совместно, устанавливается влияние наличия каждого компонента на все остальные. Установлено, что для голоса средней высоты характерно сочетание с ясным и мягким тембром, для низкого голоса – с мягким, сочным и глухим, для высокого – с ясным и резким тембром; общий быстрый темп чаще всего сочетается с нечеткой дикцией, эмоциональность – с энергичным кинетическим сопровождением речи. Некоторые варианты одних параметров сопряжены только с определенными вариантами других параметров. Например, выразительность речи обуславливает четкую дикцию, интенсивная акцентуация – громкость речи, резкий тембр – высокий голос, частые длинные паузы – общий медленный темп речи. Л.Ю. Кулиш приходит к выводу, что успешность приема информации зависит прежде всего от качественных характеристик стержневых параметров первых двух групп: дикции и абсолютного темпа. Если речь трудно воспринимаема из-за невнятной дикции, то она не компенсируется другими параметрами с положительными характеристиками. Кроме того, в соответствии с описанными выше закономерностями комбинаторики вариантов, невнятная дикция сопряжена чаще всего с целым рядом отрицательных вариантов других параметров как внутри самой группы звукового оформления, так и за ее пределами. Невнятная дикция чаще всего представлена в сочетании с монотонной сухой и тихой речью; в группе темпо-ритма – с произношением, при котором «глотаются» слова, с очень быстрым общим темпом, реже с очень медленным.

Дикция может рассматриваться как важнейший фактор таких коммуникативных качеств речи, как ясность и понятность. Исследования восприятия устной речи говорят о том, что понятность многократно повышает эффект воздействия. В работе Е.А. Филатовой установлено, что категории убедительности, эмоциональности и понятности в политической речи, с точки зрения восприятия, имеют прямо пропорциональную зависимость: наиболее убедительными были названы речи, получившие более высокие оценки в категории «эмоциональность» и «понятность» [См.: Филатова 2004].

Часто степень отчетливости произношения может сигнализировать об отношении говорящего к собеседникам, о его заинтересованности в предмете речи и в контакте со слушателями. «Звуковая четкость – это еще и проблема речевого этикета, речевой этики. Уважение к собеседнику означает заботу говорящего о том, чтобы не создавать дискомфорта при восприятии речи, ведь речевая небрежность заставляет слушателя напряженно вслушиваться, переспрашивать» [Марченко 2002].

Проблема четкости дикции сопряжена с вопросом выбора полного или неполного стиля произношения. Выбор неполного стиля, стремление к упрощенности произношения может служить сигналом внутренней установки говорящего на официальность/неофициальность контакта. Например, использование компрессированных форм, таких как «шас» («сейчас»), «ваше» («вообще»), «тыща» («тысяча»), может свидетельствовать о стремлении придать речи непринужденность, сократить дистанцию между говорящим и слушателями. При этом исследователи отмечают, что использование подобных форм весьма частотно и носит массовый характер – они присутствуют даже в речи обладателей высокой речевой культуры. Известен пример М.В. Панова, который, составляя речевой портрет Д.Н. Ушакова, заметил, что в лекции («чопорный» жанр), записанной в искусственных условиях студии, тем не менее, присутствует большое количество подобных вариантов. Очевидно, можно говорить об устоявшихся формах неполного стиля произношения, которые являются признаком разговорности [См.: Вещикова 2008]. В связи с этим необходимо различать явления компрессированного произношения и общей вялости дикции.

Таким образом, дикция становится предметом технико-речевого исследования как фактор, повышающий воздейственный потенциал звучащей речи, обеспечивающий ее ясность и разборчивость и помогающий маркировать стилистический регистр. Отчетливость дикции может рассматриваться как паралингвистическое явление, несущее информацию о стремлении входить в контакт, а также общей речевой культуре.

3. *Интонационная выразительность* предполагает использование в звучащей речи интонационных средств, которые помогают удерживать внимание слушателя. Такими средствами становятся фонетические средства воздействия: акцентное выделение, темп, паузация, ритм, мелодика и т.д. Техника речи подразумевает умение использовать данные средства для лучшего донесения информации и осуществления воздействия.

К.С. Станиславский говорил о необходимости уметь выстраивать особую логическую перспективу текста – «расчетливое, гармоническое соотношение и распределение частей при охвате всего целого» [Введенская 1994: 112]. Он полагал, что «без ясно видимой конечной цели и перспективы ее достижения немыслимы не только произнесение большого текста, но и фразы, слова, даже самого простого, вроде «да» или «нет». Отсутствие конкретной цели приводит к тому, что речевое высказывание распадается на отдельные куски, каждый из которых становится самостоятельно значимым, нарушая тем самым целостность восприятия всей мысли [Там же]. В случае нарушения этого принципа возникает явление, когда слушатели воспринимают фразу не так, как ее планировал произнести говорящий.

Основные ошибки кроются в неумении использовать интонационные средства: логическое ударение, паузы, темп, мелодику. Интонационную выразительность нарушают произвольность пауз, вызванная нарушением ритма неорганизованного дыхания, случайные логические ударения, многоударность (постановка ударений не только на основных, но и на вспомогательных словах), отсутствие интонационной связи между отдельными частями фразы. Распространенной ошибкой при выделении ударного слова в устной фразе является голосовой «нажим» на него. Отсутствие пауз создает неделимый речевой поток, в котором трудно выделить главное. Очевидно, что подобные нарушения можно скорректировать средствами техники речи.

Вслед за логической перспективой техника речи помогает выстроить и художественную перспективу, заключающуюся в умении сознательно распределить голосовые и речевые средства, скоординировать силу и значимость логических акцентов, найти, по выражению К.С. Станиславского, «соотношение силы и качества ударения и создать из них звуковые планы и перспективу, дающие движение и жизнь фразе» [Там же: 118].

Именно при построении интонационной перспективы происходит координация всех технико-речевых средств: голос помогает обозначать мелодические контуры завершенности и незавершенности фразы, дыхание обеспечивает модуляцию интенсивности произношения, диапазонные голосовые изменения создают эмфатическое выделение и т.д. В данном отношении технико-речевое исследование может быть сосредоточено на степени проявленности интонации того или иного типа и помогает скорректировать данный аспект для достижения коммуникативной цели.

Таким образом, анализ основных направлений исследований, в которых изучаются компоненты техники речи, показал, что технико-речевое исследование может иметь свой особый предмет: способ реализации фонетической единицы. В качестве таковых могут быть рассмотрены качества голоса и способы голосообразования (артикуляционная поза, фонационные установки, тип резонатора и др.), отчетливость и активность артикуляции, ее нормативность, общий стиль произношения. Дальнейшее изучение компонентов техники речи позволит расширить понимание фонетической системы и углубить знания об артикуляционном аспекте.

Литература

Бабицкая Л.А. Педагогические условия становления техники речи будущего учителя в образовательном процессе вуза. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Иркутск, 2005.

Бруссер А.М. Педагогические основы преподавания техники сценической речи. Автореф. дисс. канд. пед. наук. М., 2004.

Введенская Л.А. и др. Культура и техника речи: Учебное пособие. Ростов н/Д.: Из-во Рост.ун-та, 1994.

Вещикова И.А. Об особенностях функционирования разговорных (компрессируемых) вариантов произношения в публичной речи // Филологические науки : Научные доклады высшей школы . – 03/2008 . – N2 . – С.12-20 .

Гирина И.Г. Речевой голос в звучащем американском телевизионном рекламном тексте : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : Хабаровск, 2003. – 164 с.

Гришина О.А. Просодические параметры локальной речи (На материале г. Красноярск) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : Красноярск, 2003. – 182 с.

Дроздов Р.К. Формирование навыков публичной речи в процессе обучения русскому языку : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 : Рязань, 2005. – 178 с.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1958. – 369 с.

Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста (на материале немецкого языка) : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.19 Воронеж, 2007. – 255 с.

Киришинова О. В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «Радость» : на материале русского и немецкого языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Киришинова О.В.; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т].- Воронеж, 2010. – 196 с.

Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. – 496 с. – (Studia philologica).

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

Кошанский Г.В. Паралингвистика. Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2010. – 120 с.

Конурбаев М.Э. Теория и практика тембрального анализа текста. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. М., 1999.

Кулиш Л.Ю. Психолингвистические аспекты восприятия устной речи (зависимость восприятия от речевых характеристик говорящего): АДД филол. наук. – Киев, 1984.

Ломыкина Н.Ю. Просодические характеристики речи телеведущих: на материале программ социально-культурной тематики. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2006.

Марченко О.И. От звука к речи: проблемы дикции // Речевое общение: Специализированный вестник / Красноярский гос. ун-т; Под ред. А.П. Сковородникова. – Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002.

Миндрул О.С. Тембр II в функциональном освещении: Дисс. канд. филол. наук. М., 1980.

Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. – М., ИП РАН 1998.

Немушкин А.В. Формирование коммуникативной компетентности при подготовке специалистов социально-культурной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. Автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 2004.

Потапова А.А. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990.

Сунько Т.Ю. Методика работы над техникой речи на уроках риторики в начальных классах. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Рязань, 2009.

Филатова Е.А. Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса: На материале речей британских и американских политиков. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Иваново, 2004.

Чирво А.Ю. Совершенствование произносительной культуры младших школьников в условиях воздействия средств массовой информации. Автореф. дисс. канд. пед. наук. М., 2009.

Эйхгольц И.А. Восприятие признаков эмоциональной напряженности в спонтанной звучащей речи : на материале речи спортивных комментаторов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Эйхгольц И.А.; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т].- Воронеж, 2008. – 201 с.

Catford I. Fundamental problems in phonetics. Bloomington and London, 1977.

Crystal D. The English Tone of Voice: Essays in Intonation, Prosody, and Paralanguage. London, 1975.

Laver J. The phonetic description of voice quality. Cambridge, 1980.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И.В. Шалиной

Харитонова Ю. С.
студентка 3-го курса УрФУ

Языковые показатели интолерантности как маркеры речевого конфликта

Современное общество переживает смену культурных и социальных парадигм, активно и быстро перестраивается. Все эти процессы вызывают непонимание, стрессы и агрессию, мешают кооперативному взаимодействию между людьми и, в конечном итоге, служат причиной острых, порой неразрешимых конфликтов.

В самом общем виде конфликт можно определить как «противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)» [Гришина 2006: 17]. Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений и взглядов, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Следствием культурно-коммуникативного конфликта между индивидами и социальными группами в условиях отсутствия положительного эмоционального контакта является интолерантность. Она выступает формой проявления глубоких социальных или коммуникативных противоречий между участниками социально-коммуникативного взаимодействия [Дзялошинский 2002: 16].

Противостояние участников конфликта выражается в речевых действиях субъектов, поэтому целесообразно говорить о речевом конфликте как неадекватном коммуникативном взаимодействии адресанта и адресата, связанном с реализацией в речи языковых знаков и восприятием их, в результате чего речевое общение строится не на основе принципа сотрудничества, а на основе противоборства.

Языковые средства можно рассматривать как сигналы интолерантных смыслов. Интолерантность выявляется в нарушении категории вежливости как высокого морального качества. В этом случае изначально нарушается установка на предотвращение конфликта. Крайней степенью интолерантного речевого поведения выступает речевая агрессия, которая характеризуется императивной, эмоционально напряженной, психологически сдвинутой позицией автора речи, настойчивым стремлением к достижению коммуникативного результата с помощью суггестивных вербальных и паралингвистических средств, среди которых могут быть

© Харитонова Ю. С.

и непозволительные с точки зрения системно-языковых, стилистических, этических, жанровых норм и правил [Купина, Енина 1997: 27].

Цель нашего исследования – проанализировать речь участника телевизионного политического ток-шоу и выявить языковые сигналы интолерантности, которые создают ситуацию речевого конфликта. Материалом послужило российское общественно-политическое ток-шоу «Поединок» с Владимиром Соловьевым. Приглашенные гости – это два известных человека, имеющих противоположные точки зрения по какой-либо актуальной проблеме. Ток-шоу «Поединок» – это образец политической коммуникации, которая, по мнению А. П. Чудинова, представляет собой процесс общения между участниками политической деятельности, имеющий на функциональном уровне три составляющих: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность). [Чудинов 2003: 31].

Темой 64-го выпуска «Поединка» был вопрос о кризисе национальных отношений и внутренней миграции. Приглашенными гостями были писатель, главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов и политолог, лидер партии «Великая Россия» Андрей Савельев. Участники диалога придерживаются разных взглядов на процессы миграции, происходящие сегодня в стране, на взаимоотношение между коренным населением России и мигрантами.

Объектом анализа является речь Александра Проханова – победителя «Поединка» по результатам зрительского голосования. Проханов является лидером патриотической оппозиции. Политической деятельностью начал заниматься в период перестройки при М.С. Горбачеве. Выступал как антиперестроечник, консерватор. В ельцинский период придерживался радикальных взглядов, выступал с критикой политики президента. Сегодня Проханова называют «советским имперцем» (по словам известного советского и российского писателя А. Я. Степанова). В своих выступлениях он обращается к советскому прошлому, в котором, по его мнению, межнациональные отношения складывались гармонично.

По нашим подсчетам, в речи Александра Проханова в телепередаче около 90% высказываний содержат те или сигналы интолерантности. Буквально с первых минут он начинает проявлять речевую агрессию, используя лексические и синтаксические единицы, которые можно интерпретировать как сигналы интолерантности. Исследователи отмечают, что в речевом поведении говорящего интолерантность как от-

ношение может быть проявлена не только в сторону собеседника. Так, в соответствии с фактором адресата, выделяются три группы «враждебных» речевых действий. Во-первых, речевые действия и поступки, нацеленные на представление собеседника врагом, на ущемление его коммуникативных прав и, наконец, на победу над собеседником. Во-вторых, речевые действия, враждебные по отношению к названному, но не присутствующему третьему лицу. В-третьих, враждебные по отношению к аудитории [Данилов 2006: 170]. Эта триада проецируется на базовую оппозицию политического дискурса «свой – чужие». В речи Проханова частотна лексема *враг* (враг – «человек, который находится в состоянии вражды с кем-н., противник» [Ожегов, Шведова 2008: 102]), употребляемая по отношению к разным объектам: *Врага* нужно видеть в том, кто превращает Россию, русское население в быдло, говорит русским, что они должны покориться. Вот главный *враг*. Это *враг* многоаспектный. Этим *врагом* являются олигархи, <...> этим *врагом* являются либеральные СМИ, этим *врагом* являются коррумпированные чиновники...; этим *врагом*, по существу, являются русские националисты, которые предлагают стратегию отступления. Они считают кавказца *врагом*.

Анализ материала показал, что в речевом поведении Проханова интолерантное отношение, в том числе и речевая агрессия, имеет несколько направлений.

В первую очередь, интолерантность и агрессивность проявляются по отношению к оппоненту (и в его лице ко всем националистам). Александр Проханов открыто обвиняет Андрея Савельева, пытается представить своего оппонента как националиста, стремящегося к развалу России, к отделению Кавказа от России и к краху нашей государственной системы.

На уровне лексики мы выделили следующие используемые Прохановым разряды номинаций и описательных характеристик, порочащих личность [Горбаневский 2001]:

– номинации лица, обозначающие негативную, с точки зрения интересов общества, деятельность, занятия поступки, поведение кого-либо: *Вы противник империи* (противник – 1. Тот, кто противодействует кому-чему-н., враждебно относится к кому-чему-н. [Ожегов, Шведова 2005: 624]).

– номинация лица с констатирующей семантикой, содержащая в себе негативную оценку деятельности кого-либо: *Вы* (обращается

к Андрею Савельеву) – ненавистник советской империи (ненавистник – «человек, постоянно желающий зла другим, исполненный ненависти к кому-н.» [Ожегов, Шведова 2005: 408]); русские националисты видят в кавказцах главную вину своих унижений.

Кроме того, интолерантность проявляется по отношению к власти, как к сегодняшней, так и к постсоветской в целом. М. Горбачева Проханов открыто обвиняет в том, что именно президент виноват в развале СССР, что он, как глава страны, не смог урегулировать внутренние отношения, в результате чего в обществе возникли серьезные проблемы: появление олигархии, усиление коррупции, ухудшение межнациональных отношений. Недостатки сегодняшней власти, по мнению писателя, заключаются в том, что она, по сути, продолжает политику перестройки: невнимание к так называемым окраинам, игнорирование межнациональных проблем, в особенности связанных с народами Кавказа. Оценивая власть и ее действия, Проханов использует

– номинации, содержащие в себе оценочную бранную описательную характеристику: *а власть была сучья, да* (прост, бран.) [Ожегов, Шведова 2005: 779].

– номинации, содержащие негативную оценку действия, с констатирующей семантикой: *полицейские благодаря подкупам смягчают уровень наказания* – (подкупить – «Склонить на свою сторону деньгами, подарками» [Ожегов, Шведова 2005: 571]); *Мы разбрасывались на родами в период Горбачева* (разбрасываться – «Небрежно относиться к кому-чему-н., не дорожить кем-чем-н. (разг.)» [Ожегов, Шведова 2008: 641]); *...кремлевские силы, которые угнетают русский народ;*

– нейтральные номинации лица по роду его занятий, приобретающие в переносном смысле резко негативную окраску: *врагом являются коррумпированные чиновники, как в Кремле, так и на местах* – (чиновник – «перен. Человек, который ведет свою работу равнодушно, без интереса, бюрократически» [Ожегов, Шведова 2008: 452]);

– номинации, содержащие негативную описательную характеристику: *Благодаря <...> бессмысленной миграционной политике российских властей.*

И, наконец, Проханов проявляет интолерантное отношение к не русским этносам, в частности к жителям Кавказа. Проханов негативно отзываясь о кавказских народностях, приводя в подтверждение конкретные факты, используя при этом лексемы с отрицательной коннотацией и/или с экспрессивной окраской: горцы ведут себя агрес-

сивно по отношению к русским (*Мы говорим о чеченском бандитизме. Бандитизм – «преступная деятельность бандитов, разбой, грабеж [Ожегов, Шведова 2005: 369]»; устраивают ситуацию со стрельбой в центре Москвы (При всех этих дагестанских ужасных свадьбах); диктуют российской власти свои требования, которые ущемляют интересы русского народа (Русский сегодня – это слабый, отступающий этнос...; русские находятся под чудовищным воздействием русских спои, русских посадили на наркотическую иглу, русским каждый день внушают, что у русских нет своей истории, что русские – это безработные).*

Проханов четко и без всякой лояльности формулирует свою резко отрицательную позицию по отношению к жителям Кавказа: *Они размножаются, у них возникает своя собственная интеллигенция, элита очень агрессивная. Она спускается со своих гор, своих селений. Они выдавили русских с Кавказа. Они заселяют Ставропольский край, они приходят сюда.* В высказываниях о жителях Кавказа Проханов использует

– номинации, содержащие в себе бранную негативную оценку кого-либо и лексику с экспрессивной окраской: *в Россию хлынет вся чудовищная мразь, которая находится за пределами России* – (чудовищный «перен., разг. презр. необычайный по своим отрицательным качествам»; мразь «О ком-н. дрянном, ничтожном» [Ожегов, Шведова 2005: 889; 368]); *молодая безумная, озверевшая, неокультуренная молодежь*;

– номинации, содержащие негативную оценку действия, с экспрессивной окраской (*валам прет кавказское население; они размножаются; они выдавили русских с Кавказа*).

Анализируемый публичный диалог не лишен свойств, присущих такому социальному феномену, как дискурс враждебности, который выражает враждебное отношение одних людей к другим и / или в соответствии со своей целеустановкой воплощает психологические причины враждебности (содержит прямо несправедливые оценки, обидные утверждения и пр.) и поэтому закономерно вызывает ее [Мишланов, Салимовский 2006: 57]. Например, в его речи отражаются негативные стереотипы и предрассудки. Проханов намекает своими репликами на наличие причинно-следственных отношений между этнической принадлежностью и фактом преступления.

Как показали наблюдения, в речевом поведении Александра Проханова содержится много интолерантных компонентов лексического уровня языка. Политик использует широкий спектр номинаций и описательных

характеристик как своего оппонента, так и заданных темой передачи объектов (власти, политики, мигрантов и т.д.): от нейтральных номинаций, приобретающих в контексте негативную окраску, до инвектив.

На уровне синтаксиса мы также выделяем конструкции, которые являются маркерами интолерантного речевого поведения [Кольцова 2003].

1. Категоричные суждения, не допускающие полутонов, «но» и оговорок – так называемые сверхсуждения: *Это прямой путь к разбрасыванию остатков национальности, из которых состояла прежняя российская, и потом советская империя; Русская философия – это имперская философия!*

2. Использование вопросительных конструкций в репликах, предполагающих обвинение оппонента: *Господин Савельев, скажите, неужели у Вас только одни рецепты? Рецепты вот этой войны, ненависти, сброса Кавказа? Неужели нет других не военных, а более глубоких метафизических рецептов?; Где мы останемся? Мы останемся в Вологодской губернии, которой будут править олигархи?*

3. Использование вопросно-ответных конструкций, которые предполагают установление непринужденности в контактах с аудиторией, слушателями и зрителями, но при этом компрометируют оппонента: *Политологи говорят, что это национальное государство, потому что 80% русских. Какое это национальное государство? Это чисто внешний показатель.*

4. Использование вопросительно-восклицательных конструкций, включающих в себя императив, предполагающих обвинение оппонента: *Нет! Армия, отступай! Минируй Москву и занимайся чисткой школ, дави этих черных, рви их на куски! Вы это предлагаете?!*

5. Использование для описания существующей обстановки в стране конструкций, осложненных рядами однородных членов с подчеркнутой негативной семантикой: *русских споили, русских посадили на наркотическую иглу, русским каждый день внушают, у русских нет своей истории, что русские – это безработные. У русских отняли огромную работу ...*

6. Использование риторических восклицаний, характеризующихся эмоциональной окрашенностью и повышенной экспрессивностью, используемых с целью скомпрометировать оппонента, сочетающихся с императивом: *Довольно кормить Кавказ!; Сбросим националов с наших плеч!; Давайте уменьшимся до масштабов республики Русь!*

7. Использование лексических повторов, используемых для выделения в речи важной в смысловом отношении группы слов с негативной семантикой: *Но когда мы говорим о чеченском бандитизме, господин Савельев, когда мы говорим о чеченском бандитизме, не надо забывать, что существует чудовищный русский бандитизм... Поэтому бандитизм, он есть самый разный бандитизм. И стычка бандитских кланов; Ушли с Востока, ушли из Средней Азии, уйдем с Кавказа, уйдем из Сибири!*

Речевое поведение Александра Проханова приводит к коммуникативному дисбалансу (Т. А. Воронцова), который также является показателем интолерантности. В частности, А. Проханов использует и смысловые, и структурно-смысловые способы создания коммуникативного дисбаланса [Воронцова 2006].

Воздействие на ход диалога, стремление занять лидирующую позицию в диалоге проявляется, например, через нарушение мены коммуникативных ролей. Так, в следующем фрагменте разговор о явлении этнобандитизма в структуре российской власти, начатый Андреем Савельевым, Александр Проханов направляет в русло другой темы:

Андрей Савельев: *это была одна из стратегий...*

Александр Проханов: (перебивает) *Но когда мы говорим о чеченском бандитизме, господин Савельев, когда мы говорим о чеченском бандитизме, не надо забывать, что существует чудовищный русский бандитизм, который покорил целые русские регионы и сделал население самых цветущих кубанских, ростовских земель своей аудией. Поэтому бандитизм, он есть самый разный бандитизм. И стычка бандитских кланов.*

Александр Проханов пытается подчинить себе диалог также при помощи императивных предложений: *Господин Савельев, давайте сбросим Кавказ!; Отрекитесь от концепции национального государства* (обращается к Андрею Савельеву). Для провокации оппонента он использует обличительные конструкции с оттенком долженствования: *Вы же националист. Вы же должны понимать, что русское сознание оно не связано с косовороткой, не связано с формой плуга.*

В речи Александра Проханова практически не представлена вероятностная модальность, напротив – типичны высказывания с подчеркнутой категоричностью, поскольку коммуникант считает свою точку зрения единственно верной и не допускает иного взгляда на ситуацию. Проханов старается спровоцировать своего оппонента на ответные

выпады и агрессию, чем еще более углубляет конфликтную ситуацию. Он стремится взять инициативу в свои руки и лишить своего оппонента возможности высказываться. Тем самым он полностью сбивает программу коммуникации и получает коммуникативное преимущество.

Проведенный анализ показал, что речевое поведение Александра Проханова в ток-шоу было крайне интолерантным. В ситуации противоборства он стремился, в первую очередь, подавить своего оппонента. Результатом такого поведения явился речевой конфликт, который не разрешился, и речевое взаимодействие участников ток-шоу оказалось неэффективным.

Литература

Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство: монография / отв. ред. Т. А. Воронцова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.

Гришина Н. В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.

Дзялошинский И. М. О некоторых причинах интолерантного поведения // Российская пресса в поликультурном обществе. – М., 2002.

Кольцова Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности. // Журнал социологии и социальной антропологии. Том VI, №4, 2003. СПб, 2003. – 113 – 129.

Третьякова В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. – 214 с.

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 550 с.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2001. – 184 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 256 с.

Словари

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, М. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, М. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2008. – 944 с.

Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562, [1] с.

Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: шк 160000 слов / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – Т. 3: Р – Я. – 973 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О. А. Михайловой

Содержание

Лингвокультурологические аспекты исследования

Дао Динь Тхао Основные типы фразеологических единиц в русском и вьетнамском языках	5
Заяц С. С. Энциклопедический компонент концепта <i>мёд</i>	14
Ли Чанг Ситуация гостеприимства в русской и китайской лингвокультурах	21
Лысенко М. А. Способы представления значений в наивных дефинициях (на базе индивидуальных толкований слова <i>счастье</i> в СМИ)	29
Петкау А. Ю., Шань Цзян Концепт <i>здоровье</i> в современных китайских и русских паремиях: сопоставительный анализ	36
Уонг Минь Туан Вьетнамская женщина в зеркале <i>похвалы</i>	46
Чжао И Этнокультурная коннотация животных в русских и китайских зоонимных фразеологизмах	53

Текстовые аспекты исследования

Бортников В. И., Кругликова Е. А. О возможности категориальной идентификации перевода через перевод на третий язык	61
Гоголева И. О. Роль окказионализмов в поэзии О. Э. Мандельштама	67
Деркач В. В. Разновидности креатива в современных рекламных текстах	74
Егорова Е. М. Особенности поэтики романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко»	79
Лёвина Е. С. Административное пространство и семантические разновидности художественно-текстовых пространств	85
Савченко В. В. Структурные типы контекста и их функционирование	91
Степанова М. А. Заголовки на поисковых сайтах: функционально-типологическое описание	94

Жанрово-стилистические и коммуникативно-прагматические аспекты исследования

Берсенева А. А. Стилиевые доминанты блога Евгения Ройзмана «Сила в правде»	103
Исакова Е. А. «Эффект присутствия» в современном радиорепортаже	112
Караваева Е. В. Имиджевый риск: лингвокультурологический этюд	117
Мальцева Т. В. О функциях метаязыкового оператора <i>грубо говоря</i>	121
Огоновская А. И. Презентационный текстовый жанр как транслятор гендерных ценностей	129
Пестерева Е. Д. Техника речи в научном освещении	138
Харитонова Ю. С. Языковые показатели интолерантности как маркеры речевого конфликта	147

Молодые голоса

Сборник трудов молодых ученых

ВЫПУСК 3

Под редакцией доктора филол. наук И. В. Шалиной

Подписано в печать 08.05.2014.

Формат 60×88/16. Усл. печ. л. 9,1. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур»
620028, Екатеринбург, ул. Восточная, 54, тел. (343) 350-78-28

E-mail: azhur.ek@mail.ru, <http://www.ajur.ur.ru>

Заказ № 08/05-1